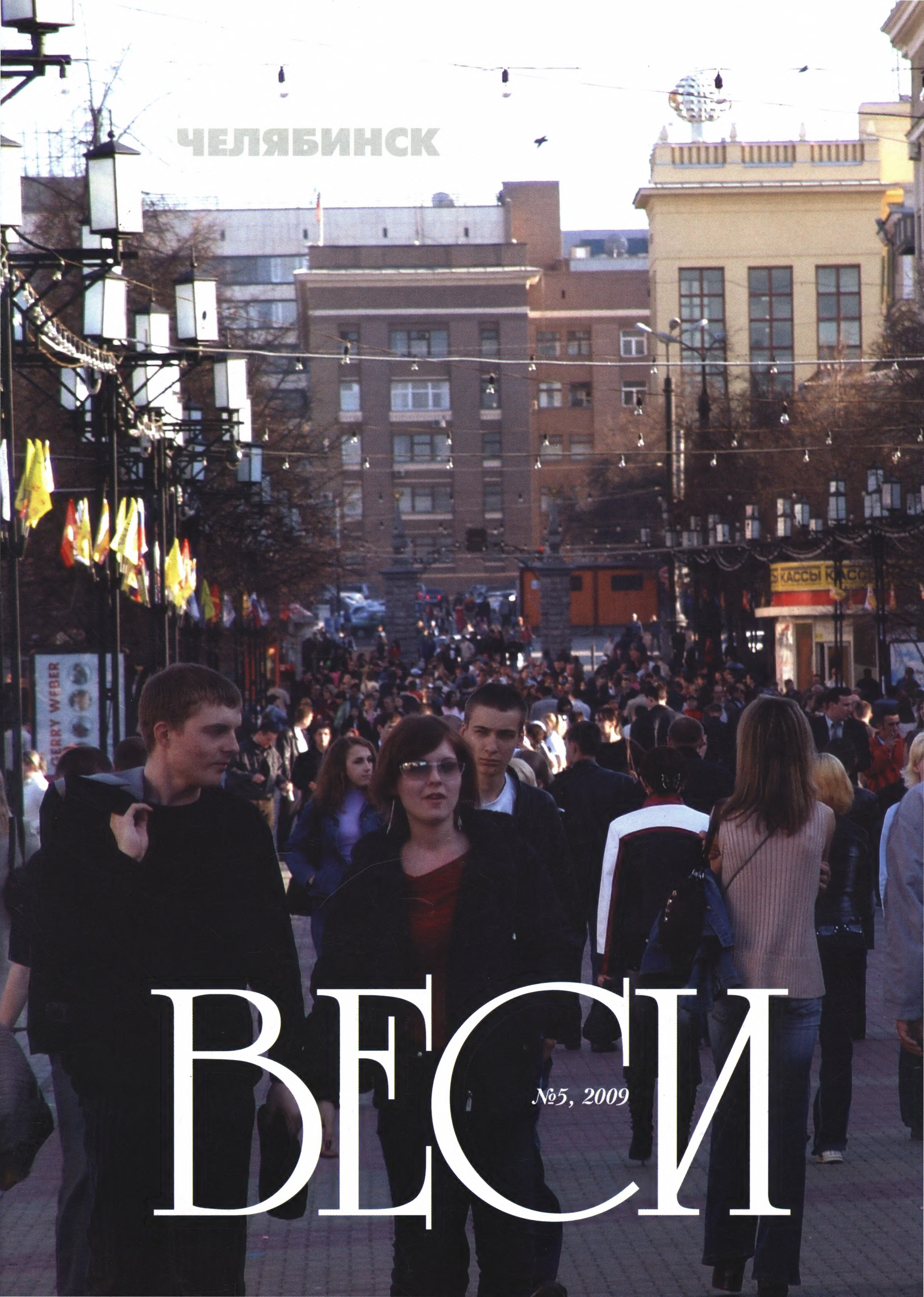

ЧЕЛЯБИНСК
ВЕСИ
№5, 2009
КАССЫ КАСС
GERRY WEBER

ЧЕЛЯБИНСК: ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ КИРОВКА

Недавно довелось побывать в Челябинске. Автобус из Екатеринбурга, въезжая в Челябинск Свердловским трактом, обязательно проезжает мимо так называемого местного Арбата – большой и красивой пешеходной улицы. Раньше она именовалась Екатеринбургской и переходила в Уфимскую. В 1918 году стала Рабоче-Крестьянской, а с 1934 по сегодняшний день зовется Кировской. В обиходе – Кировка.

Давно, уже лет 5 я не был в Челябинске, поэтому улица удивила меня не только обилием монументов и скульптур (исторических и юмористических), провинциальными аттракционами и сочетанием старинных особнячков с современной рекламой, но и какимто особым человеческим настроением. Казалось, она живёт какой-то своей размеренной жизнью.

Конечно, не мог пройти мимо выставочных стендов фотостудии «Каменный пояс»: челябинские фотографы известны и во всём мире. Кстати, юбилейное издание «75 лет Челябинской области в фотографиях. 1934–2009» признано Ассоциацией книгоиздателей России лучшей книгой года.

Уезжая домой Свердловским проспектом, я вспоминал разные лица южноуральцев, встреченных на «екатеринбургской» Кировке, и испытывал какое-то особое чувство... Кое-что успел сфотографировать.

Евгений Бирюков.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Советская, 96)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620026, г. Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Татьяна Богина

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Валерий Ермолаев

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
620026, г. Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел.: (343) 251-65-26,
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: bki@sky.ru

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ:

Тюмень
8(3452) 43-01-14
Чарушникова Елена Анатольевна
Тюменская областная научная библиотека им. Д.Н.Менделеева
625041, г. Тюмень, ул. Бакинских комиссаров, 14а.
tonb.admin@mail.ru

623955, г. Тавда, а/я 7.
Телефон: 8(963) 044-28-87.

Каменск-Уральский
8(950)205-00-20
Сергей Симонов

Ирбит
8 (34355) 637-96
Лилия Васильевна Семиновская

Челябинск
8 (912) 89-98-731
Александр Фёдорович Рейх

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

Нью-Йорк
mgelprin@yahoo.com

Торонто
belov@sympatico.ca

Кустанай
8 (3142) 26-19-14

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложке – фото Татьяны Богиной и Евгения Бирюкова.

Номер подписан в печать 23.05.2009 г.
Отпечатан в ГУП СО «Каменск-Уральская типография»: 623400, г. Каменск-Уральский, ул. Ленина, 3. Заказ № 1097.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ.

Июнь, благодатный июнь. Сколько светлых и добрых мыслей навевает нам этот чудесный солнечный летний месяц.

Вдумайтесь, почему именно 1 июня – День защиты детей? И от кого? Может быть от учителей, до сих пор блуждающих в сомнениях между пресловутым ЕГЭ с его чёткой и отнюдь не русской регламентацией знаний (ах, любимый американский стандарт мы́шления!) и жаждой научить ребёнка думать, чувствовать, сострадать ближнему, дать ему способность видеть мир во всех его проявлениях, сопоставлять, систематизировать... То есть, говоря сегодняшним приоритетоутверждающим языком, вместо арифметики «выбери из трёх правильное решение» внедрить в сознание ребёнка нанотехнологию анализа окружающей его действительности. Создать личность.

Конечно, любому родителю хочется гордиться своими детьми. Мать-Родина даёт детям чудесное время – каникулы. Хотя бы 3 месяца ребёнок может полноценно использовать для создания самого себя. Если получится – то и осень для него тоже может стать любимым временем года, как у самого великого из нерусских русского писателя и поэта. Вдумайтесь, 6 июня – 210 лет Александру Сергеевичу Пушкину! И мы до сих пор вслед за ним пытаемся так же, как и он, любить осень. Все, кто ещё не разучился читать и слушать, кто до сих пор ещё видит ценность в неприбавочном продукте – в душе человеческой.

Но, если душа не выросла, то, что может быть страшнее злобы, агрессии и насилия в малом духом теле?! А ведь именно слабость человеческая и *рожает* желание доказать своё превосходство над этим миром. Хоть чем-то. И если на великое не хватает таланта, то остаётся исподтишка ущипнуть, укусить, ударить, нагадить... А если ещё и оружие в руках... То как легко командовать безоружными.

Да, история знает и Пушкина, и Гоголя, и Чайковского, и Циолковского, и Королёва, и Рерихов... Но еще она знает и гитлеров, и наполеонов, и лениных, дудаевых, саакашвили, ежовых... А ещё – басаевых и шпану из подворотни...

В этом номере – художники и поэты, актёры и общественные деятели, история и современность; открытое письмо главному редактору журнала «Урал» о роли и месте в истории Вадима Очеретина (кстати, его день рождения – 6 июня), и материалы, посвящённые главному для Свердловской области июньскому событию – заседанию Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в Екатеринбурге... И новый раздел под самостоятельной обложкой – «Клятва Гиппократа». В нём мы будем больше заботиться не только о Вашей душе, любезный читатель, но и о теле насущном.

Читайте, и да пребудет с Вами мир, счастье, любовь и гармония.

Главный редактор
Татьяна Богина.

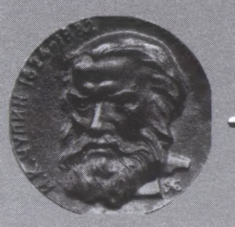
ВЕСИ

№5(53)` 2009
июнь

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Журнал удостоен медали имени Н.К.Чупина

Журнал награждён почётным знаком РАЕН «Звезда успеха»

Выпуск журнала осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Издаётся под патронажем Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО.

Номер подготовлен при участии Свердловского областного музея истории медицины.

БУДЁННОВСКИЕ ПЕРЕКРЁСТКИ

Сергей ГАМАЮНОВ

г. Кисловодск

События в г. Будённовске Ставропольского края в июне 1995 года, спустя более десяти лет после кровавой драмы с захватом города и нескольких тысяч заложников бандой террористов во главе с Шамилем Басаевым, давно уже стали историей, много раз переписанной как очевидцами этих событий (к числу которых относит себя и автор этих строк), так и профессиональными журналистами, сотрудниками правоохранительных органов, экспертами, специалистами по антитеррору, депутатами и разного рода политиками и политиканами.

Каждый автор претендует на приоритет в правдивости и точности изложения будённовской трагедии, при этом каждый по-своему прав и неправ.

Почему?

А всё предельно просто.

Когда я написал книгу «Будённовск. 10 лет спустя. Воспоминания прокурора», многие читавшие её потом с изумлением спрашивали, почему так мало плохого сказано автором в адрес министров и генералов, руководивших антитеррористической операцией по освобождению заложников и захвату бандитов.

В таких случаях я всегда отвечал одно: «Дерьма и грязи вылито на всех без исключения, как истинных героев, так и «героев», за прошедшие годы столько, что хватит на многотомную энциклопедию из серии «Жизнь не совсем замечательных людей». Я хотел рассказать только правду, а оценку пусть даст каждый её прочитавший сам...».

А один из «виновников торжества», милицейский полковник в отставке, бывший начальник Будённовского РОВД, всерьёз обиделся на то, что в книге отведено столь мало места его персоне и его «хождениям по мукам» по воле подлых высоких милицейских и прокурорских чинов.

Будённовский межрайонный прокурор С.В.Гамаюнов. *Июнь, 1995.*

Ну не мог понять человек, что книга не о нём геройском, а о других, более или менее известных...

Вообще сам по себе жанр исторических воспоминаний, мемуарный жанр, более близок к публицистике, к жёстким рамкам и канонам журналистского расследования, что, естественно, не позволило мне в той, посвящённой проблемам антитеррора книге раскрыть более широко образы и характеры отдельных участников трагедии.

Хотя личности, встретившиеся мне тогда в Будённовске, в большинстве своём были интересными, колоритными и запоминающимися.

Кто чем: кто настоящим героизмом и талантом, кто бездарностью и скандальностью...

О чём мне и захотелось сказать именно так, как оно виделось с моей колокольни...

Этими соображениями я и руководствовался и в первую, и во вторую очередь, возвращаясь вновь к истории событий.

«САМОУЧИТЕЛЬ» ДЛЯ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. СЫЩИКИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ

«Для непосредственного руководства операцией по обезвреживанию бандформирований в город Буденновск прибыли заместитель председателя правительства России Николай Егоров, министр внутренних дел Виктор Ерин, директор ФСБ Сергей Степашин и командующий Северо-Кавквзским военным округом Анатолий Квашнин...» («Российская газета», 16 июня 1995 года).

Шли первые сутки проведения антитеррористической операции по освобождению заложников и задержанию боевиков. Руководство операцией было сконцентрировано в так называемых оперативных штабах. Всего в те дни их было пять.

Центральный, или главный, штаб по проведению антитеррористической операции и освобождению заложников располагался в здании Будённовского РОВД и состоял из силовых министров, полномочных представителей Правительства РФ. Отсюда по прямой связи докладывали о ситуации лично премьер-министру Виктору Черномырдину, а также вели переговоры с боевиками. Задача штаба прежде всего состояла в аккумуляции и анализе всей поступающей оперативной информации, координации действий силовых структур, задействованных в проведении операции, и принятии основных тактических решений. От решительности, компетентности и согласованности работы центрального штаба зависел успех всей операции и жизнь сотен и даже тысяч людей. Официально руководителем этого штаба являлся министр внутренних дел России генерал армии В.Ф.Ерин.

По указанию О.И.Гайданова, заместителя Генерального прокурора России, я с первых часов трагедии был определён в главный штаб и, находясь в гуще событий, имел возможность наблюдать за генералом Ериным.

Нужно было принимать активные и адекватные меры к освобождению заложников, предотвращению их расстрелов, чем не переставал угрожать Басаев. Только-только сдвинулся с места переговорный процесс с террористами. В него включились официальный представитель Правительства России, заместитель главы администрации Ставропольского края А.В.Коробейников и начальник краевого ГУВД генерал-майор милиции В.К.Медведицков, а также некоторые другие представители краевых и центральных структур власти.

В.Ф.Ерин, погружённый в думу, молча сидел в уголке, но в то же время и как бы во главе большого стола для совещаний. Вокруг него все ходили с таким видом, словно боялись разбудить министра. Для силовика был он как-то несообразно вял и потерян. Бездействовали и многие другие представители Москвы.

Живым и активным был только Сергей Степашин. Его плотная невысокая фигура, веснушчатое, непроницаемое, округлое лицо, короткий ёжик рыжеватых волос мелькали то тут, то там. К нему постоянно заходили с докладами крепкие ребята в камуфляже, с которыми он общался вполголоса, чтобы не мешать тем, кто находился на телефонах прямой оперативной связи. Был он похож на вездесущего хитрого лиса перед большой охотой – профессия всё-таки накладывает свой отпечаток...

Дым от сигарет стоял сплошной завесой. Не спасали даже настежь открытые окна и несколько вентиляторов. Напомню, что днём жара стояла неимоверная – до 35-40 градусов в тени, и некоторое облегчение наступало только с утренней прохладой, да и то ненадолго.

Ближе к утру инициативу, наконец, решил проявить Виктор Ерин.

– Ну что, прокурор, – заметно картавя и кривя раненную когда-то щёку, обратился он ко мне, – в каком месте штурмовать будем?

И без перехода попросил набросать приблизительный план расположения корпусов больницы и обозначить подходы к ним. К тому времени сотрудники местной милиции, не найдя руководства Бюро технической инвентаризации города (потом выяснилось, что почти весь персонал БТИ оказался в заложниках), взломали двери в архивные помещения и все необходимые документы – карты города и поэтажные планы корпусов осаждённой больницы – доставили в главный штаб. Я показал генералу на карте примерные маршруты, по которым нескольким заложникам удалось сбежать из больницы, но от советов по поводу штурма воздержался – это дело специалистов, а не прокурорских работников.

Зуд активной полководческой деятельности у министра с утра заметно прогрессировал: он вызвал к себе начальника Будённовского РОВД Н.А.Ляшенко. Николай Андреевич рассказывал, что застал Ерина листающим самоучитель игры в бильярд, найденный в книжном шкафу кабинета, где расположился штаб. Для начала генерал поинтересовался количеством сотрудников уголовного розыска, имевшихся в отделе. Их насчитывалось 27 человек. По задумке генерала армии, сыщики должны были, переодевшись в белые халаты и спрятав под ними оружие, на нескольких автомашинах «Скорой помощи» под видом медбратьев войти в первый контакт с боевиками и отвлечь их от главной ударной силы – «Альфы». Такую операцию мог навеять только бильярдный самоучитель, поскольку накануне террористы уже расстреляли две «Скорые помощи», пытавшиеся проехать на территорию больницы.

В ПОИСКАХ «СТРЕЛОЧНИКА». ПО ПРЕЗИДЕНТСКОМУ ВЕЛЕНИЮ, ПО СВОЕМУ ХОТЕНИЮ

Многие руководители края и региональных структур и большинство грамотных и думающих сотрудников оперативных и специальных подразделений выступали против штурма больницы, при котором минимальные потери личного состава могли составить 30, а среди заложников – до 90 процентов.

Однако решающее слово было за руководителями главного чрезвычайного штаба, хотя их действия, как мне кажется, были заранее предопределены на самом высоком уровне.

– Решение о штурме главного здания больницы в Будённовске предварительно было принято с министром внутренних дел Виктором Ериным ещё до моего отъезда в Галифакс, – сообщил Борис Ельцин журналистам в Канаде. – Мы договорились подождать день-полтора и подготовиться, чтобы не натворить что-нибудь во вред.

Но, даже несмотря на эту предварительную установку, брать на себя всю полноту ответственности за силовое решение проблемы никто из высокопоставленных членов главного штаба не спешил. Руководителям операции явно был нужен повод для штурма, на который они могли бы сослаться в случае неблагоприятного исхода операции. С этой целью на вторые сутки в главный штаб пригласили Ю.М.Лушникова, бывшего тогда прокурором Ставропольского края, и предложили ему... потребовать от руководства штаба исполнения данных Лушниковым санкций на арест террористов, личности которых уже были установлены. То есть краевого прокурора пытались, по существу, назначить «стрелочником».

Между тем, переговоры продолжались. Помимо основного их предназначения – попытаться освобо-

Мемориальная стела погибшим милиционерам Будённовского РОВТ.

бора, опоясывающего территорию больницы, и проделать в заборе отверстия, чтобы только ствол винтовки пролез. И таким образом уничтожать боевиков. Для человека понимающего, что собой представляет снайперская винтовка, у которой работает не только ствол, а больше всего важна оптика, всё понятно без комментариев...

Характеристика самому себе – любимому, данная Анатолием Васильевичем Квашниным три года спустя после описанных мною событий, говорит сама за себя: «Если Генштаб – мозг армии, то я – главная извилина» («АиФ», 1998, № 23).

Пришлось близко столкнуться с руководителем армейского штаба и членам следственно-оперативной группы Генеральной прокуратуры РФ, которая по возбужденному по факту бандитского нападения на город уголовному делу проводила осмотры места происшествия. В первую очередь следовало произвести осмотры трупов убитых при штурме здания РОВД девяти сотрудников милиции, шести боевиков и четырнадцати жителей города, которые были свезены во двор здания РОВД.

Руководили проведением осмотров трупов старший помощник прокурора Ставропольского края, начальник отдела по надзору за расследованием особо важных дел прокуратуры края Ю.И.Змиевский и начальник методико-криминалистического отдела прокуратуры края А.М.Сучков (позднее присоединился к участию в проведении этих следственных действий и я).

Все следственные действия в обязательном порядке фиксировались, помимо протоколов, ещё и на фото- и видеокамеры. И тут возникла проблема с работой видеокамеры – шла наводка сигнала от высокочастотных кабелей связи (во дворе РОВД стояла автомашины спецсвязи командующего СКВО).

Александр Михайлович Сучков поднялся в штаб к командующему и, представившись, попросил временно отключить радиостанцию. Квашнин, хотя и не сразу, но согласие всё же дал. Однако связисты, видимо,

дить как можно больше заложников, переговоры с Басаевым, по сути, маскировали подготовку к штурму, позволяли тянуть время и сбивать напряжённость и агрессивность в стане террористов. При разработке плана силового захвата либо полного уничтожения террористов с одновременным спасением заложников оперативники УБОП при ГУВД края и спецназовцы предусматривали минимальное применение оружия широкого поражающего спектра – пулемётов, гранатомётов, автоматических пушек, поскольку боевики выставили в окнах в качестве живого щита заложников. Однако этот вариант операции одобрения министров и генералов не получил. И кто тогда лично одобрил план штурма, который привёл к многочисленным жертвам, сейчас остаётся только догадываться. Как установлено материалами предварительного следствия, при штурме погибли примерно 20 заложников.

Позднее, 29 июня 1995 года на Совете безопасности России Б.Н.Ельцин дал такую оценку работы штаба: «Сегодня мы должны определить виновных за события в Будённовске... Россиянам, всему миру продемонстрирована низкая способность наших спецслужб выполнять возложенные на них задачи...».

Уроки и выводы из трагедии в Будённовске были жёсткими. Указами Президента РФ были освобождены от занимаемых должностей: заместитель председателя Правительства РФ, министр по делам национальностей и региональной политике Н.Д.Егоров, министр внутренних дел генерал армии В.Ф.Ерин, директор Федеральной службы безопасности генерал-лейтенант С.В.Степашин. Все расстались с должностями по собственному желанию...

ДЫРКИ В ЗАБОРЕ ДЛЯ СНАЙПЕРОВ. «ДЕЙСТВУЙТЕ ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ...»

Ещё один штаб – армейский возглавлял командующий Северо-Кавказским военным округом генерал-полковник Анатолий Квашнин. Сразу же по прибытии в Будённовск Квашнин высказал мысль, что нужно поднять в воздух вертолёты и расстрелять больницу. И вообще, мол, возня с террористами и заложниками – дело милиции, армии здесь делать нечего. Один из очевидцев событий, заместитель начальника ГУВД Ставропольского края полковник Н.М.Кривцов рассказал мне позже, как в первые дни операции по освобождению заложников он зашёл в штаб Квашнина. Тот спрашивает: сколько у нас снайперов и где они? Человек пять, отвечает Кривцов, и все расположены вокруг больницы. Тогда Квашнин предложил расставить снайперов вдоль бетонного за-

хорошо знавшие крутой и непредсказуемый характер своего генерала, отказались выполнять устное распоряжение, требуя письменного приказа. После повторного обращения криминалиста Квашнин «разрешил» ему «действовать по своему усмотрению», хотя письменного распоряжения вновь так и не выдал. И когда прапорщик-связист в очередной раз отказался выключать радиостанцию, Александр Михайлович «по своему усмотрению» просто обесточил её, открутив фишку силового кабеля...

Осмотр продолжился.

ПЕРВЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ. ПОЖАТЬ РУКУ БАСАЕВУ?

В Будённовске действовал также милицейский штаб по организации обеспечения общественного порядка и решения вопросов оперативного сопровождения работы оперативно-следственной бригады. Возглавлял его тогдашний начальник ГУВД Ставропольского края генерал-майор милиции Виктор Константинович Медведицков. Он же был и членом главного штаба контртеррористической операции. И заметно выделялся среди других генералов какой-то безоглядной смелостью, независимостью суждений и принимаемых решений. Высокий, худощавый, отчего постоянно несколько сутулился, он много и часто курил. Головные уборы Медведицков, видимо, не любил, ходил и в жару с непокрытой головой, с загоревшей до черноты лысиной, не прикрывавшейся редкими, выгоревшими на солнце волосами. Жёсткое, с обтянутыми кожей калмыцкими скулами, со щёткой прокуренных, подбитых сединой усов лицо генерала говорило о недюжинной силе воли. В ставропольской милиции его уважали, и побаивались генеральского крутого нрава, любовно называя за глаза Батей. Как там у классика: слуга царю, отец солдатам?

Утром 15 июня Виктор Константинович первым пошёл на переговоры с террористами. С собой он взял бывшего министра внутренних дел Чеченской республики Ваху Ибрагимова. Их встретил на втором этаже главного корпуса больницы сам Басаев (террорист № 1 был легко ранен в ногу). На Ибрагимова он даже не смотрел, говорил сквозь зубы. Виктор Константинович, много лет проживший на Северном Кавказе, хорошо знал обычаи горцев. Подав для приветствия Басаеву руку, он понимал, что если ответного рукопожатия не последует, то можно поворачиваться и уходить – переговоров не будет. Басаев выдержал паузу секунд в тридцать, после чего на рукопожатие ответил. Лёд тронулся...

Дышать было нечем от гари и жары. Виктор Константинович присел на стул у выбитого окна. Это чуть было не стоило ему жизни – не выдержали нервы у кого-то из федералов, и внезапная автоматная очередь переросла в шквальный огонь из всех видов имевшегося у осаждавших оружия. Несколько пуль пролетело чуть выше головы Медведицкого. Пришлось падать на пол. Когда генерал по рации высказал армейскому штабу всё, что он о нём думает, стрельба прекратилась.

После обсуждения требований обеих сторон Медведицков возвратился из больницы с четырьмя заложницами. В осаждённую больницу он ходил по нескольку раз в сутки.

На переговоры Медведицков ходил с двумя рациями, обеспечивавшими ему связь с главным штабом во главе с Ериным и со штабом внутренних войск, возглавляемым первым заместителем министра внутренних дел М.К.Егоровым. Егоров руководил всеми объединёнными силами спецподразделений МВД, а также практически силовой частью спецоперации (командный пункт замминистра располагался в здании детского сада в ста метрах от главного корпуса больницы). Так вот, «еринскую» рацию Медведицков, как правило, отключал – чтобы не мешали...

Кампания «перевода стрелок» после будённовских событий коснётся и В.К.Медведицкова. С должности начальника краевого ГУВД ему придётся уйти. Унизительную коллегию МВД РФ, где происходили «разбор полётов» и «раздача пряников», он без крепких слов впоследствии не вспоминал, да и не хотелось её вспоминать, потому что закончилась она его отстранением от должности, нервным срывом и долгим лечением в больницах.

100 ГРАММОВ ДЛЯ ПОДНЯТИЯ БОЕВОГО ДУХА. АТАМАНЫ НОСЯТ «РЫЦАРЯ ЧЕСТИ» НА РУКАХ

«Вчера, прервав участие в работе Совета Федерации, глава администрации края Е.Кузнецов прибыл в Будённовск, где с начала событий находятся первый заместитель главы АСК П.Марченко и зам. Главы администрации А.Коробейников, руководители краевых силовых структур» («Ставропольская правда», 16 июня 1995 года).

Ближе к утру первых суток антитеррористической операции атмосферу неопределенности и ожидания в штабе нарушило появление главы администрации Ставропольского края Е.С.Кузнецова (ныне покойного). Человек крупного телосложения, громкоголосый, шумный (внешне он чем-то даже напоминал президента Ельцина), он сходу начал «казаковать», обвинив присутствующих в нерешительности и бездеятельности.

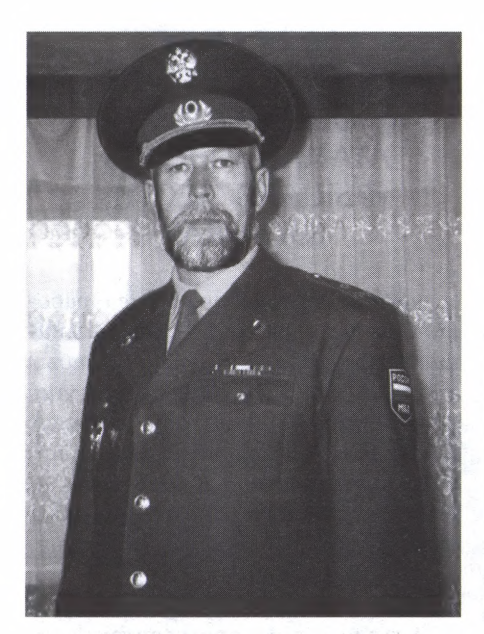
Сразу бросилось в глаза то, что Евгений Семёнович был, мягко говоря, в состоянии сильнейшего подпития (такая слабость за ним наблюдалась, тем более что пример для подражания восседал тогда в Кремле).

Резкий в высказываниях и вспыльчивый О.И.Гайданов сразу же осадил Кузнецова, потребовав покинуть помещение чрезвычайного штаба и не мешать работе. В случае повторения инцидента Гайданов посулил о поведении Кузнецова доложить на заседании Совета безопасности России.

И доложил...

Второй инцидент с участием Е.Кузнецова произошёл 16 июня, в день прибытия в Будённовск депутата Госдумы России и правозащитника Сергея Адамовича Ковалёва.

Сам я свидетелем этого инцидента не был. Утром 15 июня, возмущённый атмосферой безынициативности в работе главного штаба, в котором моя роль сводилась фактически к адъютантской, я обратился к прокурору края Ю.М.Лушникову с просьбой предоставить мне возможность заниматься исполнением своих непосредственных служебных

Заместитель начальника ТУВТ СК Н.М.Кривцов.

Начальник ТУВТ СК В.К.Медведицков. *1995 год.*

Прокурор-криминалист А.М.Сучков.

обязанностей – участвовать в проведении наиболее важных следственных действий. Просьба моя была удовлетворена, и я немедленно покинул штаб.

Правозащитник С.А.Ковалёв в 1994-1995 гг. получил широкую известность как последовательный и резкий критик политики Кремля в Чечне (за что был награждён Д.Дудаевым в начале 1995 года орденом «Рыцарь Чести» непризнанной чеченской республики Ичкерия). Он прибыл в Будённовск как политический представитель Егора Гайдара в основном с целью заработать политический капитал в преддверии предстоящих в декабре 1995 года выборов в Государственную Думу.

Что же произошло в штабе с приездом «рыцаря чести»? Вот почти дословный рассказ об этом бывшего прокурора края Ю.М.Лушникова:

«Недовольный тем, как к нему отнеслись в штабе операции, Ковалёв при всех позвонил Гайдару и начал высказывать свои претензии. Один из присутствовавших в штабе генералов, обутый по причине жары в домашние тапочки, как бы невзначай зацепил ногой телефонный провод и вырвал его из розетки. Ковалёв ещё долго под смешки присутствующих пытался докричаться до Егора Тимуровича, но безуспешно. Наконец присутствовавшему в штабе губернатору края Кузнецову эти крики надоели. Он встал и, обращаясь ко всем присутствующим в штабе, сказал:

– Господа, я считаю присутствие здесь Ковалёва неуместным. Я требую, чтобы его отсюда вынесли!

Ковалёв возмущённо стал требовать прокурора, а Кузнецов скомандовал присутствующим в штабе казачьим атаманам из своей свиты:

– Атаманы, выполняйте!

Подоспевшие казачьи атаманы с удовольствием выполнили это указание, поскольку Ковалёв популярностью на Северном Кавказе, а особенно у воинствующих казаков, не пользовался. Все знали политические мотивы, которые им двигали, когда он фактически давил на штаб, требуя немедленного выполнения условий террористов Басаева о прекращении боевых действий в Чечне и выводе оттуда войск».

Сложно сказать, какой из описанных мною инцидентов повлиял впоследствии на решение Президента Б.Н.Ельцина об освобождении Е.С.Кузнецова от должности главы администрации Ставропольского края по непопулярному п. 1 ч. 1 ст. 254 Кодекса законов о труде Российской Федерации – за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей руководителем (Указ Президента Российской Федерации от 30 июня 1995 года № 659).

По другим версиям, распространённым тогда в СМИ, Кузнецов подпортил в глазах Москвы свою репутацию «надёжного провинциала» независимыми суждениями о причинах сложной социально-экономической ситуации в стране. И довольно резкими заявлениями об откровенном стремлении ряда политических деятелей на старте предвыборного марафона удачно засветиться на фоне будённовских событий. В действительности такой уход Кузнецова от конкретики задач спецоперации к чисто политическим вопросам имел тогда место. Так это или иначе, ответить смогут только бывший Президент России и те, кто готовил проект Указа.

Но, ах, как сильны были ещё тогда в России старые проверенные установки и принципы работы компартии, и сильны были ещё многие выходцы из КПСС. А один из основных работавших тогда принципов гласил: «Партия кадрами не бросается! Сняла с одной руководящей и ответственной работы – переведёт на другую, не менее ответственную...». Уже 6 июля 1995 года формулировка президентского Указа в отношении Кузнецова «по просьбе общественности» была изменена на «освобождён от должности по собственному желанию». Евгений Семёнович был назначен торговым представителем России в Аргентине. Потом был общественным представителем и советником губернатора Ставропольского края Александра Черногорова. 3 ноября 2005 года Е.С.Кузнецов нелепо погиб под колёсами милицейской автомашины на одной из улиц Ставрополя.

ДЕПУТАТЫ. «ВЫ ПОЧЕМУ НЕ ДЕЛАЕТЕ ШТУРМ»? БУТЫЛКА «ЖИРИНОВКИ» ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО ПОЛКОВНИКА. ЧУДОТВОРЕЦ ИЗ ДЕПУТАТОВ, ИЛИ ДЕПУТАТ ИЗ ЧУДОТВОРЦЕВ

К вечеру 15 июня в Будённовск прибыли депутаты Госдумы РФ В.Курочкин, Ю.Рыбаков, В.Борщев, О.Орлов. А ночью нагрянул В.В.Жириновский в окружении крепких парней в белых рубашках, каких-то генералов, корреспондентов.

Жириновского, в отличие от других депутатов, узнали и пропустили в главный штаб сразу. Как позднее рассказывал мне Ю.М.Лушников, войдя в помещение, Жириновский с полководческим апломбом сел на стол, закинул нога за ногу и стал верховодить.

– Ну, какого хрена вы тут штурм не делаете?!

Владимир Вольфович предлагал уничтожить всех боевиков вместе с родильным отделением, в котором они засели: дескать, для великой России ничего не жалко – разбомбить больницу, и конец проблеме...

Ему тактично объяснили, что в больнице две тысячи заложников, и если «делать штурм» без подготовки, то погибнут люди – в основном женщины и дети.

Присутствовавший в штабе заместитель начальника ГУВД Ставропольского края полковник Николай Кривцов попытался разрядить атмосферу шуткой, впрочем, довольно мрачной: мол, он перед штурмом положит в карман записку о том, что в случае смерти он просит считать его членом ЛДПР... (Н.М.Кривцов трагически погиб в авиакатастрофе спустя десять лет после описанных событий.)

Довольный Жириновский рассмеялся.

– А, вот это слова настоящего полковника, давайте сюда бутылку!

Адъютанты из его свиты принесли бутылку водки «Жириновка», огромное количество которой они привезли с собой и раздаривали налево и направо. Кривцов потом эту наградную бутылку всем показывал в штабе.

Порассуждав ещё на тему о том, как надо штурмовать больницу, Владимир Вольфович вышел на крыльцо и, собрав вокруг себя большую толпу, указал на здание штаба.

– Вот там сидят подлецы, которые хотят штурмом взять больницу! Я не допустил этого, я сказал, что если они это сделают, погибнет две тысячи человек!!!

В ответ толпа принялась восторженно скандировать:

– ЖИ-РИ-НОВ-СКИЙ! ЖИ-РИ-НОВ-СКИЙ!

Теперь, когда я слышу расхожее мнение, что политика – грязное дело, то всегда вспоминаю эту историю.

Кстати, в больницу на переговоры с Басаевым лидер ЛДПР идти отказался: мол, много чести этому негодяю Басаеву, чтобы я к нему пошёл. После бесславного штурма, когда погибли часть заложников и несколько бойцов спецподразделения «Альфа», команда Жириновского покинула город.

В отличие от Владимира Вольфовича, одного из членов его команды, снискавшего громкую славу целителя и чудотворца, лавры миротворца прельстили. Накануне телевидение сообщило о желании молчаливого психиатра и народного целителя, депутата Госдумы от фракции ЛДПР Анатолия Кашпировского прибыть в Будённовск из Старого Оскола и лично уладить все проблемы с террористами до вторника 20 июня.

В главном штабе операции по освобождению заложников он со своим помощником появился во второй половине дня 17 июня и с порога заявил, что хочет разделить судьбу заложников. На что Ю.М.Лушников ему посоветовал воспользоваться историческим шансом пойти в больницу вместе с журналистами и с помощью своего уникального дара внушения усыпить бандитов. Мол, если такое удастся, то ему благодарное Отечество поставит золотой памятник.

Кашпировский начал говорить, что дело это очень сложное и непростое, но он попробует. И он действительно пошёл в больницу с группой депутатов и журналистов, где просил у Басаева дать ему вывести несколько заложников, чтобы оправдать свой приезд и принадлежность к депутатскому корпусу. Но Басаев ему отказал и, смеясь, словно подслушал слова прокурора края, предложил подействовать на них своими паранормальными способностями экстрасенса и целителя. Как и следовало ожидать, «чудотворец» из депутатов, или «депутат из чудотворцев», ничего не смог сделать.

Когда делегация собралась из больницы уходить, он попросил дать ему вывести хотя бы двух-трёх детей, на что Басаев сказал, что даст, если Кашпировский переночует с ними в осаждённой больнице.

Те из женщин, которые были уже выпущены на свободу, да бывший председатель Конституционного суда Чеченской республики Ихван Гериханов, присутствовавший в это время в больнице с миссией парламентёра, а также освещавшие будённовскую трагедию журналисты рассказывали, что Анатолий Кашпировский, общаясь с заложниками, сначала пообещал остаться вместе с ними. Однако затем ему стало плохо в тесных, с удушливым воздухом больничных коридорах, и он покинул больницу на руках своих коллег, сопровождаемый возгласами испуганных женщин:

– Куда же вы?!

В тот же день Кашпировский уехал из Будённовска. Правда, напоследок успел, захлёбываясь от восторга, рассказать любопытствующему народу о том, что не такие уж террористы «страшные и жестокие». За что едва той же публикой не был избит.

ГЕРИХАНОВ ЛЕТИТ В БУДЁННОВСК. КОРИДОР ДЛЯ БОЕВИКОВ. РАСПИСКА СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ПРИГОВОРОМ

«Менее чем через час мирное соглашение было подписано. От чеченцев подпись поставил, конечно, Шамиль Басаев, от российского правительства – Ковалёв, Рыбаков и я. Под документом также подписались Сергей Попов (от администрации Ставропольского края), Олег Орлов от «Мемориала» и Джабраил Хангошвили от имени чеченской диаспоры. Но насколько я помню, в больнице был бывший председатель Конституционного суда Чечни Ихван Гериханов, он и составил текст соглашения, который я потом переписал начисто в трёх экземплярах. Басаев удостоверил свою подпись печатью с надписью: «Чечен-

Начальник ТУВТ СК В.К.Медведицков и депутат ГД РФ С.А.Ковалёв.

ская Республика Ичкерия. Разведывательно-диверсионный батальон. Вооружённые силы». Рядом поставил время и дату: 10 часов 03 минуты, 18 июня 1995 года (Виктор Васильевич Курочкин, «Миссия в Чечне», Москва, 1997).

Депутат Госдумы РФ В.В.Курочкин был абсолютно прав: в переговорах с Басаевым во время проведения операции по освобождению заложников из Будённовской больницы в числе полномочных представителей Правительства России участвовал Ихван Баудинович Гериханов – бывший председатель Конституционного суда Чеченской республики и мой однокашник по очному отделению Свердловского юридического института имени Р.А.Руденко (ныне Уральская государственная юридическая академия).

Шёл 1975 год. Мы с Ихваном учились в параллельных группах первого курса института. Объединяло нас многое. Прежде всего, земляческое братство: оба с Северного Кавказа, оба ночами подрабатывали: Ихван – сторожем в детском садике, я – грузчиком на овощной базе. Активно занимались общественной работой: я – в комитете комсомола института, Ихван – в профсоюзном комитете. Входили в студенческое научное общество, где под руководством доцента П.Г.Щекочихина «грызли» советское государственное право. Ну и, наконец, писали курсовую работу мы с Ихваном по одной теме: «Является ли Грузия федеративным либо унитарным государством?», поскольку оказались оппонентами по этому государственно-правовому вопросу. Я защищал позицию советских государствоведов со сталинской концепцией унитарности грузинского государства, основанной на единстве этнических и культурных корней населяющих Грузию народов. Гериханов отстаивал концепцию федеративности Грузии, основанную на непонятной многим тогда идее национального самоопределения и независимости народов, противоречащей великодержавной политике Советского Союза.

Кто мог тогда предсказать, что идеи эти подтолкнут центробежные тенденции в развитии союзного государства, развалят его до основания, а братские некогда народы будут отстаивать свою национальную идею с оружием в руках. Кто мог тогда предвидеть, где и на какой стороне баррикад окажется Грузия с её автономиями через два десятка лет, где окажемся мы сами с Ихваном...

Я с июля 1987 года стал работать в органах прокуратуры Ставропольского края и к дню трагических событий июня 1995 года и нашей новой встречи с Герихановым пятый год как исполнял обязанности Будённовского межрайонного прокурора.

Ихван же после окончания института вернулся в Грозный, где, пройдя длинный путь от адвокатской конторы до Дворца правосудия, стал депутатом парламента Чеченской республики, возглавив комиссию по этике. В начале 1993 года Гериханова избрали председателем созданного в Чечне Конституционного суда республики.

Во время будённовских событий Ихван, приехавший навестить семью в Москву, через своих земляков получил приглашение министра по делам национальностей Правительства РФ Николая Михайлова вылететь в Ставрополье и принять участие в переговорах с Шамилем Басаевым. Утром 15 июня Гериханов встретился с Н.Михайловым, который подтвердил своё предложение, сославшись на поручение премьер-министра России В.С.Черномырдина.

Надо сказать, что Гериханов знал Басаева с 1992 года, да и Басаев хорошо был осведомлён о Гериханове как одном из высших должностных лиц Чеченской республики. Необходимо было использовать любую возможность для спасения невинных людей. Считая себя морально ответственным за это, Гериханов, не задумываясь, согласился и в тот же день отправился в аэропорт «Чкаловский». Там его уже ждал самолёт, в котором находился В.В.Жириновский со своей командой.

В Будённовске самолет приземлился около 12 часов ночи 15 июня. Потом были встречи и консультации с членами штаба по освобождению заложников Егоровым, Степашиным и Медведицковым, были неопределённость, тревога и ожидание развития событий. А когда боевики, не дождавшись встречи с журналистами, расстреляли пятерых заложников, обстановка стала ещё более нервозной.

Гериханов предложил главному штабу свои услуги в переговорах с Басаевым. Его попытались убедить, что Басаев, после того как в переговорах пытался принять участие его двоюродный брат, в случае появления в больнице кого-либо из земляков грозился расстрелять ещё пятерых заложников. Но Гериханов настоял на своём под тем условием, что предварительно согласует свои действия с Басаевым.

Он позвонил в больницу из штаба. Трубку взял один из заместителей Басаева Асламбек Исмаилов, или, как его называли, Асламбек-младший. И хотя он хорошо знал Гериханова, но разговаривал очень сухо, пообещав лишь, что о звонке доложит Басаеву.

Басаев встретиться отказался, доверив ведение переговоров своим помощникам. Гериханов пошёл в больницу вместе со своим сопровождающим Джабраилом Хангошвили. Встретил их Асламбек-младший. Гериханов изложил, в чём заключается главная их миссия – сохранить жизнь заложникам и узнать мотивы действий и цель тех, кто взял в заложники невинных людей. На этом переговоры закончились – террористы отказывались от диалога без представителей депутатского корпуса и журналистов.

По возвращении в штаб разразился большой скандал по поводу

того, как Гериханов мог пойти в больницу без санкции вице-премьера правительства Николая Егорова. Но после беседы с Ихваном Егоров изменил своё отношение к нему и попросил Гериханова продолжить переговоры. При этом Егоров заявил: «Сами мы в переговорах участвовать не будем, наша задача – уничтожать бандитов...».

18 июня Гериханов дважды с группой депутатов, журналистов и представителей штаба ходил к боевикам. Басаев в очередной раз высказал заранее заготовленные требования – прекратить боевые действия в Чечне, вывести оттуда федеральные войска и сесть за стол переговоров с Дудаевым. Парламентёрам вручили написанные рукой Басаева требования. В ходе обсуждения и пришло решение – отвести от осаждённой больницы войска, создать коридор для отступления боевиков и дальше продолжить переговоры. Документ подписали: Ш.Басаев, Д.Хангошвили, О.Орлов, Ю.Рыбаков, В.Курочкин, С.Ковалёв. Затем его по сотовому телефону зачитали Черномырдину, и тот его одобрил.

После того как соглашение было подписано, Басаев дал команду отпустить ещё часть заложников. С Гериханов из больницы вышло более ста человек женщин и детей, а депутаты и журналисты остались в больнице до утра следующего дня. Больше суток ещё уточнялись нюансы ухода боевиков в Чечню – их прикрытие, сопровождение, обеспечение транспортом, водой, продовольствием, медикаментами и многое другое. Парламентёры приходили в больницу ещё несколько раз, и Басаев разрешал небольшим группам заложников покидать больницу вместе с ними.

После принципиального достижения соглашения об освобождении всех заложников Гериханов, считая свою миссию выполненной, направился в аэропорт «Минводы». В голове засела фраза Басаева: «Помни, что ты чеченец. Если в пути с головы моих бойцов упадёт хоть один волос, отвечать будет весь твой род!».

В это время появился провокационный документ, предложенный якобы министром внутренних дел В.Ериным, чуть было не погубивший результат всего переговорного процесса. Был подготовлен бланк расписки, смысл которой состоял в том, что покидающие согласно договоренности больницу боевики, сопровождающие их заложники, депутаты и журналисты добровольно входят в преступную группировку Шамиля Басаева. Фактически, в случае непредвиденного развития ситуации, это означало смертный приговор каждому подписавшему этот документ.

По дороге в аэропорт Гериханова догнала машина с посланцем от С.Степашина: просьба возвратиться в Будённовск – переговоры под угрозой срыва, помощник Басаева Асламбек-большой заявил, что без председателя Конституционного суда Чечни дальнейшие переговоры вести не будет.

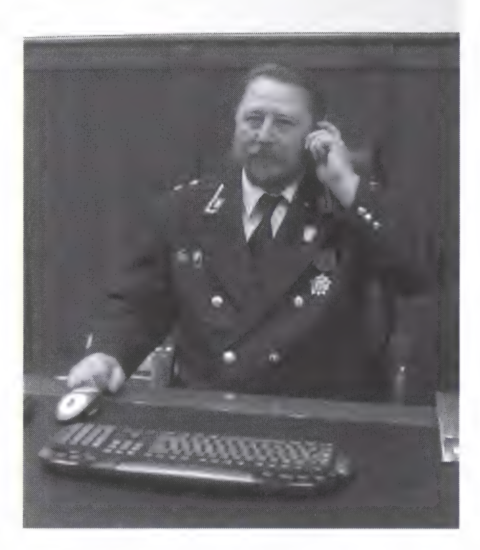
Возвратившись с полдороги, Гериханов с негодованием потребовал у В.Ерина объяснений. В ответ министр заявил, что расписка предназначена на тот случай, если в дороге с боевиками и заложниками произойдёт что-либо непредвиденное, и он не желает из-за случайностей рисковать своими погонами. Из разговоров в штабе стало известно, что по дороге в Чечню планировалась очередная силовая операция по захвату боевиков. Обо всём этом Гериханов сообщил по телефону В.С.Черномырдину, который тут же аннулировал провокационную расписку. Переговоры вновь продолжились.

Когда автобусы с боевиками и сопровождающими готовились к выезду, Ихван решил зайти в главный штаб антитеррористической операции. Но его не пустили даже в здание РОВД, а дежурный подполковник с ненавистью произнёс:

– Да ты не лучше боевиков...

Назревала взрывоопасная ситуация. Готовая устроить самосуд, бурлила разъяренная толпа горожан. Доведённые до исступления кровавыми событиями этих дней люди были недовольны исходом переговоров и тем, что Правительство России пошло на поводу у террористов. Страсти к тому же подогревали казаки, требующие взять в заложники всех проживающих на территории города и района чеченцев либо выдворить их за пределы Ставропольского края.

С Ихваном мы случайно встретились на дорожке у здания РОВД. Его невысокую, коренастую и крепкую фигуру борца я узнал издали. Обнялись. И хотя не виделись 16 лет, обстановка не располагала к расспросам о жизни, семье, делах, да и времени не было. Я не без труда оттеснил Ихвана от толпы в сторону. Гериханов коротко рассказал о своей миссии в Будённовске и попросил организовать встречу с директором ФСБ Степашиным.

Прокурор Ставропольского края Ю.М.Лушников. *1995 год.*

Поручив бойцам из оцепления отсечь делегацию чеченцев от толпы горожан, я быстро нашёл в штабе Степашина и передал ему просьбу Гериханова. Перед отъездом в аэропорт «Минеральные Воды» Ихван зашёл ко мне в прокуратуру попрощаться, после чего чеченская делегация на трёх выделенных Степашиным машинах уехала.

В 2004 году мы вновь встретились с Ихваном в Екатеринбурге на торжествах по поводу 25-летия окончания Свердловского юридического института. Годы практически его не изменили: те же неповторимые, неподражаемые, как у прославленного командарма Будённого, усы, та же щегольская нотка в одежде. Разве что в чёрных смоляных волосах седин прибавилось, да макушку украсила ранняя залысина.

Как оказалось, Гериханов ведёт кочевую жизнь беженца, не имеет собственного жилья, отказавшись по этическим соображениям от предложенной ему после командировки в Будённовск квартиры в Москве. С должности председателя Конституционного суда ЧР он давно подал в отставку, но, несмотря ни на какие беды и невзгоды, он остался тем же, что и 25 лет назад, – идеалистом и порядочным человеком.

Май 2006 – май 2009 года.

УКРАИНА, БОЛЬ МОЯ

Александр ЧЕХЕТ

г. Санкт-Петербург

Я родился на Украине. Это – моя родина, я люблю её, люблю мягкий и певучий украинский язык. Тем более горько видеть мне всё усиливающийся там размах русофобии, уже несколько лет как инициированный правящими кругами Украины и поддерживаемый частью интеллигенции (вплоть до подлога фотографий о голодоморе на Украине, сделанных на самом деле в штате Алабама и в Поволжье).

Кстати, об их требовании употреблять предлог в (в Украине), а не на (на Украине), как это было всегда у нас принято. Якобы употребление предлога на унижает украинцев, выделяя Украину из других стран. По их мнению, предлог на означает только движение поверх чего-либо...

Я провёл самое поверхностное «расследование», и вот что у меня получилось (я сравнивал «равноценные» географические единицы):

на Руси, на Украине – в Австрии, в Латвии,

на Кубе – в Гаити (островные государства),

на Алтае, на Памире – в Альпах, в Андах (горы),

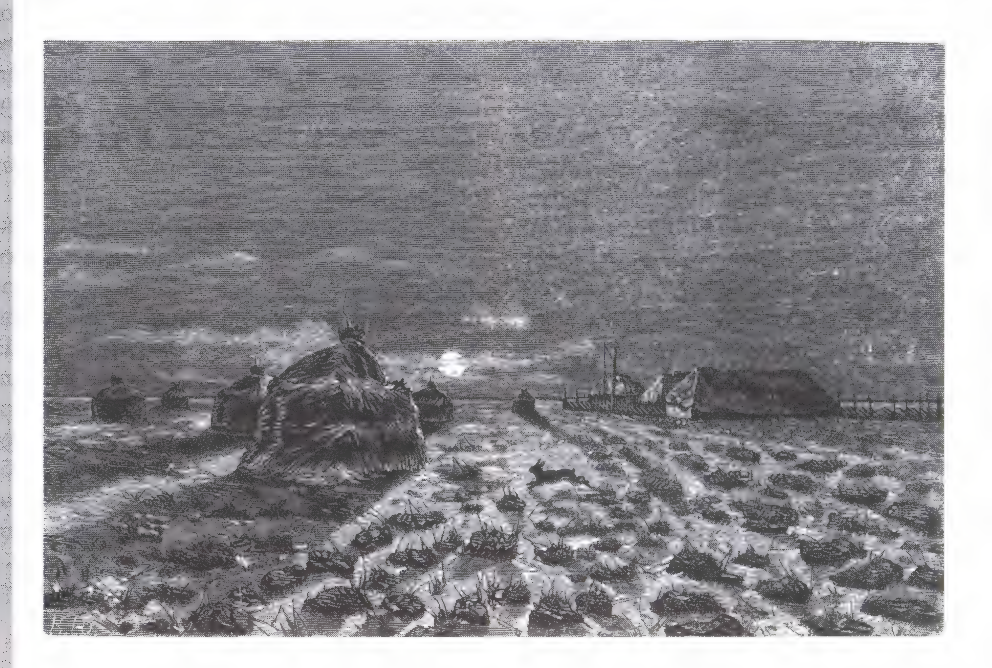
на Таймыре – в Крыму (полуострова),

на Байкале – в Иссык-Куле (озёра).

Т.е., как повелось в русском языке (и в любом другом), так и говорят, пишут. Тарас Шевченко также, кажется, писал в «Заповіт‘е»:

Як умру, то поховайте мені на могілі
Серед степу широкого на Вкраїні...

«На Вкраїні...», а не «во (или – у) Вкраїні...». К сожалению, наши средства массовой информации как-то уж очень оперативно согласились с этой порчей русского языка. Не понимаю, с какой стати менять нашу традицию, тем более что здесь не усматривается никакого унижения Украины? Ведь никто же из украинских знатоков русского языка не предлагает нам хоронить на могиле (см. цитируемый

выше текст Т.Г.Шевченко), а не в могиле, тем более что могилой на Украине называли курган.

Как я уже упомянул, к сожалению, часть украинской интеллигенции усердно очерняет историю России, её язык, культуру. Историю взаимоотношений России и Украины.

Я много лет находился в переписке с украинским учёным Борисом Ивановичем Яценко, в советском прошлом – инструктором райкома КПСС. Сблизила нас любовь к памятнику древнерусской (по мнению Б.И.Яценко – древнеукраинской) литературы – «Слову о полку Игореве».

Вот несколько строк одного из моих последних писем ему (от 16.12.02) по поводу недавно (на то время) вышедшего его исследования[1]:

«...С тяжёлым сердцем начинаю я деловую часть письма (и очень надеюсь при этом, что Вы правильно меня поймёте: я уважаю Ваше право на собственную точку зрения, однако не разделяю её): Вы снова пытаетесь поэзию поверять политикой. Кому будет хуже, если украинцы и русские будут друзьями, братьями? Почему нужно во всех бедах Украины винить Россию? Когда Вы пишете о голодоморе (с. 10 Вашей книги), постигшем, якобы, из-за России Украину, я «забываю» о голодающих Поволжья, крестьянских восстаниях на Тамбовщине и пр. и пытаюсь представить себе, как умирающие от голода будущие родители моей жены, их родные и односельчане (на Смоленщине и под Воронежем) поедают всё украинское сало и выпивают всю горилку...

К сожалению, политику проводят в жизнь не народы, а политиканы (как и ныне). Кого же из русских Вы видите во главе Советов? Ленин, Сталин, Свердлов, Дзержинский, Орджоникидзе, Берзиньш, Менжинский, Каганович, Берия, Микоян, Хрущёв (кстати, украинец)... (продолжать?) – все не русские по происхождению. Но «хинова»[2] в Вашем исследовании, по умолчанию – Владимиро-Суздальская Русь. Вот, значит, сколько веков москали не дают жизни «справжним» украинцам! А ведь мы и немцев простили![3] На чью же мельницу воду льёте?

Я понимаю, что напечататься в современной Украине можно, видимо, лишь в том случае, если бросишь камень в сторону Москвы. [...] Умно ответил, кажется, У.Питт-младший на вопрос, почему в Англии нет антисемитизма: «А мы не считаем евреев умнее нас, англичан». Народ, который ощущает себя умным, сильным, никогда не пустится на поиски мнимого виновника своих бед, а будет работать и обустраивать свою жизнь.

Мне обидно за русских и белорусов, которых Вы и некоторые Ваши предшественники не считают потомками автора «Слова о полку Игореве» и его персонажей. Но как быть с утверждениями историков и иностранных путешественников (Плано-Карпини и пр.), что «съ половины XII в. становятся замѣтны признаки запустенія Кіевской Руси, Поднѣпровья. Рѣчная полоса по среднему Днѣпру съ притоками, издавна так хорошо заселенная, съ этого времени пустѣетъ, населеніе ея исчезаетъ куда-то»[4]. А население двинулось вверх по Днепру, в Смоленщину, в Залесье, Поморье. Именно там в чистоте своей русичи сохранили память о родине своих предков. Сохранили и богатырские былины киевского цикла о Владимире Красное Солнышко, Илье Муромце, ... На родине[5] они были прочно забыты и впоследствии заменены «козацкими думами»[6]. И это истина, а не вымысел «имперских» (по Вашему выражению) историков! Так будьте же благодарны русскому народу! Не он был «хиновой» для своих южных братьев. Кстати, этноним финн (Ваши «хинова», под которыми Вы подразумеваете русских) – германского происхождения, и нет никаких данных, что в раннем средневековье он был известен на Руси».

Прысну море. Полунощи идуть смерци мьглами. Игорю князю богъ путь кажетъ изъ земли половецкои на землю рускую.

Много лет я не мог понять, что может означать тождественность самоназвания славянского племенного союза север (сѣверъ) и обозначения части света – север (сѣверъ)?

В среде лингвистов были попытки объяснить происхождение этого слова другим скандинавским заимствованием: suvar (трудный, тяжёлый, суровый; ср. соврем. нем. schwer –тяжёлый). Но помимо чисто филологических нестыковок меня смущал тот факт, что термин «север» как обозначение части света появился не ранее XIV–XV вв. К этому времени скандинавское происхождение варягов и их влияние на жизнь славян уже остались уделом только летописей и учёных монахов... Да и многократно доказано, что варяги быстро ассимилировались в славянской среде, оказав незначительное влияние только на военную и, быть может, княжескую терминологию (сам термин князь – германского происхождения: konung): гридни – мечники...

Изначально славяне «север» жили на Дунае. Затем, в V–VIII вв. н.э. часть племени мигрировала к

---

[1] Яценко Б.И. «СЛОВО О ПОЛКУ ІГОРЕВІМ» та його доба. Київ, 2000.

[2] Не совсем понятные враги русичей в «Слове о полку Игореве». На самом деле, видимо, имеются в виду гунны как враги (степняки!) вообще.

[3] Я имел в виду потомков тех немцев, которые совершали преступления в Великой Отечественной войне.

[4] Ключевскій В. КУРСЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ. М., 1916. Ч. 1. С. 348.

[5] Нынешней Украине.

[6] Ключевскій В. С. 359.

Балтийскому морю, другая – на левый берег Днепра. Но как балтийские славяне «север», так и днепровские никакого отношения к северному направлению иметь не могли, т.к. они располагались на юге и в средней полосе.

И лишь недавно я неожиданно понял. Когда-то, до татаро-монгольского разорения, бытовали выражения: «итти въ поляны (в землю полян), въ тферь» (к тверичам); собираясь в Поднепровье, новгородские, владимиро-суздальские, тверские и пр. купцы говорили, что они едут «на Русь». Но пришла Орда, и вместе с ней – опустошение Приднепровья. В Поморье к Белому морю бежали жители Черниговщины – славяне сѣверъ. К концу же Ига, века с XV, собираясь в Поморье, купцы ехали «къ сѣверу» (к людям, называющим себя север)! Между прочим, до этой эпохи на Руси север (как часть света) назывался полунощь. Именно под таким именем север упомянут и в «Слове о полку Игореве»: «Прысну море. Полунощи идутъ сморци мьглами» – «Вспенилось море. К северу идут тучи мглою». Это обозначение части света продержалось в русском языке века до XV-го, в украинском же и поныне север – північ. У нас же утвердился новый термин – север. Как память о наших южных братьях.

И ещё: где-то в середине XIX в. под Петербург из Поморья переселились жители села Сѣверско Старое. Видимо, так назвали переселенцы из Черниговщины своё новое место жительства[7]. И на карте Петербургской губернии появилась и поныне стоит станция Сиверская (в Лужском районе). Исследование Л.Сониной[8] на эту тему помещено в одном из номеров журнала «Нева» за 1995 г.

Кстати, самый известный помор – это, конечно же, Ломоносов. Естественно, окончание фамилии на -ов говорит о её великорусском происхождении. Но вот основа фамилии – ломонос – явно южнорусская (как сказали бы теперь – украинская). Именно для этого ареала характерны такие прозвища, как Перебійнос, Горбонос, Ломонос, Крівонос и т.п. Т.е. жители Архангельской губернии совершенно искренне (и с полным правом!) считали себя русскими, тем более что официально учитывалось только вероисповедание, а не этническое происхождение. А были они в значительной степени потомками черниговских северян. Потому и больше всего былин сохранило нам именно Поморье. Название же славянского племени «север» навсегда осталось в русском языке.

Примечание.

Это письмо уже было давно написано, когда сегодня, 26.04.2009, в своей регулярной передаче по российскому радио Михаил Веллер твёрдо высказал такое же, как у меня, мнение по поводу употребления предлогов в и на по отношению к Украине.

[7] Переселяясь на новые земли, славяне часто давали новым поселениям привычные старые имена. Например, выходцы из Переяславля-Хмельницкого основали Переяславль-Залесский на Владимирщине; есть свой Переяславль на Рязанщине...

[8] Об этом мне любезно сообщил в том же 1995 г. Б.И.Яценко.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, МОИ ДОРОГИЕ...

22 июня – День памяти и скорби

Вячеслав ЛЮТОВ

Олег ВЕПРЕВ

г. Челябинск

«...Шлю вам всем, мои родные, горячий чистосердечный привет и желаю вам всего хорошего, дождаться меня домой. Как разгромим всемирного врага – гитлеровскую гадину – и уничтожим весь фашизм с лица земли, так опять заживём по-старому и хорошему... Жив буду – вернусь домой, убьют – живите дружно. Только дружно живите, не давайте друг друга в обиду...».

В июне 1941 года произошло событие, масштабы которого не укладываются в сознание нынешних поколений. В истории России XX века Великая Отечественная война стала колоссальным потрясением; это был главный «тектонический разлом», когда в движение пришли глубинные пласты жизни, когда всё рушилось, срывалось с места, меняло привычный уклад, теряло связующие нити.

Нет, одна всё же была, и как покажет время, очень прочная – полевая почта. Во время Великой Отечественной войны ежемесячно только в действующую Красную Армию доставлялось 70 миллионов писем. Ответы возвращались письмами-треугольниками – конверты на фронте всегда были дефицитом, поэтому обычный прямоугольный тетрадный лист загибали сначала справа налево, затем слева направо, а оставшуюся полоску вставляли, как клапан, внутрь треугольника. Оставалось написать адрес...

Совсем недавно, в 2005 году, подборка солдатских писем с фронта была опубликована в книгах серии «История людей на Южном Урале», под редакцией писателя Рустама Валеева. Слово «подборка» здесь плохо подходит. Каждое письмо – уникальный документ потрясающей психологической силы; каждая строчка – не столько летопись войны, сколько летопись человека на войне. И это самая главная, над-историческая ценность слова в треугольном конверте...

ЖДИ МЕНЯ...

Когда вся страна подхватила строчки Константина Симонова «Жди меня», интуитивно, на уровне архетипа почувствовав, что именно это – самое главное, тогда и предопределился исход войны. Для этой глубинной связи вряд ли имеет значение тыловой адресат – пусть это будет Челябинск, Южный Урал.

«Милая моя! Недавно я видел интересный сон. Вот я у Мамаши с Папашей. Там Ваня! А тебя и детей нет, живёте в другом месте. И представь себе, как я бился, пробирался к тебе. И так не пробрался. Такая досада взяла, что тебя не видел, просто невозможно описать. А сколько было сил положено, чтобы к тебе пробиться, и всё рухнуло. Ну, это ведь сон, и что с него возьмёшь. Зато уж наяву-то я через все преграды пройду, через все невзгоды боевой жизни, а буду с вами, милые мои...».

Так писал с фронта Павел Кочегин, уроженец села Усть-Уйское, лётчик, командир эскадрильи. Действительно, что возьмёшь со сна? Вот только сквозь такие сны вся страна и пробивалась, подобно тому, как шло письмо на фронт – по ухабам, трясясь в «полуторке», на лошадёнке по кличке Кабысдох, пешком в почтальонской сумке. Письмо из дома было величайшей наградой для солдата:

Кто был на фронте, на переднем крае,
Тот оправдает и поймёт бойца,
Который, смерть и пули презирая,
Готов плясать при виде письмеца...

Так и было. Военный врач Александр Попов, основавший уже после войны в Миассе детский противотуберкулёзный санаторий, участник Сталинградской битвы, писал в дневнике в 1942 году, когда горела Волга: «Вечером смотрел фото своих дорогих деток и [жены] Елены. Так хочется взглянуть в эту минуту, что они делают, и вспоминают ли меня... Получил две телеграммы и письмо от жены Ленуши и Эдика – какое счастье принесли строки! – они передали крупицу родных чувств, и я их целовал, как невесту...».

«Маруся, я получил ваше письмо ровно через два месяца и три дня, – отвечал домой в Челябинск солдат Николай Чеботарёв. – Часто я думал и вспоминал, и в особенности вечером и в выходной, что делают, как живут дома, в особенности девчата, как спать ложатся, как постельку греют, как утром встают. Глаза закроешь, так придумаешь целый вагон...».

«Катюша! Какой же у меня сейчас милый Лерочка и дорогая, любимая Риточка. Будешь писать письмо, как можно подробнее опиши о них, об их проделках и проказах. Опиши, как у вас весна, и бегает ли играть Лерочка... Риточка скоро уже вырастет, шалунья, и будет говорить «мама» и «папа». Опиши подробнее, что делаешь и как работаешь. Ведь это для меня большой интерес и большая радость. Я уже писал тебе, что за работой и время быстрей проходит, особенно в кругу друзей и товарищей. Пиши как можно больше и чаще...».

«Дорогая женуленька! Четыре дня кряду я получал твои письма, и так разохотился получать их, что на следующий день, не получив от тебя письма, у меня появилось возмущение: «Как это так, мне не доставлено письмо!..».

«Прошу мне писать почаще, не ленись. А если будешь лениться, то я тебя буду ругать. Ты видишь, что я не ленюсь, а регулярно тебе пишу, так и ты делай. Поняла? Если поняла, то давай сию же минуту отвечай. На прощанье крепко-прекрепко тебя обнимаю и горячо целую, а также нежно целую в сладенькие молочные губки своего непревзойдённого любимого сына. Весь ваш Семён Зырянов».

Отдельный разговор – фотографии: те, что лежали под сердцем. Тот же Семён Зырянов с фронтовым упрёком писал жене: «Мне так хочется посмотреть сына, и ты мне не вышлешь никак с него и с себя карточку. Я очень прошу, Вера, вышли, пожалуйста, хоть миниатюрки...».

«И высылай фотокарточки с себя и с ребят мне, я очень о вас соскучился, – читаем в одном из писем с фронта. – Вы мои хорошинки и мне милые. Маруня, ты можешь представить, как я был рад, когда получил ваши письма. Читал – было всё: радость и печаль. Но ничего не сделаешь, не мы одни с тобой. Всё переживём. Настанут радостные дни, были бы живы и здоровы все. Всё равно война закончится, победа будет за нами...».

Были и «претензии к качеству». Курганец А.Лушников, например, пишет жене: «Насчет фото от Вас. Особенно не настаиваю, зря не расходуйся. Вот поедешь в Куртамыш, там у знакомых фотографов снимешься лучше. А я сегодня Вам посылаю, кажется, 5-ю или 6-ю карточку. Снялся в землянке, волосы забыл причесать как следует, работы было много, а ребята скрутили: давай скорей, да и всё. В будущем будут ещё, и все до единого снимка я посылаю Вам, даже себе не оставляю некоторые. А Вы храните их в альбоме. Зря по сумкам таскать нечего. Смотреть можно вне работы, вечером, так, как делаем мы с ребятами каждую ночь после 11.30, прослушав последние известия, садимся и достаём фото своих домашних, рассматриваем. У кого есть детишки, рассуждают о том, что они, наверно, папку не узнают, т.к. некоторые уже по 5 лет не были дома. Если дети родились без них, они их знают только по присланным фотокарточкам...».

Сердце стучало, и душа жила вровень с одной мыслью: «Здравствуй, дорогая Шура! Передай привет папе и Пете. Поцелуй за меня моих крошек: Боречку, Людочку и Любочку. Соскучился...».

В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ

В современном сознании в отношении писем с фронта пустил корни дьявольский, но весьма тривиальный миф: в солдатских письмах нет «правды», нет «реального положения дел». Действительно, все письма с фронта в обязательном порядке просматривались сотрудниками НКВД, любые спорные места вымарывались чёрной краской. На почтовые отправления ставился штамп: «Проверено военной цензурой». В этом была своя суровая логика: по содержанию писем никто не должен был получить сведения о дислокации частей, их вооружении и прочее. Это требование военно-полевой почты действует и сейчас, будет действовать и потом.

Человек на войне – не фактограф. Да и главный цензор, на деле много выше «краснощёкого ромбиста», сидел у солдата в голове, в душе, внутри; сидел, накрытый шинелью, израненный, оглушённый, перемежаясь с сыпным тифом и пламенем, – зачем об этом говорить своим домашним, расстраивать, пугать?..

А потому и летели домой треугольнички: «Во первых строках спешу сообщить, что Востряков Николай Васильевич жив, здоров, того и вам желает. Опишу немного о себе. В настоящее время я нахожусь на передовых позициях, так что жизнь у меня очень хорошая...». И не в счёт, что «градом летят пули, и с завыванием пролетают мины и снаряды, которые разлетаются во все стороны и готовые каждую минуту оборвать многие сердца человечества...».

Впрочем, и военная цензура – не звери же! Поэтому «пропускали» в тыл разные письма.

«Геня, ты интересовался, где я сейчас нахожусь. Этого в письмах вообще не пишут, но вам, как детишкам, скажу: около города Ржева Калининской области на берегу реки Волги, западнее его на 20-30 км. Возьмите карту и посмотрите на это место, карта в школе есть... Сейчас здесь пока тихо, а тихим фронт мы привыкли называть, когда в день или мы немца, или немец нас обстреляет два-три раза сна-

рядов по сорок. Когда-либо я напишу вам больше, как мы воюем. Вчера на опушку рощи, занятой немцами, скрываясь за деревьями, в километре от нашего наблюдательного пункта вышел немецкий подполковник со своими офицерами посмотреть на нашу местность. Я открыл на них огонь и тремя снарядами уложил их всех, ни один не вышел живым. Немцев мы видим каждый день...».

«В бой вступил 1 декабря за нашу славную столицу Москву. От Москвы были 40 км – это самое близкое расстояние, куда сумела добраться грабительская армия Гитлера. Бои были упорные – Москва за спиной, наши дивизии крепко отбивали атаки. Все наши силы были двинуты с решимостью гнать, бить, уничтожить. Почувствовав неладное, немец в смятении бежал из лесу, где он находился. Мы вступили в его бывший лагерь расположения. Машины стоят, а водители их удрали с полной прилежностью, кухню походную с кашей и ту оставили... Ихние мины рвутся кругом нас, они засели в селе на церкви, на чердаках, на деревьях, строчат из автоматов. Мы выдвинули свои миномёты и посылаем мину за миной по немцам. По нашему миномёту ударила мина, два товарища были убиты, я ранен, а четвёртый совсем невредим...».

«До фронта ехали от Кургана более месяца. От тесноты, холода и недостаточного питания красноармейцы грызлись друг с другом, ссорились и даже дрались в вагоне. Но перед боем что-то трудно объяснимое примирило всех, обмякли люди, заробели. Страха в глазах моих товарищей не было, а нерешительность на такое дело, как смертный бой, охватила всех в последнюю минуту перед выступлением на передовую. Но вскоре всё изменилось, как только люди понюхали порох. Выше сказанное, конечно, относится и ко мне...».

«Сегодня 1 января 1943 года. Мы сидим у костра в лесу, где стоим вот уже четвёртые сутки. Кругом гремят выстрелы и рвутся снаряды. Мы к ним привыкли и, несмотря на то, что воют снаряды, мы спим спокойно. С немцами видимся каждую ночь. Ходим в разведку ежедневно. Кругом рвутся мины и снаряды, летят пули, но пока жив и здоров. Был случай: немецкая мина разорвалась в полуметре от меня, двух человек убило, а меня не задело. Ради кого я ещё спасаюсь, не знаю...».

Коренной перелом в войне будет хорошо заметен по письмам. «Сейчас на фронте фрицы бегут, мечутся, окольцованные, как в мышеловке, и гибнут, не поднявшие рук, от наших пуль, – писал домой боец Евгений Селетков. – При виде фрица наш солдат приходит в ярость и исступление. Я видел пленных в феврале и августе 42-го, а теперь сходства никакого. Те вели себя нагло, надменно, с пренебрежением к смерти, держались браво. Эти жалкие, во всём своём поведении просящие милость, шелудивые, «низкопробные». Если переживу, рассказать есть чего. Целую и обнимаю. Ваш муж и папка Евгений...».

Ближе к Берлину в письмах появляются ироничные и вполне «туристические» нотки. «Сегодня выгнали немцев из одного села и сейчас подошли к другому, думаю, к вечеру очистим и это, а там пойдём на третье и так далее, пока последний немец не поднимет руки. Как видите, жизнь моя и моих товарищей довольно-таки однообразна: бей немцев и больше ничего. Но зато у немцев разнообразно: то их окружают, то сжимают, то обходят. Но всё это приводит к одному исходу...».

«Полей в Германии нет, только огороды, – писал из-под Берлина на Южный Урал солдат Сергей Синицын. – Сплошь заводы, фабрики, города. Деревянных построек нет, все каменные и мраморные. Дорог простых нет, все асфальтированы и цементированы. Каждый хозяин имел по 15-20 коров и обильное количество мелкого скота. Всё, холера, оставил, побросал на произвол судьбы. Родная страна, встречай миллионы рогатого скота... В каждом доме оставлено вагоны мануфактуры, белья, перины, одежды. Не беру во внимание военные склады. Укреплений на

Социалистический договор
курсанта курсов младших воентехников г. Новочеркасска Дронова Николая Викторовича.

Я, Дронов Николай, беру на себя следующие обязанности:
1) закончить курсы младших воентехников не ниже оценки хорошо и отлично,
2) быть дисциплинированным и аккуратным в отношении учебы и не иметь ни одного взыскания.

Н. Дронов.

Здраствуйте дорогие мои родители: мама, папа, бабушка
Мама! Письмо твое я получил 15 числа вечером, за что благодарю бесконечно. Я вам выслал два письма. На второе ответа не получил.
[illegible]

немецкой территории почти нет. Как видно, он нас не ожидал и не думал воевать на своей территории...».

Интонация понятна – иноземные края, когда ещё увидишь. Вот только цена этому оказалась слишком высокой.

СОЛДАТЫ ДЫМОМ ГРЕЮТСЯ...

Читая письма с фронта, чувствуешь, что бойцы Красной Армии, словно сговорившись, старались опровергнуть эту старую солдатскую присказку. Всё есть, всего хватает – не о чём волноваться. «Живём хорошо, хотя понятие «хорошо», конечно, относительно...».

На местах формирования частей настроение бодрое, даже бравурное – до первых боёв. «Здравствуйте, дорогие папа, мама! Служит ваш сын исправно. Оказывается, служба – дело трудное, и уже натёрла мне и ноги, и плечи. Занимаемся с 6 утра и до 11 вечера, не считая завтрака, обеда и ужина, на которых засиживаться не дают: всего положено только 20 минут. После завтрака, обыкновенно, идём куда-нибудь из лагерей рыть окопы, строить доты, расставлять мины, взрывать. Трудновато, но ничего. Самое интересное, чему нас учат, – минное дело. Как подложить под берёзу мину, подпалить фитиль, трахнет так, что берёза летит, а подложишь всего 20 грамм. Сейчас бы дома я показал, как надо работать: рыть ямы, копать, таскать брёвна. Чему не научился в 10 лет, здесь научился в неделю...».

Затем «срок обучения» сожмётся до дня, часа, минуты – на фронте «жизнь часовая и всегда под вопросом».

«Сейчас нас обмундировали: байковые портянки, новые сапоги, меховые снаружи, суконные носки, новые брюки, гимнастёрки, на это ватные стежёные брюки и фуфайку, на это новую шинель, на голову шапку и стальную каску на шапку, тёплые перчатки и стальные котелки. Вот и всё. Все готовы. На днях, наверное, поедем. Насчет холоду: нас не проморозить, нам даже кажется лишним, что надели на нас...».

Первый же переход всё расставит по своим местам, особенно ранней весной. «Погода дурная. Метель свистит, как из трубы, глаза и лицо покрываются льдом, ноги по колено вязнут в снегу, – записывал в дневнике военврач Александр Попов, чья дивизия совершала весной 1943 года 300-километровый бросок на северный выступ Курской дуги. – Машины занесены сугробами снега и стоят без шоферов в поле. Идёшь, запинаешься, спина сырая, настроение дурное. На ночлег остановились в 9 часов вечера, с трудом пустили в хату. Всю дорогу чертовски хотелось есть. Красноармейцы и медработники расходились по колхозным домам с целью найти кусок хлеба или картошки. ПО-2 сбрасывали нам мешки с сухими пайками, да что это для целой дивизии! Люди голодали...».

Но что позволительно для дневника, неприемлемо в письме. «Здравствуй, мама!.. Посылки в нашу роту идут кучами, табаку и папирос у всех полно, я табаком обеспечен надолго. Ты пишешь, что посылаешь семечки, но командир роты у нас проверяет только исключительно из-за семечек и вытряхивает, а остальное хоть что высылай...».

«В материальном отношении живём хорошо. Махорки, табаку – сколько угодно, дают сливочное масло, колбасу, консервы и проч. Только работы очень много. Правда, сейчас уже привык, т.к. уже 4 месяца на должности командира взвода. Нашему брату даётся много прав, но ещё больше с нас спрашивается...».

«Ты, Вера, мне в каждом письме навеливаешь посылку. Коли пошла такая навязчивость с твоей стороны, то мне ничего не нужно, а выслать можешь сдобных сухарей или печенья и конфет, а махорки не нужно, она у меня есть. Ну, если найдётся в посылке место свободное, то брось в посылку для заполнения пустого места несколько пачек папирос. Вот и всё. Больше ничего не высылай. Для тебя каждая копейка стоит дорогого, а меня здесь кормят и одевают...».

Но душа цепко за желудок держится. «Я, Маруня, часто вспоминаю о твоём приготовлении жареной картошки, но её здесь ты мне не поджаришь, приходится привыкать к современному. Хлеба дают 900 гр. Табаку избытки даже получаются, хотя кушать и не хватает. Но это не дома, а в армии. Я призван не живот растить, а свою землю освобождать. Я думаю, вам всё понятно...».

Очень сложно было привыкнуть к картине разрушений, которые несла война, к горящим и обугленным сёлам, городам. «23 августа [1942 года] в 17.30 немецкая сволочь обрушилась своей авиацией на мирный город Сталинград, – запишет в дневнике Александр Попов. – Горят заводы, фабрики, депо и мирные дома. Город пылает второй день; зарево и дым закрыли яркую луну и звёзды, в воздухе летают головешки и тысячи искр. Я ночь провёл в подвале, среди плачущих женщин и детей. Днём пожар охватил весь город. В голове мозги переворачиваются...».

За те сутки под бомбёжкой и в огне погибло 40 тысяч сталинградцев, мирных жителей, которых неожиданный налёт застал врасплох. Как вспоминают участники тех событий, в первые минуты налёта люди, особенно женщины и дети, в ужасе метались по улицам, тщетно ища спасения от гибели. Стоял невообразимый шум: визг летящих бомб смешивался с гулом взрывов, в огненном треске таяли стоны, крики и плач детей.

К своему дневнику Александр Александрович обратится лишь 1 сентября: «Город Сталинград сгорел. Улицы пустынны и жутки. Здесь только раздаются звуки скрипучего железа. Женщины и дети ютятся в подвалах и трущобах. Все эти картины действуют на нервы как большое потрясение. А наглые лётчики-немцы летают, как чёрные вороны, и клюют последние жизненные точки города...».

К Великой Победе пришлось идти по выжженной земле, изрубцованной войной. «Мама, сейчас я нахожусь на станции Белгород, – писал домой Алексей Котенев. –

Город разрушен. Не знаю, как в центре, а, например, здесь, где я стою, только один дом целый. Вокзал весь разбит, стоит только одна стена, и остальные дома все разбиты и без крыш. Но народ не падает духом. Снова город оживает. Обо мне не беспокойтесь. Я буду жив. Я буду мстить за эти все злодеяния этой сволочи...».

«Мы живём в землянках по 6-7 человек, – сообщал в письме боец В.Шушарин. – Выроем яму, настелем из брёвен в три ряда потолок, насыплем его землёй так, чтобы снарядом не пробило. Так тут и живём, выбьем немцев, опять подаёмся вперёд, и опять роем землянки. Дома здесь все разбиты. Когда мы выгоняем из деревни немцев, бьём снарядами по домам. Попадёт снаряд в дом, разорвётся, и летит изба, как игрушечная, куда крыша, куда брёвна и кирпичи от печки. А когда мы займём деревню, немец опять бьёт по домам снарядами. Я вот уже четвёртый месяц не спал в домах, отвык от них. Если буду жив и приеду домой, то и тогда, наверно, буду опасаться стен домов...».

В одном из писем к жене лётчик Павел Кочегин признался, что «даже расхохотался, читая строки: «Представляла тебя слабым, не приспособленным к лишениям». Едва ли вообще есть люди, приспособленные к этой хреновине – войне. Тяжёлая штуковина, дорогая, война...».

К ней не привыкнешь...

ПЕРЕДАЙ ПИСЬМО, СЕСТРИЧКА

«Здравствуйте, Валя! Привет из госпиталя! В госпитале я нахожусь второй месяц. Рана на моей ноге стала подживать. Скоро думаю в пятый раз идти на фронт и лупить ненавистных фрицев. Много раз я был на волоске от смерти. Я уже чувствую себя гораздо старше, чем на самом деле...».

Стремительно «повзрослела» и сама военно-медицинская служба. В целом за годы войны более 70 процентов раненых и 90 процентов больных советских воинов было возвращено в строй. Такой результат работы военных медиков справедливо приравнивается к выигрышу крупнейших сражений.

И всё же медицинских «прорех» хватало с избытком. «Картина эвакуации раненых первобытная, – писал в дневнике Александр Попов. – Растерянность налицо. Умирают раненые, как мухи. Вечером, когда садилось солнце, меня вызвали к подъезду, привезли раненого. Когда осмотрел, он был мёртв. Повозочный отвечает, что он ничего не знает...». И ещё запись: «Раненых стало меньше с передовой, но вывоз их трудный, на попутных дохлых лошадёнках. Наш хирург, как палач времён Пирогова, делает ампутации без всякой на это надобности, рвёт ноги и руки... Дни проходят, как в угаре...».

Такой изнутри была картина на дивизионных медицинских пунктах, «второй линии» медицинской помощи, куда с передовой доставляли раненых, где в полевых условиях проводились срочные операции, переливание крови и сортировка по типам ранений. Раненый боец В.Шушарин писал домой об «операционных буднях»: «Ухаживают за ранеными, как за детями: принесли первым долгом покушать и папирос. После внесли меня в хирургический кабинет, когда стали разными инструментами ковырять в ране, нащупывать осколок, дали какого-то порошка, я больше ничего не слышал. Проснулся – нога забинтована, и кажут мне осколок, 3 см длиной и 2 шириной...».

Самыми сложными, тяжёлыми ранениями были ранения в живот, в брюшную полость. Почки, печень, желудочный тракт, кишечник, селезёнка – любое повреждение этих органов требовало немедленного хирургического вмешательства. В условиях эвакогоспиталя сделать это было чрезвычайно сложно.

К слову, благодаря медикам в войсках действовал совершенно ясный, хотя и негласный приказ: в атаку идти натощак, но с обезболивающими «ста граммами для храбрости». При ранении «полное брюхо» загнивало мгновенно, и шансы выжить существенно сокращались. Военврач Александр Попов отметит это в дневнике: «Раненые в грудь и в живот обречены на смерть – умирают они, как догорающие свечи, – ровно через сутки...».

Особой тяжестью отличались и проникающие ранения черепа – почти треть всех погибших. Но лишь к концу войны трепанация черепа в полевых условиях стала обычной практикой. Помимо ранений, несовместимых с жизнью, и большой кровопотери, частой причиной гибели раненых на поле боя было состояние шока. Вывести из него человека – уже являлось половиной дела.

Ощущения малоприятные. «[В момент ранения] я почувствовал полный валенок крови, но боли не почувствовал, [зато] явилась безграничная злость, – писал домой солдат Иван Селиванов. – Я бросился с гранатой бежать со своими, но лишь немного метров, как туман в глазах заставил пасть на снег. Очнулся и не могу сообразить, что за тряска, прошу пить, подходит девушка и даёт мне из фляжки глотка 3-4. Я понял, что нахожусь в машине скорой помощи, как и некоторые товарищи нашей дивизии...».

Иное дело – тыловой госпиталь. Здесь всё было много спокойнее, размереннее, и письма из госпиталей шли такие же. «Пролежал в Москве 3 дня, и повезли нас дальше в Ивановскую область, и вот здесь лежу в госпитале, – писал В.Шушарин. – Очень много книг прочитал за это время. Есть все музыкальные инструменты, слушаем хор. 1-го будет у нас ёлка. Сейчас каждый день кино. Поправляюсь. Из госпиталя поедем опять на фронт, отомстим, как полагается...».

«Рана подживает, но пальцы в кулак сжать не могу: большой и указательный пальцы, как деревянные. Дни в госпитале тянутся однообразно. Кинокартины показывают редко. Соседи по палате совсем другого склада, чем я, и поэтому стопроцентный досуг мне разделить не с кем. Режутся в карты до седьмого пота. Забытие нахожу в курилке. Табак выдают: осьмушку на три дня. Милое дело! Покуришь и чувствуешь себя, как именинник...».

«Третий день нахожусь на лечении при санчасти НКВД в Челябинске, – записывает Александр Попов. – Чувствую себя хорошо. Тёплая комната на 24 человека. Голубой свет настольной лампы радует. 4 раза кушаю, сплю, читаю книги и принимаю процедуры – хвойные ванны, соллюкс. Каждый день меня смотрит киевский профессор Скалевский. Кругом тишина, покой – не веришь сам себе, что так можно встретить тёплый уголок...».

И вспоминаются – родные, близкие; вспоминаются дела домашние...

ЕСТЬ У НАС ЕЩЁ ДОМА ДЕЛА

Домашних «мелочей» во фронтовых письмах и вправду много. Чаще всего – вопросы, связанные с денежными аттестатами, справками. «Я вам выслал аттестат на 350 рублей, и вы по нему должны получить деньги за июнь месяц. Аттестат дан на год, т.е. до 1 июня 1943 года...».

«А в этом письме я вам посылаю справку о том, кто я и где я нахожусь, – писал матери Иван Селиванов. – По этой справке вы, мама, вправе требовать от ваших органов управления, как от сельского совета и от райсовета или от райвоенкомата вашего района, льгот, которыми должны пользоваться семьи военнослужащих. Конечно, эта справка взята мною от командования давно. Почему я вам её сразу не отослал? А это потому, что я с вами никакой связи не имел и не знал, доходят ли мои письма домой. Теперь, когда я имею с вами переписку и точно знаю о том, что вы получаете от меня письма, я высылаю вам её. По ней вы можете требовать льгот и за истекший период, т.е. с того времени, когда я ушёл в армию...».

«Напиши обязательно, пришло нет продление аттестата и получила или нет ты деньги за май месяц. Аттестат я продлил ещё в начале апреля месяца. Ну, а отсюда буду ещё высылать деньги, так что живи, как позволяют местные условия. Обо мне ни капельки не беспокойся, вернусь я к тебе, моя дорогая, обязательно. И тогда погуляем, как следует...».

За свой далёкий тыл, конечно, переживали. «А теперь я узнал, что живёте вы не так хорошо, но всё же живы, – писал жене Николай Чеботарёв. – Ты берегись, через силу не загружай себя, сколько можешь, столько и работай. Маруся, я ещё хотел напомнить, чтобы не обижала девчат в питании, что есть, то и давай...».

Не обходилось и без наставлений. «Используй все возможности, будь разворотливее в хозяйственном вопросе, – пишет жене А.Лушников. – Сади огород, про редьку и лук не забывай. Это мои любимые специи, а к их созреву я обязательно буду дома. Добивайся земли от завода поближе, тебе нынче уже будет немного легче, ведь и Аля с Ниночкой уже крупные помощницы. И пусть они, научи и втолкуй им, в трудные минуты вспоминают папу. Если Вам иногда бывает тяжеловато, так знайте, что нам на фронте во много раз тяжелее, поэтому нужно всё переживать...».

«Вы писали, что у вас изорвались ботинки, – отвечал сыновьям солдат Борис Григорьев. – Если можно что-либо мелкое зашить самим, зашейте. Ведь вы, наверно, не забыли, как я учил вас делать дратву, как зашивать дырочки, как подбивать подошву. Мелочь сделайте сами, а крупный ремонт – пригласите домой сапожника, и он вам сделает. Из моих сапог пусть сошьют сапоги маме...».

«Я очень доволен, что Шурик работает, – писал домой осенью 1941 года Александр Тетерин. – Таня, устраивайтесь на работу и работайте все: Маня, Шура и Вы. А потому Вам жить будет легче. Война ведь есть война, а поэтому нужно Вам заботу иметь о себе. Я для Вас сделал всё, что мог и в моих силах. Скоро, Таня, разобьём проклятого изверга-немца, и тогда заживём опять хорошо и счастливо...».

Так почти и будет.

А пока письма с фронта и письма из дома приносили счастье, зажигали искру жизни, возвращали в обугленные будни любовь и радость. «У меня чудное настроение, прямо танцевать хочется. Пришёл и вздумал, что где-то там, за далёким Уральским хребтом, живёт человек, который живёт единственной мыслью обо мне... А в общем, ещё увидимся, наверное, и будем жить долго-долго...».

Живая реальность в лёгкой никелированной оправе от Лагерфельда. *Фотограф А.Удилов.*

Мы вместе и мы счастливы. *Фотограф М.Ивлиева.*

Привет из «Pleasantville»

Цвет города.
Фотограф Л.Гордюшева.

Пробуждение красных.
Фотограф Л.Гордюшева.

Сквозь времена. *Фотограф Л.Гордюшева.*

Серый город не пугает. *Фотограф Л.Дусье.*

И даже пень в апрельский день... *Фотограф Л.Гордюшева.*

УРОК НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Алина ХАРИТОНОВА

ученица 11 класса гуманитарно-креативного направления гимназии № 94, г. Екатеринбург

В конце учебного года в гимназии № 94 состоялось знаковое для образования событие. Учителя и гимназисты представили уникальную модель профильного обучения гуманитарно-креативного направления, которая в течение пяти лет разрабатывается на практике.

Презентация началась с выступления доктора психологических наук А.М.Лобка, который обозначил острую необходимость смены традиционного формата урока. Сегодня происходит резкое увеличение разрыва между ресурсными возможностями традиционного урока закрытого типа с суммой заранее определённых целей и заранее известным результатом – и открытыми культурно-информационными пространствами Интернета, в которых всё больше и больше осуществляется реальное образовательное становление современного подростка. Александр Михайлович подчёркивал острую необходимость изменения базовой философии школьного урока и создания прецедентов построения урочного взаимодействия и урочных траекторий на принципиально новых основаниях. В заключение Александр Михайлович предложил вниманию слушателей две вариативных модели уроков нового типа (проектно-диалогический урок литературы Б.М.Гринберг и мастер-класс по созданию мультимедийного текста И.А.Тихоновой), представляющих образовательные путешествия гимназистов по индивидуальным маршрутам.

За 11 школьных лет я пришла к убеждению, что любое образование, в том числе и профильное, должно сопровождаться творческой деятельностью гимназистов. Развитие творческой личности невозможно осуществить в формате стандартного урока.

На вопрос: «Как изменить стандартный формат и сделать урок креативным пространством» – постаралась ответить учитель-методист Б.М.Гринберг уроком литературы «Одиночество – это...». Тема урока неимоверно актуальна сегодня. Одиночество – настолько глубокое явление, что его необходимо изучать. Ученики 10-х и 11-х классов попытались найти грани одиночества и выразить своё видение в форме творческого продукта. Мы увидели мультимедийное эссе, записи из дневника подростка, лирический путеводитель, креативный видеомонтаж. Основой для работ учащихся стали книги, фильмы, личный опыт. Каждый проект был по-своему интересен. Особенно мне запомнилась композиция в стиле рэп Жени Овчинникова по мотивам пьесы А.Н.Островского «Гроза», которая отличалась пронзительным текстом и удачной рифмой.

«В твоих глазах я вижу правду.
Пойми, свобода – это очень важно.
Простить, забыть? Но я не могу.
Возможно, в этой пьесе ответ найду.
В жизни у людей тоже так встречается:
Горе и радость, любовь не получается.
Не зря назвали пьесу так – «Гроза»,
Нависла над сердцем девичьим угроза.
Проза моя не столь велика,
Любовная история не так коротка...
Герои все перед нашими глазами,
Их истории связаны лозами,
Рассвет над морем и шорох листьев –
Этот мир стал мне ненавистен...».

Самое сложное в проектировании урока нового типа – это построение диалога: учащихся с художественным текстом, с автором и лирическим героем; учителя и учащихся; учеников друг с другом. На

мой взгляд, на этом открытом уроке диалог состоялся в полной мере. Это стало возможно не только с помощью детей или преподавателя, но и за счёт их совместного проектно-диалогического партнёрства.

Мастер-класс по созданию мультимедийного текста, который вели И.А.Тихонова и ученик 11 класса Александр Удилов, прошёл довольно интересно и в нестандартной форме.

Была представлена образовательная модель профильного обучения, инструментом реализации которой стала технология мультимедиа-проектирования. Заказ на такую модель образования сформулировали сами учащиеся. Интернет, мобильный телефон – естественное сопровождение их жизни. И не учитывать это – всё равно что предлагать им компас, когда они располагают спутниковой GPS-навигацией. Эта технология интерактивна, предполагает возможность выбора и отказ от школьных запретов и ограничений. Разрабатывая собственные мультимедиа-проекты на базе цифровых студий инфоцентра, старшеклассники учатся строить текст, использовать оригинальные изобразительно-выразительные средства, отталкиваясь от значимых для них тем.

И вот что ещё мне удалось увидеть. Перерабатывая информацию, гимназисты создают собственную картину мира. Важно, что учащиеся в этих проектах предъявляют своё собственное содержание, не то, что они прочитали в учебниках, а то, к чему у них лежит душа, и то, что, возможно, является их предназначением.

Мне очень понравилось оригинальное представление всем полюбившегося киноклуба «10-е купе», который организовали сами гимназисты. Они сами выбирают фильмы для просмотра, обсуждают их и по итогам обсуждения устраивают хэппенинги и перфомансы. Ребята, посмотрев американский фильм «Pleasantville», решили провести фотосессию, выполненную в том же стиле. Визитной карточкой фотосессии стал лозунг фильма «Nothing is as simple as Black and White» («Нет ничего проще, чем белый и чёрный»). Фишка фильма заключается в том, что от начала к концу меняется не только сознание людей, живущих в идеальном мире, но и краски вокруг. В чёрно-белый совершенный мир впрыскиваются яркие цвета. Именно поэтому фото были выполнены в чёрно-белом стиле с яркими вкраплениями.

Автор идеи фотосессии Александр Удилов поделился впечатлениями от проведённой акции: «Когда мы шли по городу, у нас сложилось впечатление, что Екатеринбург мало отличается от чёрно-белого Плезантвиля. Кругом унылые лица, немаркие машины, голые скелеты деревьев и запылённые городские памятники. Стало ясно – нашему городу не хватает ярких цветов, живых эмоций и нестандартных поступков. И мы попробовали сделать город ярче и оживить его. Об этом наша фотосессия».

Наверное, самый сложный этап мероприятия – подведение итогов. То, что мы увидели, отличалось от стандартного урока. Это был нелинейный урок в форме студии. Такие уроки дают возможность выйти за рамки учебной программы и подняться на новый уровень. Авторские тексты, культурные символы, художественные предпочтения гимназистов получают новые способы выражения. А сама среда такого урока становится пусковым механизмом к активному творческому поиску. Эта презентация заинтересовала педагогов, и они захотели поэкспериментировать в этом направлении в своих школах. Многие выразили готовность к сетевому партнёрству в области профильного образования. На мой взгляд, такая форма урока намного интереснее и привлекательнее для детей. Жаль, что я не увижу, как подобная практика будет развиваться и набирать обороты, моё школьное время завершилось. Думаю, что такие проекты могут стимулировать интерес к школьным предметам. По своему опыту знаю, что подобные семинары развивают личность и приносят в жизнь много нового.

«10-е КУПЕ»

Лиза ДУСЬЕ

руководитель киноклуба

«10-е купе»... А ведь купе номер девять, по идее, последнее. Интересное название, правда? Хочется узнать, откуда и как появилось? Ну, слушайте...

Первые ростки идей о киноклубе появились в конце учебного 2007 года, в поезде Москва–Екатеринбург. Тогда же и пришло в голову название: «10-е купе». Но в жизнь идею о знакомстве с миром кино в неформальной обстановке воплотило только в октябре 2007-го уже следующее поколение выпускников и десятиклассников... Кроме того, первоначальные его создатели – те самые пассажиры рейса Москва–Екатеринбург – были с нами на короткой ноге, так что сказать: «Затея показалась интересной» – значит ничего не сказать.

Решение начать работать над киноклубом пришло, как и полагается идеям творческих людей, за чаем на кухне во время задушевной беседы. Удивило, что, рассчитывая на полную «школьность» этого проекта, мы совсем не чувствовали себя отягощёнными очередным домашним заданием. Это был, скорее, проект с подразумеваемым полётом фантазии и огромным количеством нашей, детской, свободы. Посовещавшись, решили: учителям в киноклубе делать нечего, это только наше, не позволим обуздать его преподавательской руке. Исключение сделали Александру Михайловичу Лобку, доктору психологических наук, и главе нашего информационного центра Ирине Аркадьевне Тихоновой (спасибо, Ирина Аркадьевна с пониманием отнеслась к нашему стремлению всё делать самостоятельно и тихонько выходила с территории киноклуба, стоило дискуссии начаться).

Открытие киноклуба стартовало буквально через день. И так как организацию дебютного «вечера» решила взять на себя я, весь вкус, цвет и запах мероприятия изнутри ощутила, как никто другой. Конечно, можно было просто включить фильм, а досмотрев, потрещать на какие-нибудь заумные темы: коснётся фильма – отлично, не коснётся – бог с ним... Но мне хотелось с душой подойти к посиделкам, хотелось, чтобы осталось в памяти ребят, тем более, что это первая наша встреча... Поэтому я продумала всё, что только можно: обстановку, дресс-код, фоновую музыку, слова, которые нужно говорить и которые говорить не нужно (смотрели американское кино 80-х годов «Клуб «Завтрак»», знаменитую работу режиссера Джона Хьюза)... Приятно было, что ребятам понравилось выбранное мной кино – судьи моего вкуса всё-таки, хоть и вольные, но судьи. Приятным сюрпризом было то, что зрителям-слушателям захотелось встать на место организатора – люди образованные, любознательные, во многих сферах развитые, да ещё и любители кино с хорошим вкусом – и познакомить нас со своими любимыми фильмами. Ведь если тема интересна, если она волнует, то и рассказывать её будешь с жаром, захлебываясь словами, с горящими глазами.

Расходились в тот день в прекрасном, слишком приподнятом расположении духа, чтобы сразу спокойно идти домой. Взахлёб обсуждали, какой фильм будет дальше. Тут встал вопрос, кто будет руководителем. Мы, изначально два основателя киноклуба (ученица десятого класса, в настоящее время руководитель проекта, и

скромный автор данной статьи, ваш покорный слуга), хором объявили, что у нас предводителей не будет. Язык на месте, ораторскими способностями не обделены – будем договариваться и по очереди брать на себя пост ведущего... Так и повелось: после обсуждения кино решаем, кому брать вахту. И прелестно то, что ещё ни разу не возникло ссор, споров, обидок разных и прочих мелочей, в ногу идущих с большим коллективом.

Прошло вот уже почти полтора года. Киноклуб жив «на удивление наших врагов и завистников». Жизнь внутри не изменилась: мы так же смотрим кино, так же взахлёб обсуждаем и делимся впечатлениями, а бывает, и рыдаем все вместе (вспомнить тот вечер, когда показывали «Человека-слона»: рыдали и ребята, и присутствующая Ирина Аркадьевна, и приглашённый «в гости» Александр Михайлович). Но кое-что и изменилось. Значение «10-го купе» в нашей жизни. Заметили как-то с ребятами, что просмотр кино не заканчивается одними только обсуждениями... Кино учит, это известный факт. И мы не исключение. Стали всплывать ответы на те вопросы, которые нам задавала жизнь и которые оставались неразгаданными. Появилось понимание тех вещей, которые на словах не постичь – либо наблюдать, либо проходить самим. Стали ценить красоту простых вещей, что лежат прямо под носом вот уже сколько времени неоценённые; стали учиться благодарить или хотя бы не бояться благодарить; появилось желание говорить слова любви тем, кто этого больше всего заслуживает, но что по каким-то причинам считается глупым... Хотя и это не всё. Вот, к примеру, последний киноклуб (смотрели «Плезентвиль», 1989 год, Америка) подтолкнул начинающего оператора, состоящего в наших рядах, пропахать Интернет и другие более-менее доступные резервы информации и узнать, как в 89-м году удалось создать цветных двигающихся людей в чёрно-белом городе. Другой же пионер нашего киноотряда, начинающий фотограф, в процессе создания фотосессии «Брызги цвета в сером городе» по мотивам «Плезентвиля» освоила технику старения фотографии... Что же это, как не урок? Своеобразный, абсолютно не вписывающийся в привычный формат, вызывающий бурную реакцию у консерваторов и преподавателей, но урок... И урок самый что ни на есть эффективный, я считаю.

Вам не кажется странным, что из фривольного, скажем так, мероприятия дети извлекли столько же, если даже не больше, информации, сколько из построенного по стандартной форме урока? Из этого можно вывести одну простую истину: менять выпускные экзамены на ЕГЭ, переходить с пятибальной системы на стопроцентную не нужно – это не изменит положения дел и не даст ребятам стимулов учиться... Попробуйте для начала дать ребятам свободу. Понимаю: страшно и непредсказуемо – дети же, в конце концов, организованность не та, да и чувство ответственности... Уверяю, вы будете приятно удивлены. Не нужно полностью переваливать весь учебный процесс на наши плечи. Начать хотя бы с доверия в наши силы и умы, не с плёткой ходить, наблюдая за развитием общего изначально проекта, а позиционировать себя наравне с ребятами, как партнёры. Тогда, быть может, и барьер поколений удастся укротить...

ДЕТСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Много лет изучая английский язык, дети соприкасаются и с культурой носителей этого языка. В нашей школе многие годы существует проект «Читаем поэзию по-английски», в котором участвуют все желающие со второго по одиннадцатый класс. Кто-то, возможно, иронично пожмёт плечами: молодёжь и на родном-то языке стихи не очень охотно учит, а тут – иностранный язык... Наберётся, наверное, десяток «ботаников» на всю школу – вот вам и проект. Но, как ни странно, таких детей каждый год бывает довольно много: сто сорок – сто шестьдесят, а то и больше. Нас это радует – ведь за свои труды дети получают лишь одну пятёрку в журнале, диплом участника и аплодисменты своих товарищей. Радует, что дети готовы сидеть с книгами, выбирая стихотворение, рыться в словарях, стараясь как можно лучше понять особенности английской поэтической речи, готовы тратить своё время, заучивая порой весьма длинные тексты, работать над произношением и выразительностью, чтобы создать яркий образ или лучше показать красоту, мелодию и ритм английского стиха.

Ещё драгоценнее попытки детей перевести прекрасные стихи на родной язык. Пусть не всё получается гладко, но главное – искреннее чувство, сквозящее в каждой строке перевода. Дети выбирают те стихи, которые на данный момент созвучны состоянию их души и помогают лучше осмыслить и объяснить собственные эмоции.

Эти переводы были выполнены старшеклассниками в разные годы. Все переводчики уже стали студентами различных вузов нашего города. Никто из них пока не связал свою жизнь с литературной деятельностью, но все они пережили моменты вдохновения, творческого подъёма, радость от того, что получилось выразить чувства и мысли поэта адекватно.

Ирина Ленченко

ЧАРЛЬЗ МАККЕЙ

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Перевод Марины Галимовой, 9 класс

Что значит песнь твоя,
Мой дрозд, поющий средь ветвей?
Как нежен страстный голос твой,
Мой ранний соловей!
Уносит в небо высоко
Свой жаворонок звон,
Парит свободно и легко
С весенней песней он.
О чем поёте так светло,
Когда в красе весна?
Когда и деве молодой
До света не до сна.
Любви я песнь свою пою!
Благодарю любовь мою!

УОЛТ УИТМЕН

О, КАПИТАН! МОЙ КАПИТАН!

Перевод Полины Баскиной, 9 класс

О, капитан! Мой капитан!
Закончен страшный путь,
Всех скал корабль избежал,
смог славой бы блеснуть.
Близка родная гавань, колокола звонят,
За тихим ходом судна на берегу следят.

О, сердце! Сердце! Сердце!
Лишь лужи крови там,
Где расставался с жизнью
Отважный капитан.

О, капитан! Мой капитан!
Проснись, услышь призыв,
Ты посмотри, как вьётся флаг;
послушай зов трубы.
Всё для тебя: венки, цветы,
народ идёт к тебе,
Ликует, весело поёт, сопутствуя тебе.

О, мой отец, услышь восторг,
С каким тебя встречают,
Ведь это сон, что ты лежишь,
Совсем не отвечая.

Мой капитан, застыв, молчит,
угасли в нём все чувства;
Отверг тепло моей руки,
не чувствуется пульса;
Корабль в гавани стоит,
и рейс наш завершён,
Печальной цели он достиг:
приплыл с победой он.

Звоните же, колокола!
С печалью я иду
На палубу, где капитан
Нашёл свою судьбу.

РОБЕРТ БЕРНС

ЛЮБОВЬ – КАК КРАСНАЯ РОЗА

Перевод Евгения Попова, 9 класс

Как красная роза, любовь моя,
Что ранней весною в саду расцвела.
Мелодией нежной шепчу я слова
О том, как сильна к тебе любовь моя.

Как чудной картиной, любуюсь тобой,
В любви утопаю я этой весной,
И буду любить тебя я всегда,
Пока не иссохнут на свете моря.

Пока не иссохнут на свете моря, дорогая,
И не растает под солнцем скала,
Любить тебя буду всегда, дорогая,
Пока продолжается жизнь моя.

И пусть нам расстаться придётся когда-то
На миг иль на час, на день иль на год,
К тебе всё равно я вернусь, дорогая,
Пройдя все преграды,
да поможет нам Бог!

ЭДГАР ЛИ МАСТЕРС

ТИШИНА

Перевод Алины Виттер, 11 класс

Я знаю всё о тишине далеких звёзд,
И безмятежность моря перед бурей
для меня не нова,

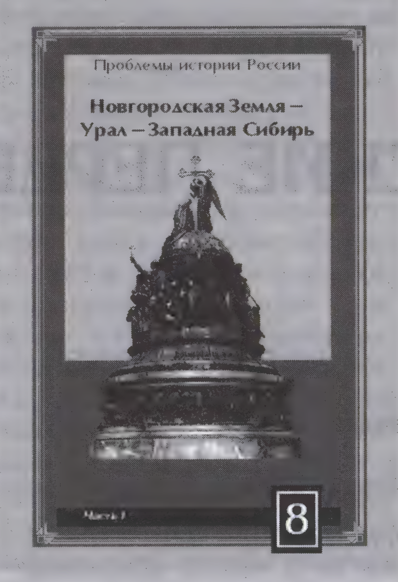
Безмолвье города уснувшего
знакомо мне всерьёз,
Когда для описанья тишины
лишь музыка находит слово...
...Бывает, лес в тиши как будто бы
замрёт, весенним ветром
листья тихо гладя,
И удручающа болезни тишина,
когда лишь взгляд
бесцельно бродит по палате.

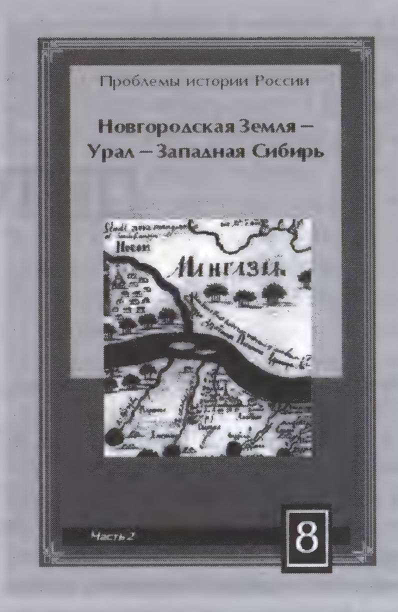
И ненависть безмолвна, как бойкот,
И может замереть весь мир от той
любви, что больше обожанья!
Как тих и светел разума полёт
В бескрайней тусклой бездне мирозданья!

Безмолвьем душит лживой
дружбы кабала,
На полуслове подавившись
тишиною пораженья.
Молчит от безысходности
притихшая душа,
Наказанных несправедливо
понимая положенье.
И безнадёжный умирающий молчит,
Слабеющей рукой сжимая ваши пальцы.
И молвит сыну:
«Лучше помолчим...» — отец,
Замалчивая тайну фальши.
«Ты не поймёшь, слова здесь неуместны,
Я виноват... Уж так сложилась жизнь...
И лучше помолчим,
Ведь так, по крайней мере, будет честно».

Молчат мужья и жёны,
если пыл любви остыл,
И неудачник, если дело завалил.
Молчит огромная страна,
устав не жить, а выживать,
И лидеры её молчат, когда не знают,
что сказать...

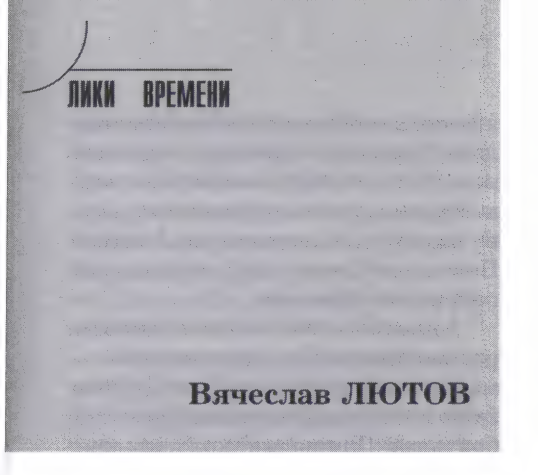
НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ – УРАЛ – ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

Тридцать лет назад, в 1979 г., в составе Новгородской археологической экспедиции истфака МГУ, возглавляемой выдающимся российским историком и археологом В. Л.Яниным, появилась первая группа студентов-историков Уральского государственного университета. С тех пор и до сегодняшнего дня уральцы – неизменные участники этого крупнейшего и неисчерпаемого по своему научно-познавательному потенциалу проекта.

Восьмой выпуск сборника серии «Проблемы истории России», издаваемой кафедрой истории России Уральского госуниверситета, посвящён 30-летию сотрудничества истфака УрГУ с Новгородской археологической экспедицией, Новгородским объединённым историко-архитектурным музеем-заповедником и Новгородским Центром древних музыкальных инструментов. Как разнообразно значение Новгорода в судьбе нашей страны, так разнообразны материалы, представленные в этом сборнике. Книгу (и раздел «Новгород и финно-угорский мир») по праву открывают статьи, принадлежащие перу В.Л.Янина и Б.Б.Овчинниковой – инициатору и многолетнему руководителю Уральского отряда Новгородской экспедиции (статья написана в соавторстве с Ф.В.Трофимовым). В этих и других статьях раздела (Н.В.Хвощинской, Л.В.Покровской, Д.Габора, О.В.Кардаша, Т.М.Пономарёвой, К.Ю.Красильниковой, А.В.Головнева) исследуются разнообразные аспекты взаимодействия Новгорода и новгородцев с финно-угорскими (и прафинно-угорскими) народами Севера Евразии, отражение этих контактов в летописной и позднейшей историографической традициях, в памятниках материальной культуры, влияние синтеза нордической и степной магистральных культур на формирование русского исторического процесса.

В заключение остаётся сказать, что настоящее издание является данью (добровольной и лёгкой!) любви и признательности Новгороду: Господину Великому Новгороду – древнему центру России, Великому Новгороду сегодняшнему – доброму и по-домашнему гостеприимному, Новгороду – светлому и непреходящему воспоминанию студенческой юности.

Д.А.Редин

ЗАКАЗАННЫЙ ПУШКИН

За кадром «Истории пугачёвского бунта»

Вячеслав ЛЮТОВ

К 210-летию со дня рождения А.С.Пушкина

«В основе мифа лежит самая что ни на есть напряжённая реальность». Так говорил в своё время замечательный русский философ А.Ф.Лосев. Крестьянская война под предводительством Пугачёва – это колоссальное событие как для Южного Урала, так и для России в целом. И как любое великое событие, эта война породила немалый спектр мифологических обобщений и загадок.

Пушкинское прочтение пугачёвского восстания, конечно, ставит во главу угла фактографию. Тем не менее, ещё ни один поэт не избежал трепетного отношения к мифологическим ракурсам, выстроенным на слухах или догадках по старой мифотворческой формуле – дыма без огня не бывает. В пушкинской работе мифологических «глухих намёков» окажется немало. Оговоримся сразу, вслед за Короленко, – Пушкин ехал в Оренбургские края не столько за пугачёвским бунтом, сколько за самим Пугачёвым. Посылая свою книгу Денису Давыдову, Пушкин писал:

Вот мой Пугач. При первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой.
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой...

Эта личностная история, характер, индивидуальный колорит и стали для Пушкина главной ценностью: он задумывал именно «Историю Пугачёва».

Но книга, после корректив Николая I, вышла под другим названием – «История пугачёвского бунта», что, согласитесь, не одно и то же. Этим, к примеру, объясняется то, что южноуральцы «вправе обидеться» на Пушкина – нашему краю посвящена всего лишь одна стремительная глава, где поэт промчался по южноуральским горным заводам и Исетской провинции без остановок и рассуждений, подобно самому Пугачёву, которого преследовал Михельсон. Этим объясняется и то, что в своём путешествии Пушкин ограничился Оренбургом (хотя, возможно, на поездку по горнозаводской линии у него не было разрешения), оставив за кадром пугачёвских сподвижников на Южном Урале и всё то, что не относилось непосредственно к предмету его исследования.

И всё же суть и соль Южного Урала в пугачёвском бунте он себе представлял достаточно ясно. Хотя саму поездку 1833 года в Оренбург можно назвать не слишком удачной. На все вопросы о пугачёвщине едва уцелевшие свидетели восстания (которым на 1773 год было не больше двадцати лет от роду) говорили неохотно, большей частью ограничиваясь красочными, но малозначимыми преданиями, или пели песни о казацкой вольнице. Этого было явно недостаточно для подтверждения каких-либо гипотез.

В целом, с Пушкиным вообще следует быть очень осторожным – известно, что его «История пугачёвского бунта» являлась работой заказной, причём она была санкционирована Николаем I как раз накануне крупного следственного дела по мятежу на уральских заводах и участию в нём старообрядцев (следственное дело 1836–1841 годов). Курировал издание «Истории» бывший лицейский товарищ Пушкина, директор типографии Канцелярии II Отделения М.Яковлев, через которого шли все «высочайшие распоряжения» по концепции работы и через которого Пушкину всё же удалось «провести» некоторые намёки на реальное положение дел.

В одном из вариантов предисловия к изданию Пушкин напишет: «Прискорбная судьба следовала по сему /пугачёвскому/ делу. Во время самого бунта запрещено было чёрному народу говорить о Пугачёве; по усмирении бунта и казни главных преступников императрица, прекратив судебное следствие по сему делу, повелела предать оное забвению. Сего последнего выражения не поняли, а подумали, что о Пугачёве запрещено было вспоминать. Таким образом временная полицейская мера и худо понятое выражение возымели силу закона...».

«Полицейская мера» действительно была, только к «воспоминаниям» она имела косвенное отношение. Пушкину, как одному из первых «уральских краеведов», пришлось столкнуться, к примеру, с тотальной чисткой архивов. Здесь весьма примечательна одна история. Как-то в петербургском книжном магазине, уже после выхода «Истории», Пушкин случайно услышал реплику о своей книге: «Разве можно признать эту историю серьёзным исследованием, когда Пушкин, бывший в Оренбурге, даже не дал себе труда просмотреть местные архивные дела!..». Курьёз ситуации в том, что Пушкин, кстати, заходивший в Оренбургский архив и даже листавший ряд фолиантов, изъеденных мышами, в этом архиве ничего особенного не нашёл.

И не мог найти – как только восстание было подавлено, силами Тайной канцелярии из местных архивов были извлечены все ценные документы, рапорта, донесения, письма, касавшиеся пугачёвского бунта и тем более проходившие по линии Коллегии иностранных дел или хотя бы краешком затрагивавшие её деятельность, и перевезены в Петербург, где впоследствии и затерялись...

Пушкина, поступившего в Коллегию иностранных дел и получившего доступ к архивам, интересовал вполне современный вопрос – кто стоял за означенными событиями? «Пугачёв не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями прошлеца... Он ничего не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле. Они оказывали ему наружное почтение, при народе ходили при нём без шапок и били ему челом; но

наедине обходились с ним как с товарищем... Пугачёв скучал их опекою. «Улица моя тесна», – говорил он Денису Пьянову, пируя на свадьбе младшего его сына...».

Пушкину, по сути, ничего больше и не нужно было писать на эту тему; впрочем, он и называл все свои пугачёвские главы «трудом несовершенным и оставленным». Оставленным по той причине, что ответить на ключевой и весьма волнующий поэта вопрос – кто стоял за «набеглым царём» – не представлялось (да и сейчас не представляется) возможным.

Но свои «внешне- и внутриполитические версии» Пушкин всё-таки оставил – где намеками, где в письмах по поводу работы над книгой.

Накануне пугачёвского восстания, по меньшей мере, три проблемы волновали Екатерину больше всего. Первая была связана с разделом Польши в 1772 году, когда к России отошла часть территорий Речи Посполитой по зыбким соглашениям с Австрией и Пруссией. Вторая проблема касалась турецкого вопроса – в 1771 году был завоёван Крым, и Россия таким образом смогла диктовать «свою волю» Оттоманской империи, чем очень раздражала Англию и Францию.

А о третьей проблеме написал в одном из писем секретарь полновластного управителя Иностранной коллегией Никиты Панина Д.И.Фонвизин: «Ужасное состояние. Я ничего у Бога не прошу, как чтоб вынес меня с честию из этого ада». Ад этот связан с затеянной Паниным оппозиционной интригой вокруг престола и в полной мере развернувшейся в 1772 году, когда наследнику Павлу исполнилось 18 лет. Именно поэтому, по признанию самой Екатерины, против Пугачёва была «наряжена такая армия, что едва ли не страшна соседям была...».

Одной из «столичных» версий, которая в пушкинские времена бытовала полноправно, можно назвать связь Пугачёва с масонами, уже имевшими в то время значительное влияние (в масонах, к примеру, состояли братья Панины и будущий император Павел I). Как только появились первые известия о бунте, по Петербургу поползли устойчивые слухи о том, что весь мятеж произрос из петербургских масонских лож, – благо, влиятельным вельможам устроить подобный «эксцесс» не составило бы особого труда. Сразу же для примера припомнили и давно почивших стрельцов, чьими силами оппозиция Романовых пыталась совершить переворот.

«Дерзкого» Пугачёва, конечно, в «вольные каменщики» принимать не стали, но идея оживить Петра III и посредством бунта изменить политическое положение в стране вполне могла вызреть в этих недрах. Одним из аргументов этой версии современные исследователи выдвигают «относительно высокий уровень организации восстания, который не могли бы обеспечить ни сам Пугачёв, ни его ближайшие помощники».

К слову, о помощниках. Пушкин по-своему избирателен: тех, кто не укладывался в концепцию «серых кардиналов» за Пугачёвым, а больше олицетворял именно «пугачёвскую сволочь», Пушкин рисует крупными штрихами, подробно, ярко, даже нарочито ярко – того же самого Хлопушу или Зарубина-Чику. И совершенно обходит стороной тех, кто мог бы пролить свет на эту «контрразведывательную тайну».

Так, Пушкин совершенно обходит стороной Ивана Белобородова, совершившего боевой рейд по южноуральским горным заводам, хотя и безошибочно называет Саткинский завод «центром пугачёвщины» на горнозаводском Урале, своего рода военной ставкой, в которой профессионально были учтены все мелочи. Именно Белобородову, выходцу из Кунгурского уезда, не то из казаков, не то из старообрядцев, невесть как попавшему в своё время в Петербург на пороховую фабрику и изучившему взрывное производство, знавшему фортификацию и тактику разведки, должна по праву принадлежать история пугачёвского бунта. Именно Белобородов, водивший за собой и совершенно измотавший отряд храброго Михельсона, повергавший в страх одним своим именем нерешительного Деколонга, заставивший встать под ружьё весь Екатеринбург во главе с секунд-майором Гагриным, являлся наиболее опасным пугачёвским атаманом.

Кто «натаскивал» Белобородова в воинской науке – неизвестно. Пушкин ограничивается лишь словами, что пугачёвский полковник «пойман был в окрестностях Казани, высечен кнутом, потом отвезён в Москву и казнён смертию». Казнён весьма скоро – не дождавшись следствия...

Ещё об одном человеке поэт предпочёл не распространяться – о писаре Пугачёва Иване Трофимове-Дубровском, подписывавшем «царские указы». Вот только одними воззваниями его деятельность не ограничивалась. Скромная запись в следственном деле, что Дубровский вёл «всякое производство письменных дел», на самом деле значит очень многое. По меньшей мере, наш герой вёл всю переписку Пугачёва.

Адресаты могли быть самыми разнообразными. Существует весьма смелая версия о том, что Дубровский мог переписываться с теми же братьями Паниными, которым крестьянская война была «на руку». Известно, что некогда хорунжий Пётр Панин, когда разгром восстания уже казался неизбежным, буквально упросил Екатерину издать указ, по которому он назначался главнокомандующим войск, сражавшихся против Пугачёва. Именно Панин пресечёт жизненный путь Дубровского – писаря поймали под Царицыном, перевезли в Саратов, допросили под пыткой и очень быстро казнили. Вообще, сама скорость показательна. Панин не стал дожидаться никаких «следственных мероприятий» и ликвидировал свидетеля – казнили и забыли...

В отношении Дубровского князь Потёмкин позднее напишет Екатерине: «А допрос Дубровского, написанный его собственной рукой, и точно тою, какой были писаны все манифесты, доказывает ясно, что он был всех умнее». И добавлял уже с нескрываемой горечью и раздражением: «Извольте всемилостивейшая государыня усмотреть, сколько можно было из него изведать. Но, к сожалению, он умер в Саратове, и тайны нужные вместе с ним погребены...».

Стоит думать, что под этими словами мог бы подписаться и Пушкин, выстраивавший в голове несколько версий «волшебного превращения» неграмотного и дикого Пугачёва в Петра Ш, продумавшего систему управления широкими массами, полномасштабную «идеологическую» обработку населения и вполне слаженную систему «государственных институтов», пусть и в пределах своей Пугачёвии.

Безусловно, не обошёл Пушкин стороной и раскол (сегодня бытует версия, что масоны пошли на сближение с раскольниками; эту версию никто не доказал, хотя, разумеется, и не опроверг). Старообрядчество к тому времени уже имело мощную сеть общин, причём наиболее богатые и финансово устойчивые из них находились за границей – прежде всего в Литве, Австрии и Польше. Наибольшее влияние имели старооб-

рядческие общины на Ветке, приграничной с Литвой, и в Стародубье, приграничном с Украиной. И Ветка, и Стародубье были тесно связаны со старообрядческими центрами на Каслинском Урале и в Невьянске и осуществляли незаконный экспорт демидовского железа в Европу.

Именно здесь, в Стародубье, старообрядческим иноком Василием и был перекрещён Пугачёв, после чего, снабжённый на Добрянском форпосту новым паспортом и неплохими деньгами, он добрался через всю страну в Иргизские скиты, где, согласно протоколам первого допроса, и назвался чудесно спасшимся Петром III.

Был и «внешнеполитический польский след». О пребывании Пугачёва в Польше почти ничего не известно, кроме того, что он действительно там был. Кстати, не в самый лучший для Польши момент – там бушевали страсти на религиозно-политической почве. В.О.Ключевский пишет: «Всё бездомное и праздношатающееся из замотавшейся шляхты, из панской дворни, из городов и сёл собиралось под знамёна конфедераций и, рассыпаясь по стране мелкими шайками, грабило во имя веры и отечества кого ни попадя... Это была своего рода польско-шляхетская пугачёвщина, нравами и приёмами ничуть не лучше русской мужицкой...».

В том, что «конфедерацкая шляхта», хотя и противостоявшая православным староверам, но «по деньгам» всегда с ними мирившаяся, была представлена и на Южном Урале, сомнений нет. По меньшей мере, как только в Оренбург пришло донесение о взятии Пугачёвым Илецкого городка, губернатор Рейнсдорп (весьма «провинившийся» во время бунта именно своей нерешительностью и бездействием) на совете из главных оренбургских чиновников одной из первоочередных мер безопасности утвердил: «У польских конфедератов, содержащихся в Оренбурге, отобрать оружие и отправить их в Троицкую крепость под строжайшим присмотром».

Польское происхождение могла иметь и сама идея воскрешения Петра III (кстати, Пугачёв на одном из допросов признался, что оклеветал иргизских старцев). Об этом свидетельствует запомнившееся почти всем современникам негодование Екатерины, когда среди различных пугачёвских воинских знаков и знамён было найдено и «голштинское» знамя наследника Павла I, жившего тогда в Гатчине и благоговевшего перед прусскими порядками. Кстати, Екатерина, должно быть, почувствовала и то, что её «немецкий генералитет» оказался причастен к заговору под маской Пугачёва.

Этот намёк мы встречаем у Пушкина, причём не в основном тексте «Истории», а в приложении, где он, оценивая действия немцев на Урале, писал: «Все немцы, находившиеся в средних чинах, сделали честно своё дело: Михельсон, Муфель, Меллин, Диц, Деморин... Но все те, которые были в бригадирских и генеральских, действовали слабо, робко, без усердия: Рейнсдорп (оренбургский губернатор, так и не вышедший дальше крепости), Брант, Кар (был один из первых, кого императрица назначила Указом на подавление бунта), Фрейман, Корф, Валленштерн, Декалонг (так и не спасший Челябинскую крепость), Билов etc., etc...».

Во время работы над «Историей» Пушкину удалось отстоять фрагмент одного из писем Вольтера Екатерине по поводу Пугачёва, в котором французский просветитель связывал новый «русский бунтовской фарс» с деятельностью шевалье де Тотта, курировавшего участие Франции в «турецком вопросе», а самого Пугачёва называл турецким шпионом. Естественно, никакой грамоты, жалованной бы турецким султаном Пугачёву, не было. Но сам турецкий след был, и весьма основательный.

Он связан как со старообрядчеством, так и с казачеством. Волна массовой эмиграции раскольников захлестнула не только Европу, но и южные земли. По меньшей мере, только в Турции, как в европейской, так и в азиатской её части, возникло более десятка старообрядческих общин. Существовали они также в Валахии и Молдавии, из-за территорий которых отчасти и велось военное противостояние. Наряду со старообрядцами, уходили на юга и недовольные властью казаки, многие из которых и сами состояли в расколе. Уходили даже в «Китайскую Монголию» и киргизские степи.

Об этом «южном движении» доносили и накануне восстания, да и сам Пугачёв эту идею не оставлял. Так, сохранилось свидетельство сотника Мечетной слободы Протопопова: «Мечетной слободы крестьянин Семён Филиппов был в Яицке за покупкою хлеба, а ехал оттуда с раскольником Емельяном Ивановым. Сей в городе Яицке подговаривал казаков бежать на реку Лобу, к турецкому султану, обещая по 12 рублей жалованья на человека, объявляя, что у него на границе оставлено до 200 тысяч рублей да товару на 70 тыс., а по приходе их паша-де даст им до 5 миллионов». Цены, разумеется, «аховые» и призрачные, чтобы быть принятыми казаками на веру, но для нас важнее сама связь с русскими общинами в султанской Порте, и стоит думать, что «канал», объявленный в Яицкой комендантской канцелярии, был далеко не единственным.

Наконец, был и своеобразный «французский пасьянс». Он раскладывался на слухах, что в войске Пугачёва были французские офицеры, хорошо обученные и во многом поставившие «военное дело» в бандитских шайках. Допускала ли их наличие Екатерина? – скорее всего, да. К тому же на её памяти – в самый первый год её царствования – осталось дело французских «диверсантов», пытавшихся поджечь судостроительную верфь в Петербурге...

Впрочем, повторимся ещё раз – документов по линии Коллегии иностранных дел, связанных с пугачёвским бунтом, нет (должно быть, благодаря внимательности Н.И.Панина), и Пушкину, вернее всего, не требовались доказательства о произведённой «выемке». Позднее, во времена Николая I и III Отделения канцелярии Его Величества, когда проводилась вторая чистка архивов, документы также не нашлись. Остались лишь бумаги «бунтарского» характера и донесения о продвижении пугачёвского войска.

Но и они позволили поэту не просто открыть шлюзы к изучению пугачёвского бунта, а создать яркое и масштабное полотно, заронить в русские души свою классическую формулу, знакомую каждому из нас с детства: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный». Вот что требует от каждой новой эпохи и нового поколения своего прочтения, осмысления, проекции.

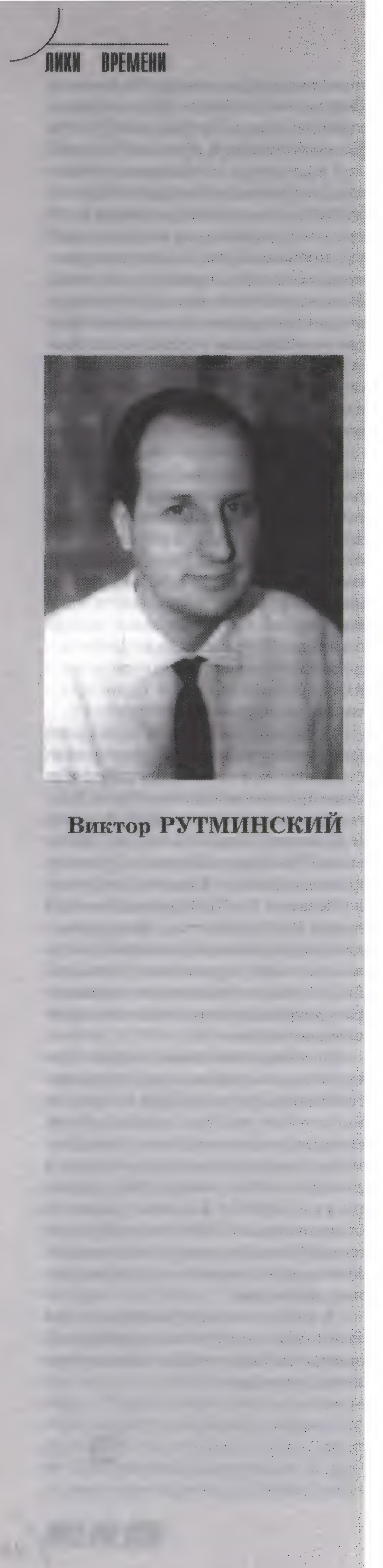
А кто стоял за Пугачёвым – бог знает. Да и в суть «николаевского заказа» на книгу пушкинские версии явно не входили...

«ЖИЗНЬ И ЧЕСТЬ СВОЮ Я ВЗВЕСИЛ НА ПУШКИНСКИХ ВЕСАХ...»*

Владимир Владимирович Набоков (1899–1977 гг.)

К 110-летию со дня рождения В.В.Набокова

Виктор РУТМИНСКИЙ

Зоил (пройдоха величавый,
корыстью занятый одной)
и литератор площадной
(тревожный арендатор славы)
меня страшатся потому,
что зол я, холоден и весел,
что не служу я никому...

В этой статье пойдёт речь о Владимире Набокове как о поэте, хотя он гораздо больше известен широкой читательской аудитории как автор блестящей прозы. Поэзия Набокова при жизни автора оказывалась в тени его романов, эссе и даже переводов.

Известно, например, что он перевёл на английский язык прозой всего «Евгения Онегина» и написал несколько томов комментариев к нему. Прозу Набоков писал одинаково хорошо на двух языках – на русском и на английском («Пнин», «Лолита»). Это своего рода исключение в истории литературы. Педантичные немцы утверждали, что хорошо можно писать только на muttersprache, то есть на языке, усвоенном вместе с молоком матери. Впрочем, поляки своей практикой этот тезис опровергли. Когда Гийома Аполлинера (Вильгельм Аполлинарий Костровицкий) спросили, кого он считает лучшим польским писателем, он полушутя ответил: «Лучших польских писателей три: это Станислав Пшибышевский, пишущий по-немецки, Джозеф Конрад (Юзеф Конрад Коженёвский), пишущий по-английски, и я, пишущий по-французски».

Что касается Набокова, то это, в отличие от Аполлинера, можно сказать лишь о его прозе. Стихи же Владимир Владимирович писал преимущественно на родном языке, хотя несколько английских стихотворений у него есть, и в детстве у него был период, когда по-английски поэт говорил лучше, чем по-русски.

В русской литературе есть другой такой пример – Иосиф Бродский, который в конце жизни писал и стихи, и прозу на английском языке. Стихи В.В.Набокова при жизни поэта не слишком ценились. Их старомодность, несколько архаическая классичность и благородная сдержанность воспринимались как эпигонство.

Аналогичная история была с Буниным, отчасти и с Ходасевичем, которых Набоков ценил больше других поэтов. Эпигонскими, однако, стихи Набокова признать никак нельзя, хотя в них часто намеренно звучат темы и мотивы других поэтов, обыгрываемые им по-своему.

О современном поэте Тимуре Кибирове было сказано однажды, что его поэзии свойственна центонность, то есть использование в своих целях известных строк других авторов. Эту центонность можно встретить и у Набокова, что не мешает совершенному своеобразию его стихов. Например:

О, как ты рвёшься в путь крылатый,
безумная душа моя,
из самой солнечной палаты
в больнице светлой бытия!

Не правда ли, сразу же улавливается интонация Тютчева (*«О, вещая душа моя, о, сердце, полное тревоги!»*), хотя трудно представить, чтобы Фёдор Иванович написал про «солнечную палату в больнице светлой бытия». Интонация задана, а дальше тема развивается по-набоковски. Последняя строфа этого стихотворения – это уже

* Из книги: В.Рутминский. Поэты постсеребряного века.

чистый Набоков, безусловный двадцатый век:

Поверь же соловьям и совам,
терпи, самообман любя, —
смерть громыхнёт тугим засовом
и в вечность выпустит тебя.

А вот здесь чётко прослушивается Баратынский:

Как бледная заря, мой стих негромок
и кратко звуковое бытиё.
И вряд ли мой разборчивый потомок
припомнит птичье прозвище моё.

(До 1940 года поэт подписывался В.Сирин, это здесь и имеется в виду – *В.Р.*). О Бунине в своё время говорили, что его поэзия – огонь в ледяном сосуде. Так можно сказать и о стихах Набокова.

Он всю жизнь решительно отвергал всякого рода формальные выкрутасы, предпочитая строгость и сдержанность; стихи же писал с юных лет и до последних дней жизни.

Сама личность Набокова вызывает глубокий интерес и яростные споры. Его не любили А.Ремизов, Бор.Зайцев, Георгий Иванов, Георгий Адамович – люди значительные. Правда, он позволял себе сокрушительные высказывания не только о Фолкнере и Сартре, которых не ставил ни во что, но и о Солженицыне и даже о Достоевском. На Марину Цветаеву он написал ехидную и несправедливую пародию, в которой, имитируя её захлёбывающиеся анжамбманы, изображает её... сталинисткой.

Иосиф Красный — не Иосиф
прекрасный: препре-
красный, — взгляд бросив,
сад вырастивший! Вепрь
горный! Выше гор! Лучше ста Лин-
дбергов, трехсот полюсов
светлей! Из-под толстых усов
Солнце России: Сталин!

Разумеется, ничего подобного у М.И.Цветаевой нет, хотя стиль её, доведённый до гротеска, изображен талантливо.

В апреле 1999 года наступило столетие со дня рождения Набокова. Он родился в Санкт-Петербурге. Его отец, Владимир Дмитриевич Набоков, был либеральным государственным деятелем последнего царствования. Многие предки по линии Набоковых были значительными людьми: министрами, мореплавателями, учёными.

Отец погиб в двадцатых годах, закрыв собой П.Н.Милюкова от пули какого-то террориста.

Мать поэта, Елена Ивановна, была из семьи меценатов – золотопромышленников Рукавишниковых.

Детство В.В.Набокова прошло в Петербурге и дачных усадьбах: Выра, Батово, Рождествено, находящихся неподалеку от столицы. Природа этих дачных местностей отличалась исключительной красотой, недаром эти места называли «русской Швейцарией». О своих родных усадьбах поэт помнил всю жизнь и тосковал по ним за рубежом.

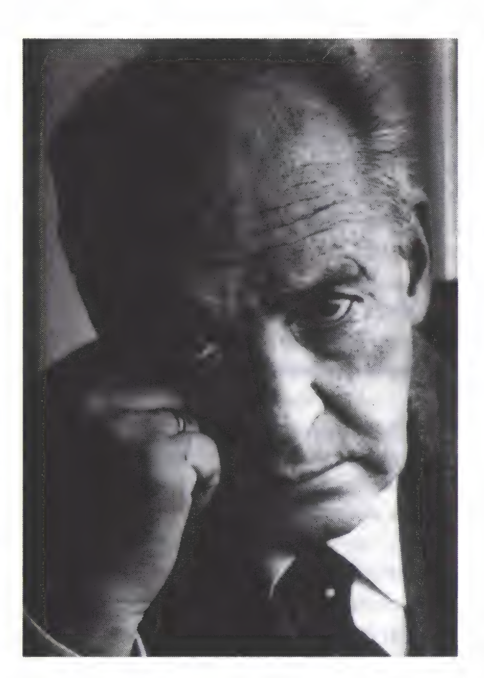
Будь со мной прозрачнее и проще:
у меня осталась ты одна.
Дом сожжён и вырублены рощи,
где моя туманилась весна,

где берёзы грезили и дятел
по стволу постукивал... В бою
безысходном друга я утратил,
а потом и родину мою.
...
А теперь о прошлом суждено мне
тосковать у твоего огня.
Будь нежней. Будь искреннее. Помни:
ты одна осталась у меня.

В 1911 году В.В.Набоков поступил в Тенишевское училище, где преподавал Вл.В.Гиппиус и где несколько ранее учился О.Э.Мандельштам. После октября 1917 года поэт вместе с родными уехал в Крым, с ними же в 20 лет – в эмиграцию. В Англии Набоков учился в престижном Тринити-колледже (Кембридж) и окончил его, но тосковал по родине и видел её даже в лугах Кембриджа.

Я без слёз не могу
тебя видеть, весна.
Вот стою на лугу,
да и плачу навзрыд.

А ты ходишь кругом,
зеленея, шурша...
Ах, откуда она,
эта жгучая грусть!

В.В.Набоков

Я и сам не пойму,
только знаю одно:
если б иволга вдруг
зазвенела в лесу,

если б вдруг мне в глаза
мокрый ландыш блеснул —
в этот миг, на лугу,
я бы умер, весна...

Кстати, здесь и размер кольцовский, русский, народный, но наполненный набоковской лексикой, набоковской интонацией.

Я интересовался, какими предметами занимался Набоков в Кембридже. Оказывается, он изучал историю, французский и русский языки и литературу. Биография Набокова частично совпадает с сюжетом его романа «Подвиг» и жизнью его героя Мартына Эдельвейса, но не вполне.

После Кембриджа Набоков, как и его персонаж, живёт в Берлине («мачехой российских городов» назвал этот город В.Ф.Ходасевич), бесконечно думает о России, стремится душой туда, но на безумное возвращение Мартына на родину всё же не решается. Однако в Берлине ему снятся вот такие сны:

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывёт кровать,
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,

в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, —
вот-вот сейчас пальнёт в меня, —
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознанья
коснётся тиканье часов,
благополучного изгнанья
я снова чувствую покров.

Но, сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звёзды, ночь расстрела
и весь в черёмухе овраг.

Это именно там, в Берлине, Мартын играет со своей кузиной Соней в жуткое тоталитарное государство Зоорландию.

«И конечно, искусства и науки объявлены вне закона, ибо слишком обидно и раздражительно для честных невежд видеть задумчивость грамотея и его слишком толстые книги. Бритоголовые, в бурых рясах, зоорландцы грелись у костров, в которых звучно лопались струны сжигаемых скрипок» («Подвиг»).

Вот так «аполитичный» Набоков изображает «чуму XX века». Надо полагать, красную, ибо коричневая была ещё в зачатке. Всё ещё будет! Удивительна способность поэта из воздуха улавливать дух времени и воплощать его в чеканных формулировках. На ту же тему написано стихотворение «Ульдаборг»:

Смех и музыка изгнаны. Страшен
Ульдаборг, этот город немой.
Ни садов, ни базаров, ни башен,
и дворец обернулся тюрьмой.
...
Озираются, жмутся тревожно.
Что за странные лица у всех!
Дико слушают звук невозможный:
я вернулся, и это мой смех —

над запретами голого цеха,
над законами глухонемых,
над пустым отрицанием смеха,
над испугом сограждан моих.

Погляжу на знакомые дюны,
на алмазную в небе гряду,
глубже руки в карманы засуну
и со смехом на плаху взойду.

Стихотворение написано в 1930 году. Вернись поэт домой, так бы и случилось. Примерно в это время было написано и первое стихотворение Набокова, попавшееся мне на глаза и сразу же околдовавшее меня. Здесь уже нет ничьих чужих интонаций, разве что местами едва ощущается В.Ф.Ходасевич. Ничего не поделаешь: родственные души были у этих двух поэтов.

«С точки зрения вечности» поэзия Набокова ощущается как неоспоримая ценность, живая и пленительная.

Средь пустоты, над полем дальним
пласты закатных облаков
казались призраком зеркальным
океанических песков.
...
И я охвачен темнотою,
и сладостно в ушах звеня
и вздрагивая под рукою,
проходят звёзды сквозь меня.

Одно стихотворение из романа «Дар» В.Набоков, по свидетельству нескольких мемуаристов, любил больше всех других вещей:

Однажды мы под вечер оба
стояли на старом мосту.
Скажи мне, спросил я, до гроба
запомнишь вон ласточку ту?
И ты отвечала: ещё бы!
И как мы заплакали оба,
как вскрикнула жизнь на лету...
До завтра, навеки, до гроба —
однажды на старом мосту.

Набоков до какой-то степени создаёт свой мир, разыгрывая мистерии на сцене неведомого театра. Но краски этого мира вполне реальны, и мы ощущаем его.

Настанет день. Ты будешь королём.
Ты — поселянкой с кистью винограда.
Вы — нищими. А ты, моя отрада,
сама собой, но в платье дорогом.

И вот настал. Со стороны земли
замерла пыль. И, в отдаленье зримы,
идут, идут кочующие мимы,
и музыка слышна, и вот пришли.

Тогда-то небожителям нагим
и золотым от райского загара,
исполненные нежности и жара,
представим мир, когда-то милый им.

В красках поэт видит и покинутый им Санкт-Петербург. Удивительное стихотворение посвящено М.В.Добужинскому, и это не случайно: молодой Набоков посещал студию Добужинского, учился изобразительному искусству.

Пристальное внимание к «зримому» миру, пластичность, живописность роднят его стихи с бунинскими.

UT PICTURA POESIS
(поэзия как живопись — *В.Р.*)

Воспоминанье, острый луч,
преобрази моё изгнанье,
пронзи меня, воспоминанье
о баржах петербургских туч
в небесных ветреных просторах,
о закоулочных заборах,

о добрых лицах фонарей...
Я помню, над Невой моей
бывали сумерки, как шорох
тушующих карандашей.
...
Какой там двор знакомый есть,
какие тумбы! Хорошо бы
туда перешагнуть, пролезть,
там постоять, где спят сугробы

и плотно сложены дрова,
или под аркой, на канале,
где нежно в каменном овале
синеют крепость и Нева.

Эти сугробы и поленницы дров и сейчас можно увидеть где-нибудь на берегах Мойки в районе Поцелуева моста и «Новой Голландии». Поэзия Набокова вполне точна, несмотря на склонность поэта к созданию фантасмагорических миров во многих стихотворениях.

Не знаю, насколько Набокову пригодился Кембридж. В Берлине он, как и большинство русских эмигрантов 20-30-х годов, живёт в нужде, даёт уроки русского и английского языков, а также тенниса. Увлекается композицией шахматных задач (конечно, только первоклассный шахматист мог написать «Защиту Лужина»!). Кроме того, поэт занимается и составлением кроссвордов. При этом он, на манер адмирала Шишкова, предпочитает именовать свои создания «крестословицами». (А ведь хорошее русское слово, но не прижилось, увы!)

Иногда поэт бывает во Франции, но умудряется и там везде видеть и слышать Россию, даже в курортном городке Ле Булю:

Не моря шум — в тиши ночной
иное слышно мне гуденье:
шум тихий родины моей,
её дыханье и биенье.

В нём все оттенки голосов,
мне милых, прерванных так скоро,
и пенье пушкинских стихов,
и ропот памятного бора.

Отдохновенье, счастье в нём,
благословенье над изгнаньем.
Но тихий шум не слышен нам
за суетой и дребезжаньем.

Зато в полночной тишине
внимает долго слух неспящий
стране родной, её шумящей,
её бессмертной глубине.

С детских лет страстью Владимира Владимировича были насекомые, особенно бабочки. Известно, что во время экологических катастроф эти эфемерные создания погибают первыми. Набоков ловит бабочек везде и, в конце концов, становится энтомологом с мировым именем. Его узкая специализация в энтомологии называется «лапидоптерист».

Предметом его особой гордости стало открытие неизвестной самочки, «которая зовется Nabokow's Nymph в научной литературе» (цитирую самого Набокова, поэтому название даю, как у него, по-английски, а не по-латыни – *В.Р.*). Набоков продолжает: «Есть еще четыре nabokovi, названные другими, из них мне особенно дорога Euptychia nabokovi, крохотная геометридка». Андрей Вознесенский, склонный к броским, но не вполне точным определениям, почему-то написал: «Набоков – двуязычная бабочка русской культуры». Сам Набоков, описывая в стихах бабочку, куда более точен:

Бархатно-чёрная,
с тёплым отливом сливы созревшей,
вот распахнулась она;
сквозь этот бархат живой
сладостно светится ряд
васильково-лазоревых зёрен
вдоль круговой бахромы, жёлтой,
как зыбкая рожь.
Села на ствол, и дышат
зубчатые нежные крылья,
то припадая к коре,
то обращаясь к лучам...
о, как ликуют они, как мерцают
божественно! Скажешь:
Голубоокая ночь в раме
двух палевых зорь.

Поражает, что поэт описывает бабочку элегическим дистихом (гекзаметр с пентаметром), вообще-то встречающимся у него редко. Это размер, которым пишут стихи, высекаемые на мраморе. Так и надо: то, что любишь, следует запечатлевать торжественно и величаво.

Берлин Набоков покинул в 1937 году, так как жить там становилось совершенно невозможно. По словам самого поэта, «изо всех открытых окон доносился хриплый рёв диктатора, и нельзя было избавиться от вездесущего портрета фюрера». Страна классической философии на глазах становилась Зоорландией, да ещё к тому же Вера Евсеевна Слоним, жена поэта, была еврейкой.

Три года Набоковы прожили в Париже, иногда выезжая на юг Франции. Как всегда, он прекрасно схватывает genius loci увиденных им мест. Вот картина Прованса, где так много русских обретали свой временный (а кто и постоянный) приют:

Слоняюсь переулками без цели,
прислушиваюсь к древним временам:
при Цезаре цикады те же пели,
и то же солнце сталось по стенам.

Поёт платан и ствол в пятнистом блеске;
поёт лавчонка; можно отстранить
легко звенящий бисер занавески:
поёт портной, вытягивая нить.

Как хорошо в звенящем мире этом
скользить душой вдоль меловых оград,
быть русским заблудившимся поэтом
средь трепета латинского цикад!

В 1940 году Набокову удаётся вовремя покинуть Францию и переехать в США. С этого времени он больше не пользуется псевдонимом В.Сирин. «В течение десятка лет, – пишет Набоков, – я видел свою задачу в том, чтобы каждое стихотворение имело сюжет и изложение (то было как бы реакцией против унылой, худосочной «парижской школы» эмигрантской поэзии)».

Набоков законно считал, что стих нечто «выражает», поскольку «изображает», поэтому оснастка прозы живительна для поэзии. «Фабула, – говорил он, – так же необходима стихотворению, как и роману». Не он один так считал: вспомним мысль О.Э.Мандельштама, что генезис А.Ахматовой весь в прозе.

В этом смысле очень характерно стихотворение Набокова «Мать»:

Смеркается. Казнён. С Голгофы отвалив,
спускается толпа, виясь между олив,
подобно медленному змию;
и матери глядят, как под гору, в туман
увещевающий уводит Иоанн
седую, страшную Марию.

Уложит спать её и сам приляжет он,
и будет до утра подслушивать сквозь сон
её рыданье и томленье.
Что, если у неё остался бы Христос,
и плотничал, и пел? Что, если наших слёз
не стоит наше искупленье?

Воскреснет Божий Сын,
сияньем окружён;
у гроба, в третий день,
виденье встретит жён,
вотще купивших ароматы;
светящуюся плоть ощупает Фома,
от веянья чудес земля сойдет с ума,
и будут многие распяты.

Мария, что тебе до бреда рыбарей!
Неосязаемо над горестью твоей
дни проплывают, и ни в третий,
ни в сотый, никогда
не вспрянет он на зов,
твой смуглый первенец,
лепивший воробьёв
на солнцепёке в Назарете.

В США Набоков преподавал русский язык и литературу в Уэллеслианском колледже – и одновременно исследовал энтомологию в Гарвардском зоологическом музее. С 1948 по 1959 годы он профессор Корнельского университета. После прибытия в США он пишет преимущественно по-английски. Вскоре он приобретает известность как американский писатель. Он переводит на английский Пушкина, Лермонтова, Тютчева стихами, вместе с сыном Дмитрием переводит «Героя нашего времени».

«Лолита» была написана сперва по-английски, и параллельно был создан русский вариант. Этот роман привлёк к Набокову всеобщее внимание, но и столь же всеобщее поношение.

Возникает некая параллель с Б.Л.Пастернаком, с которым про-

изошла аналогичная история: стихи в основном были известны знатокам, а роман «Доктор Живаго» вызвал целую бурю в печати. Набоков с интересом присматривался к этому большому поэту, достаточно чужому его собственной манере. Известно одно четверостишие Набокова о Пастернаке:

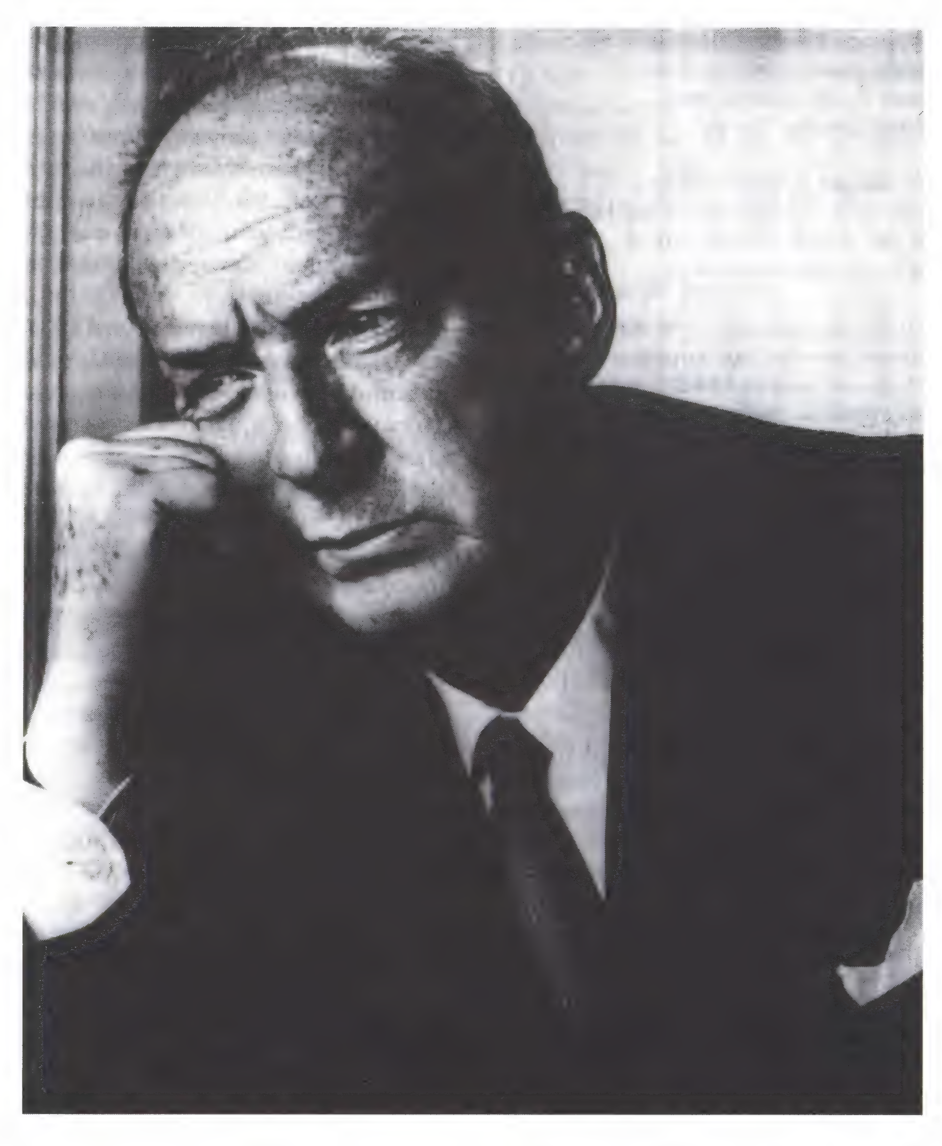
Его обороты, эпитеты, дикция,
стереоскопичность его —
всё выдаёт со стихом Бенедиктова
своё роковое родство.

Сейчас мы можем сказать, что родство с Бенедиктовым – это совсем неплохо. А написанное в Сан-Ремо в 1959 году стихотворение прямо отталкивается от «Нобелевской премии» Б.Л.Пастернака.

Какое сделал я дурное дело,
и я ли развратитель и злодей,
я, заставляющий мечтать мир целый
о бедной девочке моей.

О, знаю я, меня боятся люди,
и жгут таких, как я, за волшебство,
и, как от яда в полом изумруде,
мрут от искусства моего.

Но как забавно, что в конце абзаца,
корректору и веку вопреки,
тень русской ветки будет колебаться
на мраморе моей руки.

У Пастернака:

Что же сделал я за пакость?
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Пастернак, как известно, Нобелевскую премию получил, а Набоков – никогда, хотя нещадно им ругаемый А.И.Солженицын в апреле 1972 года направил Шведской королевской академии письмо, в котором было высказано пожелание, чтобы очередная Нобелевская премия была присуждена именно Набокову. В письме Солженицына были слова: «Это писатель ослепительного литературного дарования, именно такого, какой мы зовём гениальностью. Он достиг вершин в тончайших психологических наблюдениях, в изощрённой игре языка (двух выдающихся языков мира!), в блистательной композиции. Он совершенно своеобразен, узнаётся с одного абзаца – признак истинной яркости, неповторимости таланта. В развитой литературе XX века он занимает особое, высокое и несравнимое положение».

В 1959 году поэт возвращается в Европу и поселяется в Швейцарии, в курортном городке Монтрё. Там он и прожил до конца своих дней. Есть полуапокрифический рассказ о том, что Набоков якобы сумел побывать в России с туристской группой, разумеется, под псевдонимом (какой-нибудь Джонс или Смит). Вернувшись, он сказал: «Всё. Ностальгии больше не будет».

Умер поэт в Монтрё 2 июля 1977 года. Как завещание нам звучит его стихотворение «Неродившемуся читателю»:

Ты, светлый житель будущих веков,
ты, старины любитель, в день урочный
откроешь антологию стихов,
забытых незаслуженно, но прочно.

И будешь ты, как шут, одет на вкус
моей эпохи фрачной и сюртучной.
Облокотись. Прислушайся. Как звучно
былое время — раковина муз.

Шестнадцать строк, увенчанных овалом
с неясной фотографией... Посмей
побрезговать их слогом обветшалым,
опрятностью и бедностью моей.

Я здесь с тобой. Укрыться ты не волен.
К тебе на грудь я прянул через мрак.
Вот холодок ты чувствуешь: сквозняк
из прошлого. Прощай же. Я доволен.

Сейчас в Россию вернулся целый пласт русской культуры. В «Других берегах» Набоков назвал поэзию И.Бунина «струящимися стихами». Его собственные строки вполне подходят под это определение. Эта животворная влага способна восстановить плодородие истерзанной нивы русской культуры.

ВАДИМ

Rene FRUHAUF

Их уходило сорок четыре, а возвратилось трое. И все трое были Кузьмичи, и все жили в одном доме. Сегодня в живых только два.

Тогда им было двадцать – двадцать два, стало быть, столько, чтобы начать жизнь, создать семью и жить. Только троим из тех сорока четырёх была дана такая возможность, остальные заплатили жестокую дань войне, заплатили и за нас.

На дворе уральский декабрь, холод пробирает до костей, а у Очеретиных – уют приветливого дома.

– Ну что, друзья, мы постарели? – усмехается Вадим, и в уголках глаз сжимаются морщинки. Когда уже под пятьдесят, на это каждый человек имеет право. – Дети наши выросли...

Но это всё тот же Вадим, каким его увидел фронтовой фоторепортёр около их танка в сорок третьем году. Он стоит в первом ряду, сразу возле командира, у командира строгое лицо, зато у остальных девяти – улыбки. Двое в верхнем ряду справа как будто рассказали анекдот. Все они были тогда комсомольцами, и удалось им сделать большое дело: организовали на уральских заводах собрания и закупили танки, сами сели в эти танки и повели их в бой против нацистов.

Это была та славная когорта, которая два долгих года пробивала дорогу с Урала через Дрезден до Праги.

– Вот видишь, когда приеду в Прагу, я должен постоять у танка № 23. Как это место называется...

– В Смихове, перед казармами.

– Это был один из наших. А знаешь Чеперку-у-Кладно? Вот большое фото с мая сорок пятого года.

И опять та же улыбка, лукавые глаза, пилотка набекрень. Это был уже конец боёв, конец войне, это был час, когда Сталин сказал: «Мир на всём свете».

Вадим Очеретин сегодня – известный писатель, автор многих романов и ещё главный редактор толстого двухсотстраничного ежемесячного журнала «Урал», создатель советского искусства, о таких биографы говорили, что они «пришли в литературу прямо из жизни». Нужно заглянуть глубоко, чтобы увидеть, что стоит за этой фразой.

Очеретин родился в Харбине, в Северной Маньчжурии, среднюю школу закончил во Владивостоке и начал самостоятельную жизнь. Его университетами были профессии маляра, грузчика, чертёжника, потом прокатчика на Верх-Исетском металлургическом заводе, куда он пришёл по направлению комсомола. Он работал и учился и в 1948 году окончил университет [имени] Максима Горького. Но это было не всё. Ещё была война! Он пошёл добровольцем, хотя ему как прокатчику с Урала, куда были эвакуированы перед нацистами сотни заводов с запада Советского Союза, можно было и получить освобождение от воинской повинности. Он стал солдатом Свердловской бригады уральских добровольцев. Смерть не раз протягивала к нему руки и оставила на его теле немало следов.

О том, чем он награждён и сколько раз, Вадим не говорит.

Перевод А.М.Кручинина.
Из газеты «Prace» 31.12.1970.

Такую он прошёл нелёгкую жизненную школу. Кто начинает читать его романы, а два из них – «Я твой, Родина» и «Саламандра» – вышли год тому назад на чешском, первый из них и на словацком, отчётливо видит эту школу. Это драматические истории, в них изображена жизнь солдат и заводчан. В некоторых его работах встречаются и детективные сюжеты. «Я твой, Родина!», «Первое дерзание», «Саламандра», «Сирена» и разные другие новеллы и романы, очерки и рассказы. В ежемесячном журнале «Урал» выходят первые главы его романа «Трижды влюблённый».

Очеретин – человек темпераментный, вспыльчивый и впечатлительный. Во всём его облике, а он небольшого роста, твёрдый, как скала, и сильный, как металлург (чехи сказали бы – крепыш), столько энергии, что её хватило бы на пятерых.

– У нас, Вадим, много говорилось о социалистическом реализме, – перевожу я речь на тему, ему близкую.

Урал, Свердловск, декабрь 1970 г.

Чеперка-у-Кладно, май 1945 г.

Он развёл руки, потом завёл их за стул.

– У меня такое мнение. Это – реализм писателя, тема творчества которого – достижения и успехи в строительстве социализма с марксистско-ленинской точки зрения.

В этом предложении – ключ к тому творчеству, которое показывает без прикрас труд и жизнь рабочих и всех тех, кто живёт в рабочем государстве. Вероятно, да. Умей только с этим ключом обращаться и проникнешь в смысл вещей.

Потом мы говорили о советско-чехословацкой культурной деятельности.

– Видишь, нет статистики, чтобы можно было сейчас же сказать, сколько книг было переведено с чешского на языки народов Советского Союза и наоборот, но не ошибусь, если скажу, что их было больше, чем с других языков. Когда-то я это читал в справке ЮНЕСКО.

– Хорошо, а как теперь?

– В прошлом году я был в Пльзене и приглашал ваших писателей в наш ежемесячник «Урал», ведь на Урале живёт много людей, которые воевали за Чехословакию, за Прагу и за другие ваши города. Как главный редактор нашего ежемесячника, я хочу, чтобы у нас на Урале рос интерес к вашей республике. Потому я и просил ваших писателей, чтобы они для нас писали, как живут люди у вас.

Он встал, прошёлся по комнате, вдоль стен, до потолка заложенных книгами, около стола, полного бумаг и тетрадей с записями.

– Видишь, прошёл год, а нам ничего не послали.

Потом прибавил:

– Видишь, какая у меня забота? Углубить и расширить наши связи, чтобы чешские писатели не оставались глухими к нашим пожеланиям и призывам и посылали нам свои работы. Посмотри, – раскрыл толстый журнал, – здесь перевод романа немецкого писателя. В каждом номере мы представляем работы писателей братских социалистических стран.

Свердловск, один из центров Урала – кузницы Советского Союза, большой город и по численности больший, чем Прага, был погружён в сон, телефонные провода звенели от мороза. Вадим проводил нас до гостиницы «Большой Урал».

– Когда наступит май, заедь в Чеперку и пошли мне её вид, – сказал он, когда мы уже подошли к большому зелёному зданию гостиницы.

Их было сорок четыре, вернулось трое, все Кузьмичи, и все эти трое жили в одном доме. Теперь живут только двое.

Один из них – Вадим.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

главному редактору журнала «Урал» Николаю Владимировичу Коляде

Ида ОЧЕРЕТИНА

г. Екатеринбург

Публикуя открытое письмо Иды Власьевны Очеретиной, мы не стали сопровождать его цитатами из упомянутой книги и комментариями, как хотели это сделать изначально. Ведь главное в этом письме – даже не критика трактовки тех или иных событий литературной жизни Урала 70-х годов прошлого века, изложенных в книге. Главное – в разном мировосприятии двух личностей – Вадима Кузьмича Очеретина и сменившего его на посту главного редактора журнала «Урал» Валентина Петровича Лукьянина. В разности времён и задач.

И вполне естественно, что, буде на то воля В.П.Лукьянина или сегодняшнего главного редактора журнала «Урал» Н.В.Коляды дать своё отношение к адресованному им письму, мы, однозначно, предоставим им для этого страницы журнала «Веси».

Главный редактор журнала «Веси» Татьяна Богина.

Я отдавала это письмо в журнал «Урал», надеясь увидеть его на страницах журнала. Но член редакционного совета журнала В.Лукьянин, которому письмо показали, сказал, что печатать можно только с его комментариями. Потом возникли другие соображения, и письмо отвергли.

Так как для меня очень дорога память о моём муже Вадиме Очеретине и я болезненно переживала несправедливые, с моей точки зрения, оценки его журналистской, писательской, организаторской деятельности в качестве главного редактора (1967–1980) журнала «Урал», высказанные Валентином Петровичем Лукьяниным в его книге «Урал. «Урал»»: очерки истории журнала (Екатеринбург, 2007), то это письмо не давало мне покоя. Я долго думала, имею ли я право на его публикацию в каком-либо другом, кроме журнала «Урал» издании. Да, имею. И я благодарна журналу «Веси» за возможность реализовать это право и публично высказать мою точку зрения.

УВАЖАЕМЫЙ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ!

Очень неприятно, очень не хотелось писать Вам это письмо, вызванное желанием высказать свои мысли после прочтения книжки В.Лукьянина «Урал. “Урал”». Пишу не сразу. Сначала раздумывала – писать или поговорить с Вами, потом смерть младшего сына перекрыла все прочие волнения... Сейчас, ещё раз внимательно прочитав, ещё и ещё подумав, не могу не написать. Не могу не защитить Вадима. И хорошо, что пишу не сразу, поостыла, кое-что пропущу, отмечу лишь главное, что меня огорчило.

Вообще книжка интересная, с подробностями событий, анализом произведений, с множеством имён. Даже с сенсацией: Евгений Шерман – сын Сусанны Жислиной. Я со студенчества дружила с Шерманом, он тоже с нашего курса (кстати, а Володя Шустов учился не с нами, курсом младше). Шерман вместе с другими бывал у меня дома, мы любили поиграть в картишки на шкуре белого медведя (была в семье такая), о чём Женя в последующие годы поминал при каждой встрече. Жил Шерман с мамой и младшей сестрой в доме по ул. Карла Либкнехта, рядом с магазином «Океан». Потом мама с сестрой уехали в Москву, дом снесли, и Шерман получил квартиру в Юго-Западном районе. Знали мы, что родился Шерман на Украине, в городе Ананьеве (потому и – Ананьев). А про маму-Жислину никогда не слышали. Ещё больше удивилась этому Елена Евгеньевна Хоринская: она с военных лет была дружна с Жислиной и уверяет, что сына-Шермана у Жислиной никогда не было. Свидетельства Елены Евгеньевны весомее моих.

Но это – к слову, не это главное.

Повторю: множество имён помянуто в книжке. Обо всех Лукьянин говорит тепло и доброжелательно. Все писали, творили на благо журнала «Урал». И есть лишь один отрицательный тип – Очеретин. Плоть от плоти своего времени, преданный боец партии, идеологический ортодокс, дальновидный и расчётливый конъюнктурщик, заботящийся о выправлении своей биографии, для чего смолоду накапливающий социальный потенциал, дабы завоевать заметное положение в обществе (всё из текста книжки). Да, ещё живущий со «скелетом в шкафу». Я за все наши годы этого «скелета» не замечала. Жил Вадим уверенно, безбо-

язненно и о карьере не заботился нисколько. А вот заметила, прочувствовала я тяжёлые Вадимовы думы, разочарования в конце жизни. (Не они ли и годы его сократили, наслав три инфаркта...)

Видимо, нужен был Валентину Петровичу образ ортодокса-диктатора для философско-литературных рассуждений о пагубном курсе «Урала» в «очеретинский» период. Сказано немало. Да, отмечены заслуги Очеретина: выхлопотал и отремонтировал помещение для редакции, расширения штатов добился и зарплаты повышения. И тираж при нём достиг более 100 тысяч. И из этих тысяч был ведь не только «массовый» читатель, были и истинные любители хорошей литературы, а подписывались на журнал из года в год. Но о «положительном» – вскользь, подчас – с иронией, издёвочкой. Охотнее – о волевых решениях редактора Очеретина, о том, что и к созданию очередного номера журнала он подключался лишь на последнем этапе, и рукописи не читал. (Но помню: дома не только сам читал, а и меня просил прочесть.) Поминает Валентин Петрович и переданную ему папку с «компроматом» на Очеретина, которую он и разбирать не стал. Благородно... Но было бы, действительно, благородно не поминать об этом. Но тогда – как бы узнали о благородстве? В поддержку своих взглядов Лукьянин довольно часто обращается к диссертации Б.Ходова. Но смею думать: многое, многое в труде Ходова навеяно мыслями и оценками Лукьянина. Валентин Петрович сам говорил, что провёл в беседах с Ходовым не один час (а может, – и день). Немудрено, что взгляды их удивительно совпадают.

Чтобы подтвердить несостоятельность Очеретина – писателя и редактора, Лукьянин поминает и солидный труд «Литература Урала. Очерки и портреты» под редакцией Н.Л.Лейдермана и Е.К.Созиной, изданный в 1998 году. Имя Очеретина там не поминается ни разу. Лукьянин предполагает: «...Ни его (Очеретина) десяток так или иначе нашумевших романов, ни двенадцатилетнее руководство крупнейшим литературным журналом российской провинции руководители творческой группы вполне осознанно не сочли заслуживающими внимания. Почему?». Я в эти дни прочла цитату Е.К.Созиной, спросила её мнение об этом. Елена Константиновна заверила, что по отношению к Очеретину это несправедливо, так не должно было быть. Но случилось. А почему – по-моему, и Валентин Петрович знает: сделано было это волевым решением Н.Лейдермана. Такое волевое решение Лукьянина, похоже, вполне устраивает, да и вспомнить приятно.

Не могу не сказать о неточностях, о передёргивании фактов, что допущены в книжке.

О Н.Никонове. Очеретин не принял поэму Никонова «След рыси», не оправдываю его. Но в «очеретинский период» Николай Никонов печатался немало. Уточнила. Опускаю год 1968, хотя и там Никонов есть.

1969 г. – повесть Никонова «Когда начинаешь вспоминать»;

1972 г. – повесть Никонова «Валя Медведева»;

1973 г. – Н.Никонов «Три рассказа Татьяны Сергеевны»; для детей – «Из рассказов Коли Никитина»;

1975 г. – Н.Никонов – повесть «Глагол несовершенного вида»;

1977 г. – Н.Никонов – «Мой рабочий одиннадцатый».

Перечисляю это, чтобы не создалось впечатления, что произведения Никонова вообще не печатались. Кроме Никонова, в «очеретинский период» печатались Б.Путилов, А.Трофимов, В.Турунтаев, В.Туболев, В.Климушкин, О.Коряков, А.Крашенинников, Э.Бадьева, Л.Давыдычев, Е.Пермяк, К.Борисов, К.Лагунов, Б.Бурлак, Л.Юзефович, О.Маркова, Я.Резник... И многие поэты, начиная от Ручьёва и Решетова.

О романе «Трижды влюблённый» и вокруг него.

К роману отнеслись по-разному. Я помню разговор с читателями на большом заводе «Уралэлектротяжмаш», где техническая интеллигенция – видные конструкторы, инженеры, технологи хорошо отзывались о романе. Были и другие тёплые встречи с читателями, и одобряющие письма. Писатели роман не приняли. Но на обсуждении были и поддержавшие роман, в том числе Климентий Фёдорович Борисов, у которого, по словам Лукьянина, «было поразительное чувство реальности». В содокладе К.Борисов отметил: «...В основе своей это сильное, идейно зрелое произведение. И – самое главное – поднимающее тему глубинных процессов психологии рабочего класса». Валентин Петрович пишет, что роман поддержала «Правда». Но это совсем не так. В статье «Сильные духом» («Правда», 21.07.1971) Н.Потапов хвалит произведения Н.Шундика, В.Кожевникова, А.Иванова, высоко оценивая героев этих произведений – коммунистов, вожаков коллектива. Роман Очеретина оценен отрицательно. «Правда» поддержала свердловских писателей, а не Очеретина. В обкоме партии после критики «Правды» отношение к Очеретину резко ухудшилось. А положительная рецензия, Леонида Гаряева, была в «Уральском рабочем».

Ещё. Я не единолично, как пишет Валентин Петрович, «делала энергичные попытки» реабилитировать роман. В 1989 году это решала комиссия по литературному наследию Очеретина. В том числе и член комиссии по литературному наследию Очеретина Валентин Петрович Лукьянин, который не высказался против. Тогда по просьбе комиссии Средне-Уральское книжное издательство включило роман в план издания на 1991 год, началась работа с редактором. Но вдруг член комиссии по литературному наследию Очеретина Валентин Петрович Лукьянин, никого не предупредив, на коротком обсуждении убедил издателей, что роман печатать нельзя, и его вычеркнули из плана. Никак не могу понять: зачем, не приемля писателя, входить в комиссию по его литературному наследию?

Второй раз включить роман в сборник произведений Очеретина предложило издательство БКИ, и опять же после поддержки комис-

сии по литературному наследию (уже без Лукьянина). Приходится объяснять столь длинно, ибо, если поминать, так уж не умалчивать факты. Более резко высказался об этой ситуации председатель комиссии Павел Кодочигов в статье, копию которой прилагаю (для подтверждения).

Об Александре Филипповиче.

Очеретин внимательно относился к молодому писателю. Именно он выхлопотал Филипповичу должность и жильё на Синарском трубном заводе – там в дирекции был друг-однополчанин Яков Сосновских. Было, что Вадим выручил, когда у Филипповича случилось некое недоразумение. И на обсуждение романа ездил. Филиппович звонил к нам домой...

«Синарский роман» был опубликован в 1973 году, в 1976-м – в двух номерах – повесть «Травинка и муравей». А фраза: «Пока я в журнале, Александру Филипповичу здесь не место», что со слов Вали Артюшиной поминает Лукьянин, и звучала не так, и сказана была не по приходу редактора Очеретина в журнал.

Только ради истины перебираю копии материалов, что хранятся в домашнем архиве. В апреле 1979 года на планёрке Очеретин сказал: «Филипповича мы печатать не будем, пока он не извинится». Но речь шла не обо всём творчестве Филипповича, а об отдельной вещи, подготовленной в № 10 отделом прозы. «Это может подтвердить зав. отделом В.В.Артюшина» – это слова из справки комиссии, специально созданной для проверки жалоб А.Филипповича и других писателей на редактора Очеретина. В комиссию вошли К.Борисов, Н.Мережников, Я.Танин.

А.Филиппович, критикуя Очеретина и его произведения (приводя в поддержку статью в «Правде» с критикой «Трижды влюблённого»), разослал письма в Свердловский Союз писателей, в обком партии, в Союз писателей РСФСР – Ю.Бондареву. В другом письме – в Госкомиздат РСФСР и в СП РСФСР пятеро писателей вместе с Филипповичем (из «Урала» – один) жаловались на то, что в журнале «Урал» «...происходят систематические нарушения авторского права по оплате литературно-художественных произведений, имеющие конечной целью присвоение крупных денежных сумм, подкуп должностных лиц и скрытое взяточничество».

Замечу: Вадим мог сказать резкие слова, но сказать открыто. Никогда ни на кого он писем-жалоб не писал. Не хочу что-то говорить «со слов», хотя слова очевидца тех событий, слова не в пользу Филипповича, мне были сказаны. А высказанное другом Филипповича Валерием Климушкиным в «Урале» (№ 7, 2003) приведу:

«Александр Сергеевич и группа сравнительно молодых литераторов, ныне уже покойных, решились идти другим путём. Организовали в Союзе писателей ревизионную комиссию по проверке финансовой деятельности журнала и лично его, редактора. Кто не без греха? В другой раз ограничились бы внушением из обкома, – но не теперь, когда против главного организовался форменный заговор...».

Вот этими письмами-жалобами пришлось заниматься комиссии. Осудили Очеретина за фразу в адрес Филипповича: «...главный редактор не имел права поддаваться гневу (даже – справедливому!) и высказываться подобным образом»; «Комиссия считает критические высказывания А.Филипповича недобросовестными...»; «Обе сегодняшние жалобы основаны на личных мотивах и – только в силу большого преувеличения – могут быть восприняты как сигнал какого-то бедствия».

И финансисты, проверив гонорарные документы «Урала», подтвердили: нарушений нет. Не усматривали нарушений и ежегодные ревизии Бюро по охране авторских прав, и проверка КРУ МФ РСФСР. И С.Захаров в отдельной справке подтверждает: гонорар выплачивается справедливо. Были объяснительные письма Очеретина во все инстанции... Но шумиха уже пошла, и она не нужна была обкому. Плюс ещё критика в «Правде». Вадиму намекнули: или уходи, или будут снимать. Вадим ушёл. Такой вариант устроил всех. И это – главная причина ухода редактора Очеретина. К.Ф.Борисов звонил потом Вадиму, сожалел, что не смог защитить...

Длинно объясняла... Может появиться мысль, что это я, жена, так болезненно воспринимаю написанное Лукьяниным. Но вот: сын, прочтя книжку «Урал. “Урал”», спросил: «Почему Лукьянин так ненавидит папу?».

Да, почему? Может, неоднозначный Очеретин своей жизнью и своими произведениями как-то зацепил однозначного Лукьянина и он никак не успокоится? И создаёт образ редактора-диктатора, и продумывает сюжет... Но в жизни всё гораздо сложнее, и не всё очеретинское вписывается в лукьянинский сюжет. Виталий Волович, например, в своей книге благодарит Вадима Кузьмича за то, что вступился за молодых художников, когда их обвиняли в формализме. «Идеологический ортодокс, верный боец партии» Очеретин не побоялся выступить против решения обкома партии... В те, давние годы, не сейчас, когда легко быть смелым. Такой сюжет не вмещается в схему Лукьянина.

А Павел Кодочигов, наш с Вадимом большой друг, убеждал меня: неприязнь возникла из-за того, что Очеретин назвал Лукьянина путаником. Не знаю, может быть. Но Вадим-то высказывался открыто, в лицо, не скрываясь... А теперь... Вадима нет в живых уже более двадцати лет, а Лукьянин не даёт покоя его душе, выискивая, к чему бы прицепиться из давнего прошлого... И не упускает случая высказаться на страницах «Урала», используя памятные даты. Грустно...

С искренним уважением,
И.Очеретина.
Дек. 2008.

К слову: в статье «Бажовская тропа в литературном разнотравье» («Урал» № 1, 2009) В.Лукьянин отмечает: «Самыми первыми лауреатами Бажовской премии стали Ольга Славникова, Юрий Казарин, Дмитрий Суворов». И далее – «...в разные годы лауреата-

ми стали поэты-фронтовики Михаил Найдич и Венедикт Станцев». Но поэты-фронтовики М.Найдич и В.Станцев удостоены премии не в «разные годы», а в том же, 1999-м, что и «самые первые». В этом можно убедиться, заглянув в книжку «Бажовские лауреаты» на страницы 7, 31, 39 (издат. «Пакрус», 2004). Или они, Найдич и Станцев, не «самые»?

Ещё несколько слов добавлю. Желание возникло после прочтения книжки В.Артюшиной «Моё время». Почувствовала заметную схожесть с В.Лукьяниным в отношении к Очеретину – редактору и писателю. Даже фразы некоторые одинаковы. И те же вольности по отношению к фактам. Что-то я уже уточнила выше, объясню кое-что ещё.

Валентина Викторовна почему-то считает, что Очеретин заинтересовал обком партии как член кочетовской редколлегии журнала «Октябрь». Уточню: Очеретина ввёл в редколлегию «Октября» Ф.Панфёров. Кочетов, став главным редактором журнала, Очеретина из редколлегии вывел по причине «взаимных претензий». Так что на момент прихода в «Урал», в 1968 году, Очеретин в редколлегии «Октября» не был. И вообще всё было прозаичней, я об этом уже писала. Скажу ещё раз. Просто на вольной творческой работе, когда в 1961 году Вадим ушёл из «Следопыта», совсем не легко было обеспечивать семью. Вадим переживал, стал поговаривать о работе. Обмолвился, что пошёл бы корреспондентом «Огонька» вместо умершего Григория Фунштейна, который вовлёк Очеретина сотрудничать с журналом. Но предложить свои услуги очеретинская гордость не позволяла. Тогда, не говоря Вадиму, в обком написала я с просьбой помочь. Говорила об «Огоньке» или о другой корреспондентской работе, которая оставляла бы время для труда писательского. Вышло совсем не так. А Вадим об «Урале» и не думал, и не сразу согласился.

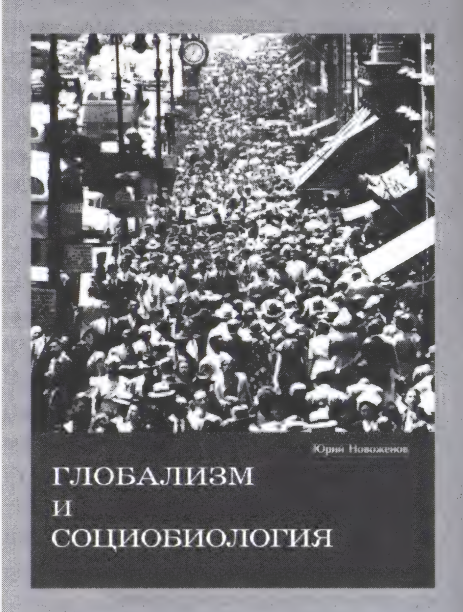
Уход Очеретина из «Урала» – и козни были, и обком хотел этого. Тоже подробно объяснила это выше.

«Самую благодарную память о себе редактор Очеретин оставил тем, что выхлопотал помещение для редакции», – пишет В.Артюшина. А что же встречи с читателями, конференции, поездки в разные города, на предприятия, что инициировал Очеретин? Похоже, тоже было интересно и, судя по книжке, запомнилось. Правда, поминается некое «мы», как бы отстраняя от хороших дел Очеретина. «Мы когда-то тоже ставили задачу подъёма тиража и решили её столь успешно, что тираж «Урала» перевалил за 100 тысяч экземпляров...». Кто – «мы»? Без Очеретина, рост тиража для которого был весьма постоянной заботой? «Мы проводили читательские встречи...». Куда всегда, в первую очередь, звали Очеретина. «По нашей просьбе» рукопись М.Филиппович перепечатали на средства Литфонда. Вадиму очень понравилась эта повесть «Легко обуты ноги». Попросил в Литфонде ссуду, и на эти деньги повесть была перепечатана. И договор с Качканаром о культурном шефстве долго обсуждался Очеретиным с Фёдором Селяниным, бывшим комсомольским вожаком в Качканаре...

И наконец, «...я пришла в «Урал»... Разве не Очеретин, не без труда, выхлопотал Артюшину из издательства? Было время, сама Валентина Викторовна признавала это.

Память – чувство непредсказуемое: что-то навсегда уходит, что-то смещается, что-то всплывает так, как кажется, как хочется. Годы коварны...

И.Очеретина.

Если бы космонавты с других планет прилетели на Землю и стали изучать жизнь людей, то у них возникли бы три неразрешимых вопроса: 1. Почему люди так интенсивно размножаются? 2. Почему они создали такую культуру, которая уничтожает биосферу и их самих? 3. Почему они убивают друг друга?

Ответ на эти вопросы читатель может получить в этой и других книгах проф. Ю.И.Новоженова: «Таинственное либидо» (1999), «Филетическая эволюция человека» (1983, 2005), «Статус-секс и эволюция человека» (1991, 2007), «Адаптивность красоты» (2005) и др.

В предлагаемом издании, представляющем подбор ряда статей автора, содержатся сведения о новой науке социобиологии, об экологической геополитике и о положении России в глобализирующемся мире. В настоящее время, когда Россия вновь втянута в мировой кризис глобального масштаба, идеи Ю.И.Новоженова приобретают прогностический характер и призывают народы нашей многонациональной и многострадальной страны одуматься и не совершать новых ошибок.

СЛИЯНИЕ ВИДОВ И ЖАНРОВ

Татьяна УШАКОВА

доцент кафедры архитектуры Уральской государственной архитектурно-художественной академии, г. Екатеринбург

До недавнего времени на отдельных конкурсах детского изобразительного творчества результаты преподавания художественных дисциплин в довузовских системах пытались противопоставлять по узкопрофессиональным критериям – или станковое, или архитектурно-дизайнерское детское художественное творчество. И это несмотря на то, что большинство работ на архитектурно-дизайнерских выставках имело вид изображения на плоскости с одной точки зрения, т.е. по традиционно принятой классификации эти работы надо бы считать относящимися в чистом виде к изобразительному искусству. Наметилось противостояние. Научной, доказательной базы для размежевания не было, но конкурсы и выставки проходили отдельно. Архитектурная академия, проводя детские конкурсы, подводила итоги по всем номинациям: станковое искусство, декоративное, архитектура, дизайн. И в этом случае педагог мог представить работы учащихся в любую из них по своему усмотрению. Другие организаторы не включали архитектурно-дизайнерские детские работы в свой состав и не приглашали к участию ту же школу архитектурно-дизайнерского творчества при УралГАХА.

Конфликта видов изобразительных искусств в восприятии учащихся не должно существовать. Каждый вид имеет свой формат и востребован в тех или иных колледжах и вузах художественного профиля. Начальная подготовка учащихся должна быть базовой, универсальной, то есть отвечать базовым задачам всех видов изобразительных искусств.

Живопись и графика – это изобразительные и плоскостные (двухмерные) виды изобразительного искусства. А архитектура и дизайн – это неизобразительные и пространственные (трехмерные) виды изобразительного искусства. Б.Р.Виппер констатировал, что «художественная архитектура» отличается от простого строительства способностью к «изображению» особого типа. У каждого вида свои выразительные возможности и пределы этих возможностей. «Если архитектура создаёт пространство, – пишет Б.Р.Виппер, – а скульптура – тела, то живопись соединяет тела с пространством, фигуры с предметами вместе со всем их окружением, с тем светом и воздухом, в котором они живут». Однако возможности живописи не беспредельны, они покупаются ценой отказа от третьего измерения, от реального объёма, от осязания. Пространство и объём в живописи существуют только в иллюзии. Получается, что академическая живопись не может без изучения пространственных закономерностей, а архитектура и дизайн не могут без плоскостного изображения. И в итоге: художественные способности учащихся необходимо развивать разносторонне и комплексно в учебных заведениях любого профиля.

В последнее время становится ясно, что все детские конкурсы надо проводить в интересах детей, а значит все аспекты их творчества представлять в едином выставочном пространстве.

Дети пусть придумывают и делают так, как им подсказывает душа, как у них получается. А педагоги помогают, дополнительно объясняют и направляют к той спе-

циальности, к которой у ребенка есть предрасположенность. Бороться надо «за» ребенка, а не на его поле.

А вот что действительно является одной из проблем искусства вообще и всего изобразительного в частности, так это конфликт традиций и новаторства. Это классический конфликт. И это, кстати, один из явных поводов, но не причина появления предыдущих противостояний.

В наше время равновесие между традициями и новаторством нарушено. Архитектурно-художественное образование (в нашем регионе представленное системой довузовского образования на базе УралГАХА) берёт на себя роль новаторского. Часто именно в работах этих школ идея самоутверждения отдельной личности и её неординарности активно выходит на первый план. В связи с этим критерием образовательный процесс начинает деформироваться. «Лишь бы не так, как у других», – хлёстче, жёстче. Работает внешний параметр оценки (эпатаж), а лучше бы подумать о внутреннем параметре (смысле). Авторский взгляд на специфику подготовки в архитектурно-дизайнерских классах изложен в журнале «Веси» № 5, 2006. Если не читать текст, а оставить только визуальный ряд вниманию неискушённого зрителя, то может возобладать желание сделать обучение оригинальным за счёт «модных приёмов». Уже не редкость детские работы, основанные на современных профессиональных течениях и методах работы ярких мастеров. Но надо задуматься, что не все творческие поиски признанных мастеров (например, сюрреализма) могут являться образцом в воспитании подрастающего поколения. Может быть, надо оставить некоторые течения мирового искусства для изучения в системе профессионального образования?

В академической системе, напротив, господствует консерватизм. Это сказывается на неприятии позиций оппонентов и нежелании пересматривать сложившиеся десятилетиями критерии оценок, заранее отвергая не станковый или декоративный подход.

Результаты детского творчества оценивать сложнее, чем профессионального, и тут требуется осторожность, трепетность.

С одной стороны, в педагогике традиции спасают поколения. Инерция педагогической самоотдачи позволяет осознать случайность «излишне современных» новаций. Педагог – тот, кто разъясняет, доводит до масс знания, – не обязан придумывать! Придумывать – это отдельная ипостась! Педагог-учитель обязан понимать, верить и разными способами доводить до сведения учащегося те или иные истины, позиции, но он не обязан изобретать их. Надо научиться ценить педагогов этого типа. Таких людей в наше время становится всё меньше. Это люди, понимающие необходимость правил и порядка, люди господства устойчивых (проверенных временем) истин, приверженцы не революционного, а эволюционного развития культуры.

С другой стороны, художественное образование не ограничивается формированием только академических знаний и навыков, это тоже крайность. Во-первых, надо согласиться, что у архитектуры и дизайна есть своя специфика как у самостоятельных видов изобразительных искусств. Во-вторых, академическим школам, стоящим на позициях традиций, также необходимо движение вперёд. Если выразительность произведения достигается только техническим совершенством (экспрессией мазка, качеством штриха, правильностью перспективного построения), то это скорее ремесло, чем искусство. Дополнительно нельзя не учитывать, что сейчас в художественный образовательный процесс активно внедрились соответствующие компьютерные программы, которые и покрасят ровно, и заштрихуют, и перспективу построят, и не надо мучиться.

«Пришло время собирать камни», задуматься о допустимости слияния видов и жанров изобразительного искусства на уровне довузовского образования. Тем более что, кроме возрастной психологии, академическое и архитектурно-художественное образование объединяют неоспоримые постулаты самого искусства.

Кроме умений и навыков в изобразительном искусстве, есть область знаний, она-то и отвечает за созидательное начало. В ней-то и лежит область новаторского качества.

Как найти золотую середину между правилом и его нарушением? Во все времена отдельно вымысел – сколько угодно! Отдельно реальность – да, пожалуйста! Крайности понимаются, усваиваются и реализуются легко. Они однозначны и очевидны. Традиции в виде наследия – это результат развития «вчерашнего дня». Новаторство в форме мечты о прекрасном будущем – это наше «завтра». А сегодня? Интересы самосохранения личности между прошлым и будущим диктуют мотивацию обучения. Детям среднего и старшего школьного возраста важнее разобраться в условиях реального творчества, а не в популистских стереотипах. Во всём цивилизованном мире ещё в 70-е годы закончилась эра «городов будущего» и «бумажной архитектуры». Так же, как и традиционного классического искусства.

Доводы против увлечения «чистым» новаторством. Личность учащегося ещё не сформирована: развитая палитра эмоциональных переживаний не сложилась, широта кругозора развита недостаточно, гибкость социального поведения даёт сбои. Человек начинает самоутверждаться. И плюс ко всему на основе юношеского максимализма многие склонны считать себя гениями. На какую благодатную почву падает зерно новаторства, не имеющего традиционных корней! Композиция, не имеющая связи с реальностью, навязывается взрослыми ради узкопрофессионального формального навыка. Надо задуматься: а не страшно ли внушать эти идеи неустойчивой личности? Не отсюда ли их агрессия, пренебрежение к инакомыслящим (ведь они уже в свои годы – «посвящённые»), в отличие от ос-

тальных? Не являются ли задания подобного типа поводом или провокацией психологического стресса?

Творчество ради эстетского лозунга («искусство ради искусства») пусть бы оставалось в профессиональной среде. Да, кстати, и в этой среде эти позиции не имеют всеобщего хождения. Это, скорее, удел избранных. Удел философски настроенных, теоретически подготовленных художников, архитекторов и дизайнеров. В той же архитектуре и дизайне масса примеров получения профессионального результата на основе метода ассоциаций и, как ни странно, «откровенной» изобразительности. Мировой опыт богат и многообразен.

Доводы против реакционных традиций, являющихся для творческих профессий пережитком. Такие традиции имеют сугубо подчинённое значение, представляя собой лишь средство сохранения преемственности. У японского архитектора Кендзо Танге есть интересная мысль о том, что традиция сама по себе не способна проявить творческую силу. Она всегда проявляет упадническую тенденцию, способствуя закреплению устаревших форм и копированию образцов. Она обращена в прошлое. Но у таких традиций тоже есть свои сторонники. Это, как правило, люди, законсервировавшие свои профессиональные убеждения или слепо следующие установкам вышестоящих властных органов.

Что такое традиция прогрессивная? В известном смысле традицию надо постоянно разрушать, чтобы в ней сохранилась живая сущность, отвергающая мёртвые формы и не дающая застыть живым. Никакие, даже самые прогрессивные традиции не могут и не должны оставаться неизменными, иначе они превращаются в штампы. Законсервированные традиции обращены в прошлое, отстают от сегодняшнего дня, теряют пульс жизни. Прогрессивная традиция всегда в движении, в развитии, она является мостом, соединяющим прошлое с будущим. Она и есть настоящее.

Проблема связи традиции и новаторства – краеугольная проблема искусства. Зная правила, овладев традиционной базой навыков, пойти дальше, предложить своё видение! В этом суть художественного образования.

Портрет и натюрморт – классические жанры изобразительного искусства, и их можно изучать как в академическом, так и в архитектурно-дизайнерском образовании. В истории развития обоих жанров наглядно прослеживаются возможности от учебной штудии до эксперимента с раскрытием его многоаспектности и даже геометрической структуры. В приведённых в качестве примера иллюстрациях сделана попытка добиться соединения традиций и новаторства.

В ШАХТ при УралГАХА под руководством автора дети изучают каждый из жанров в течение полугода. В программе есть ещё и природный пейзаж, городской пейзаж, интерьер.

Изначально как в отдельных упражнениях, так и в каждой итоговой работе учащиеся знакомятся с системой академического изображения от общего к частному: от осей, компоновки на листе до пропорций, правил симметрии, светотени и перспективы (параллельная, прямая и обратная). Всё остальное дальше решает КОМПОЗИЦИЯ! Вот тут и начинается творчество!

Основы композиции появляются в произведении тогда, когда речь заходит о взаимосвязи нескольких предметов в рамках одного изобразительного поля. Когда предмет в изобразительном поле один, то речи о композиции практически нет. В этом случае речь идёт о выразительности отдельно взятого пятна и его компоновке внутри поля. Решая задачу – соединить с помощью композиции две разных формы (минимальный уровень композиционной сложности) или два разных жанра (максимальный уровень композиционной сложности): огурец и табуретка или орнамент и портрет, – учащийся занимается творчеством. Существуют правила построения одного и правила построения другого. Предметы разные, по смыслу, по форме. Возникает конфликт. Композиция – это то, что между ними, это переход от одного к другому, это способность увидеть перерастание, перевоплощение, превращение. Это всегда неповторимый результат. Учащийся может найти свой способ взаимосвязи составляющих. Он вынужден думать, искать. Портрет и натюрморт дают возможность, не отрываясь от содержания, говорить о композиции.

Формальную композицию (теорию соединения) можно, конечно, изучать самостоятельно, вне зависимости от содержания. Но, по законам возрастной психологии, это не всегда продуктивно, а иногда и вредно. Художественная композиция предполагает творчество на основе эмоционально-образных переживаний как творца, так и зрителя. Восприятие школьников базируется, в первую очередь, на реальном видении мира. И это здоровое восприятие! В архитектурной академии увлекаются «беспредметной композицией», почему-то считая её своей. В учреждениях академического образования – «станковой композицией». Чтобы разобраться в проблеме, начнём с начала.

Композиция как самостоятельный вид творческого произведения появилась в изобразительном искусстве в 20-м веке.

Профессиональные подвиды формальной композиции, такие как «архитектурная», «дизайнерская», «декоративно-прикладная», «станковая», – удел профессионалов. Они предполагают наличие в составе произведения профессиональных архетипов.

А «беспредметная» или «абстрактная»? В чём разница даже между ними? Энциклопедическое определение абстрактного даётся через отличие от конкретного. Abstractio (отвлечение, сторона, часть целого) – одностороннее, простое, неразвитое. Concretus (сгущённый, сросшийся) – многостороннее, сложное, развитое, целостное.

Абстракция художественная предполагает отвлечение от второстепенного, несущественного в ин-

формации об объекте; акцентирование значимых её моментов и дополнение образа информацией, полученной из других источников. Наконец, синтез целого (в данном случае – художественного образа) из разнородных элементов в соответствии с каким-либо исходным принципом, замыслом.

Если художественную абстракцию, как идейно-художественный принцип, довести до абсолютизации, то это приведёт к беспредметности, т.е. к отказу от упоминания реальной действительности вообще. Беспредметная композиция развивалась по двум основным направлениям: стремление к гармонизации бесформенных цветовых сочетаний и создание геометрических абстракций. Беспредметная композиция абсолютизировала эстетическую значимость цвета и формы, добиваясь художественного эффекта только на основе организации их противоположения реальности. Формальные качества такой композиции однозначны, а художественные практически отсутствуют.

Беспредметная и абстрактная композиции могут быть типом подготовительного упражнения при изучении любого вида и жанра изобразительного искусства в довузовском образовании, поскольку они всеобщие и ничьи одновременно. Их физический размер не должен быть крупным. Он определяется необходимостью воспитать у учащегося умение выстроить отношения основных членений. Этот тип композиции в обучении учащихся младших и средних классов правомерен на этапах эскизирования, определения структуры произведения (пятно, центр, ось). Непродуктивно значительно увеличивать эти упражнения без уточнения смыслов. Кроме фактуры и незначительных нюансов, у учащихся в работе мало что может появиться. У этого подготовительного этапа своя роль – развить вариантность композиционного мышления учащегося. Ведь в искусстве нет других критериев, кроме сравнения. И только воспитанный глаз может судить грамотно. Научить детей одни и те же предметы соединять разными способами, получая разный по выразительности результат, – вот творческая задача педагога в любом виде изобразительного искусства от архитектуры до станкового.

При этом следует заметить, что придумать «абсолютно новое» невозможно. Философы и писатели-фантасты уже давно пришли к подобному выводу.

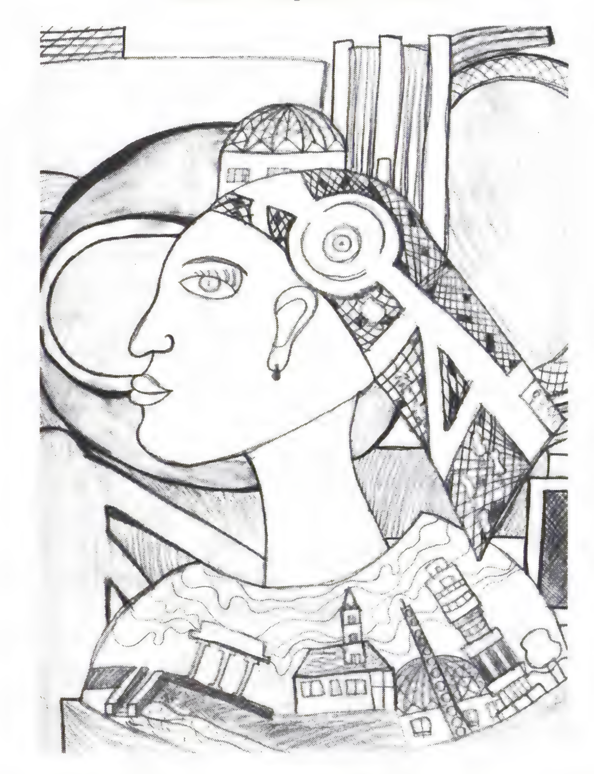
Учащиеся на примерах портрета, натюрморта, пейзажа, интерьера знакомятся с приёмами гармонизации составляющих и создания из них единого целого. Можно здесь и сейчас привести разные композиционные приёмы. Жаль только, что это уже будут методически готовые, а значит в какой-то мере мёртвые формы.

Рай. *М.Севрюкова, 12 лет.*

Чаща. *П.Чарина, 12 лет.*

Портрет екатеринбурженки. *Г.Мавлеткулова, 11 лет.*

Екатеринбурженка. *А.Малафеевских, 11 лет.*

Парижский натюрморт. *А.Ларионов, 11 лет.*

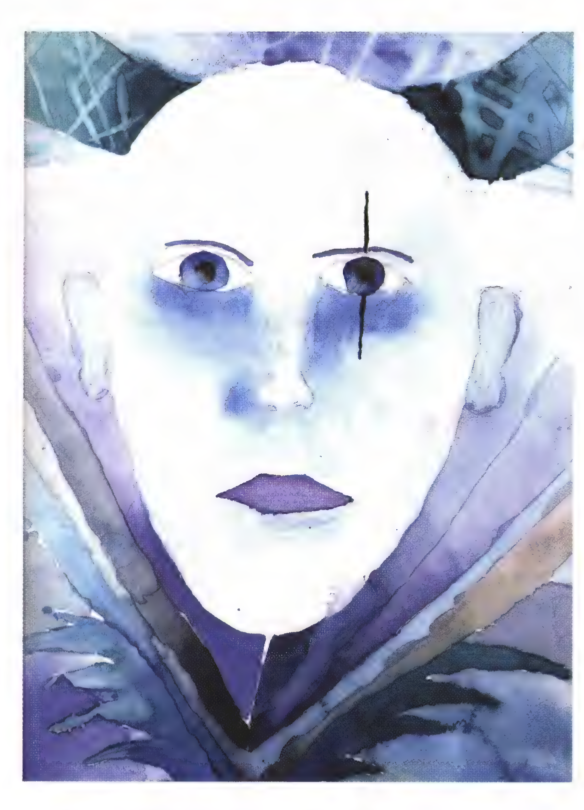

Фруктовый город. *А.Кутлиева, 11 лет.*

Сосуд-птица. *Л.Корякова, 11 лет.*

Слияние видов и жанров

Маг синего цвета. *Р.Кириллов, 10 лет.*

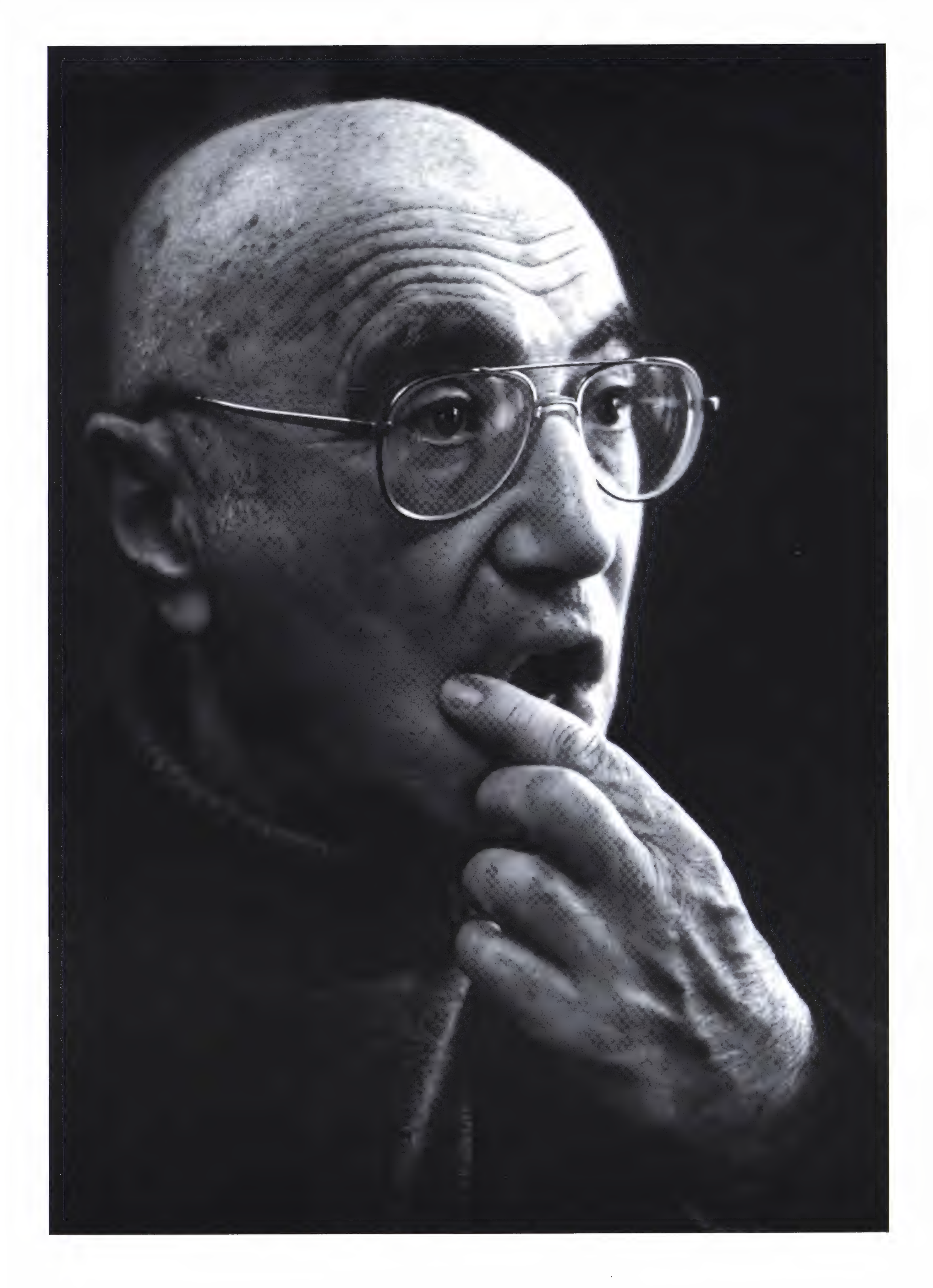

Сосуд-дом. *А.Власёва, 12 лет.*

Композиция с тыквой. *А.Белонога, 11 лет.*

Композиция с сочной грушей. *И.Коровин, 11 лет.*

Яков Борисович Зельдович.

Советский физик и астрофизик, академик. Один из создателей атомной и водородной бомбы.

Теоретической астрофизикой и космологией занимался с начала 1960-х годов. Стал одним из создателей релятивистской астрофизики – новой области применения общей теории относительности. Разработал теорию строения сверхмассивных звёзд и теорию компактных звёздных систем. Впервые описал полную качественную картину последних этапов эволюции обычных звёзд разной массы, исследовал, при каких условиях звезда должна либо превратиться в нейтронную звезду, либо испытать гравитационный коллапс и превратиться в чёрную дыру. Детально изучил свойства чёрных дыр и процессы, протекающие в их окрестностях.

В работах Зельдовича по космологии основное место занимала проблема образования крупномасштабной структуры Вселенной. Вместе с сотрудниками построил теорию взаимодействия горячей плазмы расширяющейся Вселенной и излучения, создал теорию роста возмущений в «горячей» Вселенной в ходе космологического расширения.

В сотрудничестве с Р.А.Сюняевым создал теорию рассеяния реликтового излучения на электронах и предсказал физическое явление, известное под названием эффекта Сюняева-Зельдовича.

Член более десяти иностранных академий наук и научных обществ, первый президент Комиссии «Космология» Международного астрономического союза (1970–1973). Трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и четырёх Государственных премий СССР, награждён медалью им. К.Брюс Тихоокеанского астрономического общества (1983), Золотой медалью Лондонского королевского астрономического общества (1984).

Портрет интеллекта

Ведущий рубрики фотохудожник Сергей Новиков

Строительство Уралмаша.

Уходящие корабли.

Поздняя осень. *1981 г.*

Отделение сержанта Гудина на марше.

Памяти Н.А.Каржавина. *1987 г.*

Таёжный натюрморт.

НА СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ

О творчестве уральского художника Евгения Гудина[1]

Степан ЯРКОВ

ветеран Великой Отечественной войны. Кандидат искусствоведения. Профессор кафедры истории искусств Уральского государственного университета им. А.М.Горького. Заслуженный работник культуры РФ. г. Екатеринбург

Природа не нема. Наоборот, она многоречива
и многому научит своего созерцателя,
если человек попадётся вдумчивый и толковый.
Эразм Роттердамский

Как человек становится творцом, как черпает он впечатления, дающие ему созидательную энергию, понять не просто, слишком запутаны и индивидуальны пути в искусство. Одни наполняются энергией впечатления в уединении, созерцая шедевры мастеров прошлого, всматриваясь в лица прохожих, мелькающих за окном мастерской, или погружаясь в мир музыки, литературы, философии, другим необходимо постоянное движение, общение с людьми, разными и необычными, необходимо преодолевать препятствия и жить с полным напряжением физических и душевных сил. Для Евгения Гудина[2], неутомимого путешественника, человека, стремившегося понять и передать сокровенность природы, неисчерпаемой кладовой впечатлений стал мир Севера.

Север издавна привлекал внимание мастеров кисти. Повышенный интерес к его «художественному освоению» наблюдался ещё в последнее десятилетие XIX века – время интенсивного изучения края, когда мир будоражили научные экспедиции к Северному полюсу Ф.Нансена (1896–1898) и Р.Пири (1898), путешествие по Ледовитому океану С.О.Макарова. В 1896 году на Всероссийской промышленной выставке был организован специальный павильон «Крайний Север», пробудивший особый интерес к природным особенностям края, к жизни и быту коренных народов. Русские художники ищут в северных широтах не просто таинственный экзотический мир, но и новые возможности живописного языка, и ощущение той особой живительной силы, которая и составляет основу русского национального характера. Отсюда значительный интерес зрителей к этюдам древних северных церквей В.В.Верещагина, к пейзажам с лодками поморов К.А.Коровина, к видам Соловецких островов М.В.Нестерова. Тонко чувствовали суровую красоту края Н.К.Рерих, В.М.Васнецов, А.Е.Архипов. А художник и путешественник А.А.Борисов, предпринявший несколько поездок за Полярный круг, заложил основу северной художественной эпопеи.

В советский период, когда общество восторгается героизмом полярников, а Север озаряется огнями новостроек, на художественных выставках пользовались популярностью «Сивстрой. Белая ночь» Б.Н.Яковлева (1931), «Над бескрайними просторами» А.А.Дейнеки (1934), «Водосброс на Туломской электростанции» В.Крайнева (1937), «Порт на севере» Г.Г.Нисского (1957).

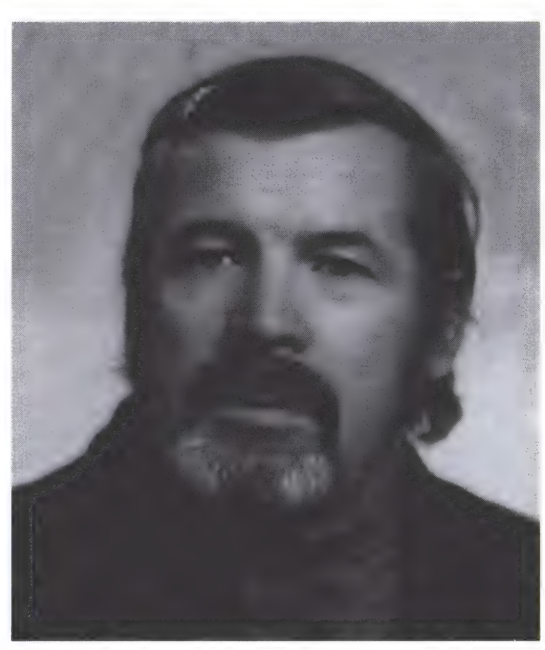
---

[1] Настоящая статья является переработанным отрывком из монографии автора о творчестве Евгения Гудина. Книга была подготовлена к печати в 1990 году, но так и не была издана.

[2] Гудин Евгений Иванович (1921, Верхняя Салда – 1991, Качканар). Живописец, график. Из семьи рабочего. Воспитывался в детском доме. Учился в Красноуфимском педагогическом училище (1939–1941). В 1941 призван в армию. Окончил Челябинскую военно-авиационную школу стрелков-бомбардиров. С 1942 воевал на Южном, Северо-Кавказском фронтах в составе 73-го укрепрайона и особой ударной группы на Кубани, сержант, автоматчик. Контужен, ранен. После излечения в 1944 направлен в авиационную часть в Иран. Демобилизован в 1945. В 1946 окончил педагогическое училище, затем учился в Свердловском художественном училище (1947–1952). С 1958 член Союза художников. Участник городских, областных, зональных, республиканских, всесоюзных и международных выставок. Народный художник РСФСР (1970). Произведения хранятся в Государственной Третьяковской галерее (Москва), в Екатеринбургском музее изобразительных искусств, в музеях Воркуты, Перми, Тюмени, Комсомольска-на-Амуре, Якутска.

В шестидесятых-семидесятых годах XX века как среди столичных, так и среди уральских художников наблюдалось повальное увлечение Севером. Вопросом, звучащим изумлённо и с укором: «Ты не был на Севере?» – делалась попытка определить «современность» художника. Увлечение Севером имело объективные причины: активно шло индустриальное освоение края, партийное руководство в столице и на местах поощряло отражение в искусстве великих строек коммунизма. Родилась и мода на северную экзотику. Многих «сезонников» привлекали в первую очередь этнографические особенности края: необычность быта, жилья, одежды, украшений. И художники «новостроек», и мастера «этнографических картин» часто подходили к Северу со своими наработанными стереотипами. Но никакие набитые приёмы или ловкость кисти не помогали. Понять природу северного края с ходу, с лёту нельзя, она требует времени, честности и мужества. Перед величественными северными просторами меркнут все людские страсти, но неприступная и суровая с виду природа хрупка и ранима. Это удивительно точно и выразительно смогли передать местные художники-аборигены, не представлявшие своего существования вне родной среды. Так, первый ненецкий художник начала XX века, «президент Новой Земли» Тыко Вылко воспринимал природу в постоянном и незатухающем ритме жизни во всех её проявлениях. Детская искренность и народная мудрость поколений помогли обрести образность и определили особенности творчества художников северных широт – Константина Панкова, Митрофана Тебетева, Хартаганова, Натускина. «Идя от народного творчества, понял соединённость звука, движения и цвета», – писал современный хантыйский художник Геннадий Райшев.

Для уральских художников Крайний Север был, наверное, понятнее и роднее, чем для столичных мастеров. Всех талантливых свердловских пейзажистов в шестидесятых-семидесятых годах так или иначе привлекали северные широты. Писали образы суровой природы Г.С.Мосин, А.Ф.Бурак, Б.М.Витомский, М.В.Гуменных, Е.Н.Мосин, В.В.Трясцын. Тема Севера стала ведущей в творчестве живописца И.В.Игошева, его жанровые полотна, посвящённые жизни и быту оленеводов, пользовались успехом на уральских и столичных художественных выставках. Много времени провёл в странствиях по Северному Уралу Н.Г.Чесноков, восторгавшийся потрясающими видами северной природы: «Горы на восходе солнца были необычайно хороши! Всё светилось сказочными золотисто-розовыми красками, а там, где падала тень, мерцали синие, лиловые и даже зеленоватые тона. Камни на проталинах рдели густыми красными тонами с лиловатенькими оттенками. Я ощутил какую-то космическую беспредельность, в которой трудно укладывалось понятие о человеке, хотя совсем рядом внизу спали люди, и я, живой и реальный, стоял перед лицом этой горной пустыни и замирал от ужаса и восторга. Этюды мои были жалкой попыткой остановить это прекрасное мгновение, и было обидно за свою беспомощность и неумение спеть эту песню так мощно, как она звучала в природе». Желание приблизиться к природе по выразительности образов и цвета определяли и творческий путь Евгения Ивановича Гудина, путь нелёгкий, тернистый, но оказавшийся для него единственно возможным путём в искусстве.

Евгений Иванович Гудин.

Страсть к путешествиям была у Евгения Гудина врождённой – его всегда влекло в неизведанное. В годы сиротского детства беспризорная «свобода» передвижения толкала в туманные дали мечты; военные дороги сержанта Гудина, полные опасностей и лишений, измеренные тысячами километров от Харькова до гор Кавказа и обратно, привели его затем в Иран[3]. Маршруты художника Гудина простирались от Карпат до Чукотки, до острова Ротманова, от которого рукой подать до Аляски. Хорошо знавший художника искусствовед Б.В.Павловский приводит краткий и впечатляющий список его путешествий: «В 1960 году он отправляется на Амур, Сахалин, в 1962 – на побережье Карского моря, в 1963 – на Северный и Полярный Урал, в 1964 – в Воркуту, Башкирию, в 1965 – на Таймыр, Диксон, в Норильск, Талнах, Хакасию, в 1967 работает в Туве, в 1969 – в Прикарпатье, Закарпатье, в 1970 совершает труднейший путь на Камчатку, Курилы, Чукотку».

Что вынес Евгений Гудин из соприкосновения с природой Севера? Во имя чего делал художник столь изнурительные вояжи с десятками килограммов за плечами, преодолевая встречающиеся на пути лишения и опасности: северную пургу, секущие ливни, штормы? Из поездок он привозил этюды, рисун-

[3] Война сыграла особую роль в формировании мировоззрения Евгения Гудина. Фронтовые лишения закалили его характер и наделили такими чертами, как обострённое чувство справедливости, упорство в достижении поставленных целей, гордость. Тема войны будет занимать значительное место в творчестве Евгения Гудина. Среди его полотен: «Солдатки. В годы войны» (1964), «Деревья встанут вновь» (1966), «Хлеб войны» (1988), «Отделение сержанта Гудина на марше» (1988), «На лесоповале» (1989), «Война закончена» (1989).

ки, массу впечатлений и... огромные долги. Надо иметь особый характер, особую закалку и терпение, чтобы работать вот так, на износ, не ожидая лёгких результатов. Много лет хорошо знавший Гудина художник Николай Чесноков позднее написал: «Женя Гудин ещё учился в училище, когда на курсовых просмотрах я обратил особое внимание на его работы. Было в них уже проявлявшееся ощущение личности, и сам он производил впечатление вполне сложившегося человека с сильным характером... Талантище и целеустремленность у Гудина оказались громаднейшие. Рос он как художник стремительно, и вряд ли я ошибусь, утверждая, что его пейзажи выдержат испытание временем».

Постоянное стремление более глубокого понимания мира человеком творческого труда, его желание приблизиться к истине – процесс мучительный и долгий. Иногда этот процесс имеет свою кульминацию – озарение. Под воздействием и случайных фактов, и ярких событий, явлений художнику словно заново открывается весь мир. Такое случилось и с Гудиным во время одной из поездок. Как вспоминал Евгений – он вдруг увидел в суровой природе Северного Урала не только бескрайнюю белизну просторов, высокое небо, полярные сияния, всё это видит любой человек и испытывает над собой их властную силу. Перед художником открылось вселенское единство, цельность всего существующего в природе. Уже немолодой человек и профессионал, он только в этот момент почувствовал себя художником. Не просто увидеть и почувствовать вселенную в гармоничной цельности, но ещё сложнее передать это на бумаге, на холсте. С того момента Гудин понял свою задачу в искусстве и целенаправленно стремился её решить.

Первоначально привлекала художника необычность цветовых сочетаний: глубина чёрно-синей воды и холодно-серого неба («В Карском море», 1965), белесоватость приглушённых цветов тундры в тумане белых ночей («Белая ночь. Олени», 1965, Тюменский музей изобразительных искусств). Но более всего на первых порах поражала и покоряла протяжённость пейзажа, вызывая жгучий интерес: что там, за горизонтом? Но важно не только увидеть яркие вспышки красок летнего цветения, серебристые тона осени или необычную белизну снега, но и найти технологический способ их воплощения. Гудин вспоминал, как при пятидесятиградусном морозе ни масляные краски, ни разбавитель уже невозможно было использовать. Оставалось только рисовать. Скупо и точно набрасывает художник силуэты гор и холмов, он редко прибегает к тональной проработке, стремясь показать зрителю прозрачную стылость заполярного воздуха и величественность северной вселенной. При этом он с доскональной точностью фиксирует детали человеческого быта. Его интересуют самодельные формы коптилен, конструкция вельботов, перевёрнутых на берегу, стояки, на которых бывалые северяне укладывают нарты. Он заносит в альбом характер кладки стен из каменных блоков, фиксирует телеграфные столбы в бочках, которые можно увидеть лишь в районах вечной мерзлоты. «Художник заботится об их художественной полноценности и так же требователен к ним, как и к законченной пейзажной картине, – писал Б.В.Павловский о графических работах Гудина. – Излюбленной становится серая недорогая бумага, рождающая самой своей фактурой какое-то ощущение простоты и придающая общую сдержанную тональность рисунку».

Особое место занимают рисунки, выполненные цветными карандашами и пастелью. Причём в этих кратковременных зарисовках художник применяет цвет очень сдержано и избирательно, оттеняя им лишь отдельные части рисунка. Резкий, своеобразный по форме графический силуэт лиственницы изображён в наброске «На Хатынге». На ветви лиственницы отдельными пятнами брошен пастелью оранжевый цвет, и сразу возникает ощущение осеннего состояния. В рисунке «Туманное море» светло-серые пастельные тона в разбеле дают почувствовать тугую завесу тумана, сквозь которую слабо пробивается жёлтый сигнальный огонь большого судна. В произведении «В море Лаптевых» оранжевые всполохи в полнеба и стронциановые холодные «прорези» у горизонта, зелёные изломы льда и чёрно-синяя глубина воды оттеняют по-особому сияющую белизну снега. Десятки, а то и сотни подобных графических работ, рисунков, набросков, иногда размером в спичечную коробку, становились основой крупного живописного полотна.

В беседе с искусствоведом Павловским художник рассказывал: «Находясь на натуре, я хочу, прежде всего, понять наиболее типичное, характерное для данного края. Поэтому, пожалуй, я больше вглядываюсь, чем пишу, мысленно сравниваю новое с прежним, уже виденным. Одним словом, теперь в отличие от прежних лет не тороплюсь открывать этюдник».

Для крупного живописного полотна мало точных деталей, мало натуралистических подробностей, – впечатления, зафиксированные в десятках живописных этюдов и графических набросков, сплавлялись в ясный и значительный образ. Образ этот выражал и личное ощущение художника, и его размышления над проблемами жизни, и ещё что-то неуловимое, что лишь угадывается. Художник Геннадий Райшев точно отметил: «Писать картину с натуры, пространство натуральное – это одно, а делать пространство холста – это другое. Подражание соловью – это одно, а написать музыку соловья – это другое. Они будут как бы соответствовать, но в параллели. Но для этого нужно, чтобы человек был готов к такому восприятию. И природа, и жизнь, и вещи напоминают нам нечто такое, что глубоко запрятано и осознаётся спонтанно...».

Порой Гудин по несколько раз повторял один сюжет, стремясь добиться большей выразительности композиции, цвета, образов.

Красочный строй картины «Ямальская тундра» (1969, Пермская государственная художественная галерея) имеет сложную

Е.Гудин на пограничной заставе. *Чукотка, 1970 г.*

структуру: где-то краски протёрты плотным тонким слоем, где-то слой наложен лессировочно, а в иных местах красочный рельеф даёт возможность почти физически почувствовать материальные объёмы земли. К концу шестидесятых меняется и колористическая разработанность произведений Гудина. Если ранее художник добивался предельной монохромности, аскетичности цветовой гаммы, то теперь он стремился передать богатство цветовых нюансов, но достигал этого не лессировками традиционной живописной системы, а предельной чёткостью цвета и формы. Так, в полотне «Береговой пост» (1969, Екатеринбургский музей изобразительных искусств) упругие волны, омывающие прибрежные скалы и дальние острова, изображены в сложной гамме холодных цветов, от интенсивно синих с разбелами до фиолетовых и сиреневых, и контрастируют с глубокими чёрно-оранжевыми тонами земли.

Уральский художник-путешественник не был в стороне от новых живописных веяний в отечественном искусстве шестидесятых-семидесятых годов. С огромным интересом и уважением относился он к творчеству Виктора Попкова, Павла Никонова, Виктора Иванова, Таира Салахова, Григория Нисского. Так же, как и они, Гудин ищет выразительность, лаконизм форм и особую художественную правду, так же, как и им, ему присущи обострённое чувство современности и справедливости. Но именно в это время, после десятилетий засилья идеологии соцреализма, художники остро ощутили, что главное – быть в искусстве самим собой.

В пейзажах Гудина шестидесятых годов сохраняется жанровая повествовательность, но как точно и гармонично вводится сюжетная линия в величественные северные ландшафты! Не сонным и вялым, а грозным предстаёт царство Севера в цикле полотен, посвящённых несущим боевую вахту лётчикам, морякам, пограничникам. Напряжённость и готовность к любым неожиданностям пронизывают атмосферу полотен: «На северных границах» (1963, Москва, Центральный музей Вооружённых Сил РФ), «Дальние острова» (1965), «Полярная авиация» (1966, Владикавказ, Северо-Осетинский республиканский художественный музей). В семидесятом году Евгений Гудин совершил самую длительную по времени поездку – по восточным погранзаставам от Владивостока до Берингова пролива. Служба пограничников всегда приближена к боевой, и для Гудина, прошедшего суровую фронтовую школу, были близки и понятны психология солдата и будни нелёгкой службы в экстремальных природных условиях.

Незамысловат сюжет картины «Пограничный обогреватель» (1970). На полосе движения пограничников среди коричневато-оранжевой тундры и синевато-холодных камней расположен деревянный домик, дающий возможность солдату во время прохождения своего участка хотя бы на мгновение укрыться от мороза и свирепого чукотского ветра, несущего кучи снега, песка и щебёнки. Такой ветер в мгновение ока сдирает покраску с домов, судов, уносит всё, что попадается на его пути, и людям приходится использовать для передвижения специальные крепления. Так буднично, без показной героики рассказывается о нелёгкой пограничной службе. Художник живёт в солдатской казарме, питается в солдатской столовой, вместе с пограничниками выходит в море. Позднее на основе накопленного материала будут написаны картины «Дальневосточная застава» (1977), «Беспокойная тишина» (1978), «Побережье Камчатки» (1984).

Б.В.Павловский считал работы, написанные Гудиным в 1970 году на Чукотке и Камчатке, одними из лучших в его творчестве: «В них есть своя романтичность, они пробуждают у зрителя мысли о тайнах природы, мечты о непостигнутом. В них нет внешней радостности, золота солнца, но они оптимистичны, в них ощущаются крепкие корни жизни... Сколько удивительного, прекрасного повстречал Гудин во время своих странствий: серебряно-светлая полярная ночь, корабли в море и пронзительные крики чаек, тишина пронизанной солнцем башкирской земли, рокот сверхзвуковых истребителей, кресты на могилах русских землепроходцев, шахты безбрежного Заполярья, чумы оленеводов, алмазные росписи огней современных городов за Полярным кругом, нетронутые поля пепельно-синей голуби-

ки, погранзаставы... Всё это объединяется понятием: земля, люди, жизнь».

Но Гудин видел и другой Север: изуродованные траншеями сопки, озёра нефти и мазута, горы отходов промышленных предприятий, тучи дыма над новыми городами и лагеря, разбросанные по бескрайним северным просторам.

Первый раз Гудин попал в район Норильска в начале шестидесятых годов, когда только что опустели многолюдные лагеря сталинской эпохи. С этюдником и альбомом бродил он вдоль чудовищно длинных – по тридцать и более окон – бараков, видел остатки колючей проволоки, человеческие кости, чуть присыпанные землёй, хрустели под ногами. Подобные походы были небезопасны, местные жители предупреждали художника: «Ты, мужик, здесь не ходи, вашего брата снайперы отстреливают. Песцы кости обгложут, и не найдёт никто». Гудин рассказывал близким друзьям о задуманной картине «Гнездо смерти», но написать холст не удалось. Когда художник снова приехал в Норильск, то увидел на местах захоронений огромную промышленную свалку. Отходы Норильского комбината изменили ландшафт до неузнаваемости. Но сохранились точные, правдивые рисунки. В одном из них – «У горы Шмидтихи. Норильск» – странные разрушенные сооружения, опоры с торчащими гвоздями и разбросанные по сопкам покосившиеся стойки с перекладинами и кусками колючей проволоки, словно кресты на могилах безвинно погибших людей.

Изображая советские новостройки, художник понимал, каких невероятных усилий и жертв стоит подобное индустриальное освоение полярных широт. Гудин редко встречался с коренными обитателями края, в основном он бывал в тех местах, где современная цивилизация буквально врывается в размеренную и устоявшуюся жизнь Севера. Он общается с шахтёрами, рыбаками, строителями, нефтяниками, геологами. Одних привела в эти края погоня за длинным рублём, других – северная романтика, третьих – чувство долга, но все они в экстремальных полярных условиях должны были проявлять лучшие качества человеческого характера: прямоту, честность, верность дружбе. Контакт с людьми разных профессий и жизненных позиций лишь укреплял художника в уверенности, что борьба человека с природой, его бездумное варварство и беспечность не пройдут бесследно. Отдавая должное героическому труду рабочих, часто в нечеловеческих условиях создававших экономическую мощь страны, Гудин в своих картинах изображает, как сотворённое руками человека кажется чужеродным северной природе. Неустойчивыми кажутся конструкции ферм линии электропередачи, уходящие в безбрежные дали («Высоковольтные в тундре», 1968); трубопроводы, подобно гигантским пресмыкающимся, пересекают красновато-коричневые просторы земли, высятся терриконы отработанной породы, как что-то чуждое, неестественное среди равнинного пейзажа тундры («Заполярные шахты», 1969, Свердловское областное управление культуры); дымят паровозы, строится посёлок угольного комбината, а над всем возвышаются могучие горы с заснеженными вершинами («У горы Рудной», 1969). Особое напряжение чувствуется в композиционном строе картины «Утро. Талнах» (1969, Челябинская областная картинная галерея), где сопоставляются горизонтали белых бараков и вертикали чёрно-коричневых стволов деревьев. Из печных труб подымается дым, кажется, и он застыл, обрёл плотность в этом леденящем воздухе. Чёткая планировка рабочего посёлка, однотипность невыразительных бараков с входными тамбурами, обшитыми чёрными полосами толя, чужды северному миру, мощному и величественному. В одной из лучших работ Гудина – «Тюменский север» (1969–1973) жёсткая композиция холста не кажется сухой схемой. Нить трубопровода, вертикали стальных вышек, чёрный провал озера нефти – всё это задаёт точный напряжённый ритм. На общей холодной гамме, состоящей из сложных тёмно-синих, почти чёрных, и светло-голубых оттенков, теплые отблески охристо-жёлтых построек и красно-багровый диск солнца вызывают ощущение стужи.

Есть в творчестве мастера полотна, открыто поднимающие социальные и экологические проблемы, часто замалчиваемые в те десятилетия. Резким упрёком звучит его картина «Кислотные дожди. Норильск» (1977), написанная с натуры. В холодно-зелёную гамму летнего пейзажа врываются диссонансом неестественно ржавые цвета травы и погибающих лиственниц. Гудин был свидетелем, когда отбросы металлургического комбината, подобно селевым потокам, заливали огромные просторы тундры. Над бурой массой мёртвого грунта оставались торчать, словно кости скелета, белесые безжизненные остатки деревьев.

В северных картинах Гудина семидесятых-восьмидесятых годов силы природы приходят в движение. Огромная тёмная гора, склоны которой подобны стекающей лаве, давит на небольшое пространство у подножья, где разместились люди («Бухта Угольная», 1976). Мощные развороты с медленно плывущими льдинами, клубящиеся облака создают впечатление величавого таинственного движения природы, перед которой все свершения напряжённого человеческого труда кажутся незначительными и временными («В низовьях Оби», 1980). Ещё большее напряжение звучит в холсте «Бухта Провидения. На рассвете» (1983). Неспокойный пластический и цветовой ритм переднего плана – дома, причальные постройки, стрелы портальных кранов, идущий пароход – вызывают ощущение неуравновешенности, динамики. Это состояние усиливают горы на дальнем плане, вертикально стоящие скалы, которые как-то по-особому величаво несут на себе снеговые шапки. Скрытая энергия Севера врывается в картину «Северный май» (1976), подобно надвигающемуся шторму. Обобщённые массы земли переднего плана, где

сиротливо приютилась избушка бакенщика, тёмные скалы противоположного берега, мощный сине-зелёный поток реки, грязно-белые клочья оставшегося снега, коричнево-красные проталины тундры – такова живописная пластика полотна. На фоне этой, пробуждающейся после долгого сна земли виднеются силуэты конструкций высоковольтных линий, чёрные остроконечные терриконы, корпуса комбината да заводские трубы, дым из которых сильные порывы ветра резко прибивают к земле.

Наконец, силы природы вступают в противоборство с человеком, бросившим им вызов. Мощный ледокол, прокладывающий путь каравану, изображён на картине «"Арктика" в заливе Вилькицкого» (1978, Красноярский художественный музей имени В.И.Сурикова). Знаменитый советский атомоход художник наблюдал во время перехода каравана судов по Северному морскому пути. Особо тяжёлые испытания ждали караван в заливе Вилькицкого, куда северные ветры нередко нагоняют паковый лёд. Гудин видел, как под тяжестью корпуса «Арктики» уходили на глубину большие по площади ледовые поля, а затем раздробленные на многотонные льдины с грохотом вырывались из-под корпуса и заполняли заново только что проделанный канал. Ледоколу нужно было снова и не раз возвращаться, чтобы вывести суда... Ощущение настоящей битвы сумел подметить и передать художник. Потревоженные льдины, медленно ворочаясь, громоздятся в торосы. Зелёные их изломы на фоне чёрно-синей воды и белого снега создают не только пластическое напряжение, но почти физическое ощущение скрежета и стона этих громадин. Оранжевые надстройки ледокола на его чёрном корпусе и силуэты других кораблей кажутся маленькими на фоне могучих разбуженных сил природы.

По-настоящему Гудин воспринял море, его силу, мощь и неповторимость красоты ещё в начале шестидесятых годов, во время плавания по Карскому морю. Художник испытал на себе силу морской стихии, находясь в отсеке грузового судна во время шторма. Удары волны о цельнометаллический корпус парохода уподоблялись ударам многотонной кувалды, и так продолжалось несколько суток. В иллюминатор художник увидел глубинные взбунтовавшиеся силы моря. Он вспоминал, что только в этой ситуации понял Айвазовского, любившего изображать морские бури. Но в морских пейзажах Гудина будут не романтические закаты и лунные ночи, а густые северные туманы, всполохи полярных сияний, плывущие в студёной чёрно-синей воде льдины.

Не удовлетворяясь достигнутым, художник совершенствует свою живописную систему. На картине «Уходящие корабли» (1983, Екатеринбургский музей изобразительных искусств) величавые горы на дальнем плане и обнажённые камни, покрытые кое-где скупой северной растительностью, где плавно, а где резкими уступами спускаются к морю. С усилием преодолевают корпуса кораблей сопротивление воды, густая волна упорно перекатывается следом за катерами. Ощущение упругости воды и плотности горных пород усиливают лёгкие, невесомые клубы поднимающегося из-за гор облака. Богатая по нюансировке и в то же время чёткая по своей организации тёплая гамма гор, с преобладанием жёлто-оранжевых и рыжих тонов, противостоит холодной массе воды, в которой бирюзовые всплески волн соседствуют с белыми хлопьями пены и чёрно-синими пятнами глубин. Рельефная красочность строя, нарастающая в одних местах постепенно, в других – рваными наслоениями и достигающая порой значительной толщины, соседствует с участками тонкого письма, под которым сохраняется фактура холста.

Познавая многогранность северного мира, художник стремится передать разнообразное, тонкое, а порой еле уловимое состояние природы. Она притихла в ожидании чего-то важного, что несут с собой медленно выползающие из-за дальних холмов кучевые облака («Приближение грозы. Диксон», 1982, Красноярский художественный музей имени В.И.Сурикова), захватывает мощью таинственного небесного состояния («Уэллен. Ночная гроза», 1985), где всполохи молний на горизонте рождают ощущение космических сил. Неброская внешне зелень травы, занимающая значительную часть холста («Лето. Заполярье», 1977), имеет особую притягательную насыщенность, усиленную интенсивной тональностью озера, затерявшегося в северных просторах. Это озеро, как око тундры, смотрит в небо, вбирая в себя ультрамариновую его холодность.

Не один год художник охотился за простым с первого взгляда сюжетом, он хотел передать цвет осенней листвы полярных берёзок. И когда зритель видит пожелтевшие берёзки, чьи красноватые стволы окружают одинокую лиственницу, силуэт которой чётко рисуется на голубом небе («Стойбище», 1977), он и представить себе не может, каких трудов это стоило мастеру. Гудин вспоминал, как, бывало, не успевал открыть этюдник, а северный ветер на глазах в одно мгновение уносил с берёзок всю красоту.

Для Евгения Гудина общение с Севером открыло неисчерпаемость образов и незыблемость законов жизни природы. Человек зависим от природы, и грубое нарушение её законов приводит лишь к трагическим результатам. В семидесятых-восьмидесятых годах это становится всё более понятным для общественности. Видные деятели культуры, писатели и учёные всё чаще говорят о проблемах экологии, о необходимости сохранения природной среды. Среди уральских художников, пожалуй, только Гудин на протяжении многих лет выразительно показывал сложный и противоречивый процесс освоения человеком огромных северных регионов нашей страны.

В 1975 году в Москве состоялась персональная выставка Евгения Ивановича Гудина. Во вступительной статье к каталогу выставки искусствовед В.Копылова отмечала: «Картины Евгения Гудина раскрывают многогранную противоречи-

вую связь человека с природой. И если природа выступает во всей силе и красоте, мощи и величии, то человек – во всей сосредоточенности и целеустремленности, во всём своём человеческом могуществе и бесстрашии... Страна Гудина, какой она предстаёт в его живописи, необычайна. В ней многое не совпадает с привычными для нас представлениями. И нужно преодолеть этот барьер необычности, чтобы открылось глубинное своеобразие его пейзажных образов, стала ясна их особая логика. Самое ценное в искусстве Евгения Ивановича – его заполярные картины, созданные не только талантом художника, но его мужеством и отвагой, без которых невозможны походы один на один в суровейших условиях Заполярья».

Полотна художника получили заслуженное признание, он активно участвует в многочисленных выставках, уральских и столичных, его уважают коллеги, его картины приобретают музеи. Но отношение Гудина к работе не меняется, он много пишет, и в его работах конца восьмидесятых годов всё больше звучат философские нотки. Взгляд на мир с высоты птичьего полёта определяет композицию в картинах: «Северное сияние» (1988), «Караван» (1989), «В высоких широтах» (1989) и особую эпическую сосредоточенность.

Несмотря на возраст и всё чаще болевшее сердце, он продолжает свои нелёгкие странствия, терпит мороз и зной, превозмогает лишения и неудобства походной жизни. Случались и опасные ситуации. Как-то поздней весной Гудин поднялся на гору, но поскользнулся на мокрой от растаявшего снега почве и стремительно стал съезжать вниз по крутому склону. Спасла находчивость. Выхватив финский нож, воткнул его по рукоятку в грунт и остановился. Затем, выдернув клинок, съехал с десяток метров и опять прервал движение. Таким своеобразным манером художнику удалось невредимым достичь подножия. С улыбкой Гудин рассказывал друзьям о пережитых приключениях, а те предупреждали: «Смотри, Женя, загнёшься там один...». Они волновались не зря, большинство своих путешествий художник совершал в одиночку. В отличие от большинства мастеров, отправлявшихся на Север целыми творческими бригадами, он не любил работать в компании, полушутя говорил: «Начнут керосинить, и уже будет не до работы...». К каждой поездке серьезно готовился и настраивался, будучи ещё в Свердловске, подолгу уходил в лес, привыкая к одиночеству. О том, куда и насколько едет, никому не говорил. Для него подобные путешествия становились словно паломничеством по святым местам, в них он черпал творческие и духовные силы.

Был он человеком общительным и за словом в карман не лез, но не любил богемного празднословия. Награды и похвалы не кружили ему голову, а неудачи заставляли ещё с большим напряжением продолжать работу. Земной путь его прервался вдали от дома, в очередной творческой командировке, до конца оставался он художником-странником, искателем-землепроходцем.

Человек сильный, искренний и открытый, солдат-фронтовик и неутомимый труженик, Евгений Иванович оставил потомкам полотна, в которых отражается многообразный северный мир, отражается сложное для нашего Отечества время, эпоха великих свершений и жестоких ошибок. И пусть другие художественные приёмы и стили привлекают современных мастеров, им так же важно понять, что лишь через неустанный поиск, через физический и духовный труд, став исследователем и поэтом, можно придти к своему пониманию мира и сотворить свой мир.

Створ Саяно-Шушенской ГЭС. *1968.*

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

Ирина ЛЕНЧЕНКО

г. Екатеринбург

«НАЙДИТЕ ДЕСЯТЬ ОТЛИЧИЙ»

Как-то раз моя коллега принесла показать фотографию своих детей с церемонии презентации фильма «Адмирал».

Я увидела юную нежную девушку, сидящую на стуле в наброшенной на платье кружевной «паутинке», и стоящего за её спиной очень симпатичного и мужественного молодого человека в военной форме периода Первой мировой.

При взгляде на эту фотографию у меня сразу же возникло ощущение, что я уже много раз видела её в бабушкином альбоме.

В детстве я очень любила листать бабушкин альбом: толстый, в золотисто-бежевом бархатном переплёте, с картонными страницами, на которых были прорезаны фигурные полукруглые отверстия для того, чтобы вставлять «карточки», не портя их клеем.

Фотографии казались мне интересными, прежде всего потому, что на них были люди, которых я совсем не знала, зато моя бабушка знала очень хорошо, а значит за каждой из них была какая-то история. Кроме того, несколько снимков были сделаны ещё до революции – для меня всё равно что до нашей эры. Это были фотографии бабушкиной семьи, относящиеся в основном к довоенному времени, то есть до августа 1914 года.

Моя бабушка родилась в 1911 или 1912 году, из-за разных исторических коллизий у нее было два свидетельства о рождении, и она с удовольствием пользовалась этим недосмотром ЗАГСа, по два раза отовариваясь в магазине «Юбиляр» к своим юбилейным датам в скудные восьмидесятые и начале девяностых.

Была в этом альбоме ещё одна фотография: на стуле сидит молоденькая сестра милосердия, а рядом с ней стоит юноша в военной форме, вооружённый саблей. На обороте надпись фиолетовыми чернилами: «Не забывай, Ваня, помни сестру Нюту» и дата: 28 декабря 1916 года. Девушка и юноша – сестра и брат Сергеенковы перед отправкой на фронт после отпуска.

Эти две фотографии, между которыми умещаются девяносто два года, оказались настолько похожи, что я испытала что-то вроде лёгкого «исторического шока» и подумала: «Может быть, действительно настало время рассказать о людях пред- и послереволюционного времени то, что ещё сохраняется в семейных преданиях».

СЕСТРА И БРАТ

Итак, на старинном фото – старшие сестра и брат моей бабушки, Екатерины Ивановны Сергеенко (Сергеенковой): Анна Ивановна (1894 г.р.) и Иван Иванович (1896 г.р.).

Об Иване Ивановиче осталось очень мало сведений, ведь бабушка в 1916 году была ещё очень мала. Известно только, что он окончил курс гимназии, воевал на фронтах Первой мировой войны, после отречения Государя прибился к большевикам, вступил в партию и перешёл на сторону красных. В 1921 году Иван Иванович окончил военную академию в Москве и получил назначение на дипломатическую работу в должности «полномочного представителя РСФСР в буржуазной Литве». В Литву его направили, скорее всего, потому, что по матери

**Анна Ивановна
и Иван Иванович Сергеенковы.**
1916 г. Орехово-Борисово.

он был наполовину литовцем, родился и провёл детство в Литве и свободно владел литовским языком, а также польским и немецким.

Карьера молодого дипломата складывалась прекрасно, если бы не одно трагическое обстоятельство: на какой-то из войн Иван Сергеенков заболел туберкулёзом, от чего и умер в санатории в чешских Татрах в 1922 году. Эти сведения подтверждаются документами, хранящимися в нашей семье. Бабушка очень почитала старшего брата, хотя и не помнила его, потому что Иван Иванович и после своей смерти продолжал заботиться о своих близких: благодаря его заслугам его мать, моя прабабушка, получала пенсию, а младшая сестра, моя бабушка, получила в 1936 году жильё – отличную большую комнату в новом шестиэтажном доме в самом центре города. В этой комнате бабушка жила до 1969 года, вырастила детей и успела повозиться с внуками.

Я помню, что у бабушки в шкатулке хранился Георгиевский крест Ивана Ивановича, но куда он делся после переезда, я не знаю.

Намного больше известно об Анне Ивановне. Окончив гимназию, юная Анюта в 1914 году поступила на курсы сестёр милосердия. Патриотически настроенная молодёжь стремилась на фронт, и Анна Ивановна не была исключением. Зимой 1916 года Анюта и Ваня приезжали домой в Орехово-Борисово, а перед отправкой на фронт сфотографировались вдвоём, на память, в фотоателье Половцова. Наверное, они думали: «Бог весть, суждено ли нам вернуться, так пусть останется родным эта карточка». Именно эта фотография и дожила до наших дней в бабушкином альбоме.

После революции Анна Ивановна оказалась в стане белых, но не по «идейной», а по чисто семейной причине. Дело в том, что во время войны Анна Ивановна вышла замуж за вдового полковника Николая Ильича Никольского. Семейное предание не сохранило сведений о роде войск, в которых служил муж тёти Ани, но известно, что у него был маленький сын Миша, которого тётя Аня вырастила в эмиграции.

СУДЬБА АННЫ ИВАНОВНЫ

Гражданскую войну белые проиграли, и путь Николая Ильича был путём многих сотен тысяч русских людей – вынужденная эмиграция и жизнь на чужбине. Молодая жена следовала за мужем во всех испытаниях. Во Франции к русским изгнанникам относились плохо, всячески притесняли, работы не было. Никольские уехали в Чехию, потому что чехи отнеслись к русским беженцам как к братьям-славянам благодаря тогдашнему президенту Масарику. Тётя Аня поступила на медицинский факультет Карлова университета в Праге и окончила его с дипломом врача-стоматолога. Николай Ильич, как и все бывшие военные, приобрёл гражданскую специальность, но не мог рассчитывать ни на хорошую должность, ни на интересную карьеру: есть работа – и слава Богу! В общем, потихоньку жизнь налаживалась. У бабушки сохранилась фотография тёти Ани в конце двадцатых годов: молодая красивая дама в модном кружевном платье на шёлковом чехле, в шёлковых чулках и лакированных лодочках, с целой гирляндой цветов и каким-то необыкновенным футляром в руке. В футляре находился её диплом, а сам снимок сделан в день вручения дипломов в Карловом университете. Так тётя Аня стала «пани докторка Никольская», открыла частную практику и много лет при всех режимах успешно лечила зубы всем, кто в этом нуждался.

Мне так нравилась эта фотография, что я извлекла её из альбома, вставила в рамку и поместила на книжную полку – так она до сих пор и стоит в книжном шкафу. В жизни тётя Аня всегда была очень модная, элегантная, весёлая, любила красиво одеваться, обожала украшения, шляпки, перчатки, сумочки и хорошую обувь. Бабушка говорила, что тётя Аня чуть ли не до последних дней носила корсет, – поэтому даже в старости у неё на всех фотографиях прямая спина. В детстве я мечтала хоть немного походить на тётю Аню, быть такой же красивой.

Сёстры узнали о судьбе Анны Ивановны уже после смерти Сталина, при Хрущёве, и между ними возобновилась переписка, – а до этого они не знали даже, жива ли

Анна Ивановна Никольская.
Конец 20-х г. XX в. Прага.

Екатерина Ивановна Сергеенко. *1961 г. Прага.*

она, да и не то время было, чтобы разыскивать родственников за границей. В 1958 году Анна Ивановна приезжала в Свердловск, о чём сохранились фотографии, снятые моим отцом: бабушка, тётя Аня, моя мама и я, пятимесячный младенец у мамы на руках, на фоне ротонды (тогда ещё с крышей-куполом) в парке Дворца пионеров. Конечно, рассуждая логически, я не могу помнить Анну Ивановну, однако до сих пор я чувствую её как очень близкого, родного человека. Это всё потому, что благодаря тёте Ане у меня в детстве была своя Страна Чудес.

СТРАНА ЧУДЕС

Ещё маленькой девочкой я смутно догадывалась, что существует какая-то другая жизнь, не совсем такая, как у нас в Свердловске. Время от времени мы получали весточки из этой, непохожей на нашу, жизни. Это были письма, открытки и посылочки, приходившие из Чехословакии от тёти Ани. Я до сих пор помню её милые подарочки: крошечных прелестных куколок, хорошенькие детские сумочки и перчатки и невиданную диковину – детские колготки, которых в начале шестидесятых в Советском Союзе просто не было. Мама рассказывала мне, что ей постоянно делали замечания в детском саду за то, что она надевала на меня эту неподобающую одежду, «вредную для маленького ребёнка».

Мама обычно отпаривала от конвертов красивые чешские марки, и они отправлялись в кляссер, открытки хранились в альбоме. На них были невиданные причудливые часы на Староместской башне, Карлов Мост, сокровища крестоносцев, огромные глобусы и старинные фолианты в библиотеке Страгова монастыря. Далёкая Чехия (тогда Чехословакия) вдруг стала частью моего детского мира. В доме появились красивые книжки издательства «Артия», сказки Карела Чапека, трогательные рассказы для детей Витезслава Незвала и мои любимые «Крот и ракета» Зденека Миллера и «Чешские сказания» Алоиса Ирасека с волшебными иллюстрациями Иржи Трнки. Все эти незабываемые истории из Страны Чудес моего детства всё ещё живут в нашем доме и всё так же нежно любимы. Самым же главным свидетельством о реальном существовании Страны Чудес были бабушкины рассказы на тему «Как я была у Ани в Праге».

СЁСТРЫ

Это были удивительные, захватывающие истории о невиданном, необычайно прекрасном городе Злата Прага, его садах, соборах, галереях, музеях и роскошном театре, о поездках в Карловы Вары и Марианске Лазни, куда тётю Аню каждое лето приглашали поработать, полечить курортникам зубки, потому что очень ценили её как хорошего врача. Больше всего я любила слушать две истории: «Как мы с Аней ездили в Марианске Лазни и там ходили в бани» и «Как мы с Аней ходили в Праге по гостям». Бабушка рассказывала эти истории неоднократно, поэтому я их довольно хорошо запомнила.

Марианске Лазни – это бывший австрийский спа-курорт Мариенсбад, и рассказ о посещении тамошних бань, описания невероятных роскошных залов, парилен, бассейнов и, самое главное, «комнаты красоты» просто захватывал дух и звучал так же фантастически, как звучал бы рассказ о посещении древнеримских терм. По сравнению с нашими скромными, хотя и уютными банями на Куйбышева, эти дворцы казались уцелевшим осколком античного комфорта. Думаю, что и теперь они производят не менее ошеломляющее впечатление и доставляют посетителям такое же удовольствие, давая возможность отдохнуть, что называется, и душой, и телом.

Истории про хождения по гостям требуют некоторых пояснений. Дело в том, что если для самой тёти Ани моя бабушка была просто младшей сестрой, заново обретённым родным человеком и живой связующей нитью с утерянной родиной, – то для очень многих её друзей и знакомых гостья из Советского Союза являлась прежде всего представителем советской власти, которую они не слишком жаловали. Бабушка говорила, что время от времени ей давали это понять, отпуская какие-нибудь ядовитые реплики по поводу жизни в СССР. Тётя Аня искренне переживала чужую бестактность, а бабушка старалась не обращать внимания ни на какие выпады, но признавалась, что порой эмигрантские «подколы» действовали ей на нервы. Нужно сказать, что бабушка приехала к тёте Ане, хорошо подготовившись. Во-первых, она везла из Советского Союза много хороших вещей, которые в то время были либо очень дороги в Чехословакии, либо имелись в наличии только в России. Например, хороший радиоприёмник, электроутюг и электрочайник, часы, кофе в зёрнах, шоколад, водку, икру и крабов, качественную шерстяную материю и много пар наимоднейших, тончайших, дивных капроновых чулок разных оттенков и фасонов,

которые тётя Аня любила всей душой. Во-вторых, перед поездкой бабушка ещё и основательно приоделась: не могла же она ударить в грязь лицом – «предстать перед Аней какой-то обдергайкой»! Правда, потом она долго раздавала долги, но – держись, Европа! – чести русских красавиц не посрамила.

Особенное удовольствие бабушка испытывала, когда к ней подкатывал какой-нибудь «буржуй» и, произнеся дежурный комплимент, ехидно спрашивал, намекая на происхождение бабушкиных нарядов: «Это НАШЕ или ВАШЕ?» «Это НАШЕ», – невозмутимо отвечала она и приветливо улыбалась. Но однажды произошло нечто такое, что просто вывело бабушку из себя. На какой-то вечеринке некий бывший белый офицер за столом подал ей большой фужер, почти доверху наполненный водкой. Бабушка была шокирована такой наглостью, но подумала, что он, должно быть, уже успел принять на грудь и поэтому так странно шутит. Она вежливо ответила: «Благодарю Вас, но я водку не люблю и поэтому не пью». «Не пьёте? Странно! Вы ведь приехали из Советского Союза, а там русские женщины водку стаканами хлещут!». Все гости уставились на бабушку, ожидая её реакции. Конечно, она была крайне возмущена и оскорблена этой безобразной выходкой. К тому же ещё свежи были в памяти все тяготы жизни в военном холодном и голодном Свердловске, и бабушка сильно обиделась и ответила, отбросив дипломатию: «Пока вы тут во время войны отсиживались и пиво попивали, русские женщины в России тащили на себе весь тыл, растили детей, а иные воевали и погибли. Так что если какая-нибудь русская женщина и позволила себе выпить лишнего, Бог ей простит». Нависла долгая пауза. «Ну всё, теперь Аню заключают из-за меня», – подумала бабушка, однако инцидент завершился иначе. Через мгновение кто-то из мужчин воскликнул: «За русских женщин, господа!», офицер от всей души признал свою неправоту и извинился, лёд был сломан. После этого случая сёстры стали очень популярны, их все приглашали в гости, все хотели видеть. «Мы уже устали по гостям ходить, да делать нечего – все оказались очень хорошие, гостеприимные, душевные люди, не хотелось никого обижать!». Дальнейшие впечатления от общения были самые приятные. Словом, программа была насыщенная.

Бабушка, привыкшая всю жизнь вкалывать, между делом перемыла, перестирала и перечистила в Аниной квартире всё что можно, чтобы не устать от отдыха. Когда подошло время отъезда, она с хорошими воспоминаниями и подарками для всей семьи отправилась на поезде через пол-Европы и пол-России в свой Свердловск, потому что «в гостях хорошо, а дома лучше». Благодаря бабушкиным рассказам я полюбила тётю Аню, её друзей и удивительную страну Чехию, к которой я неизменно питаю самые нежные и тёплые чувства. Потом сёстры вместе ездили в Ленинград, переписывались, обменивались посылками. Мы получали из Праги милые, красивые вещицы, необычные конфеты, разные модные аксессуары, которых у нас было не найти днём с огнём, а бабушка посылала тёте Ане её любимые кофе в зёрнах, шоколад и самые лучшие чулки. Всё это, как она писала, «доставляло большую радость». К счастью, сохранились письма тёти Ани, по которым тоже можно представить себе, какая она была: жизнерадостная, жизнелюбивая, общительная, щедрая и неунывающая, всегда стремящаяся приносить пользу людям.

Анна Ивановна скоропостижно умерла двадцатого декабря 1967 года. В тот день она отправилась по магазинам за рождественскими подарками. Внезапно ей стало дурно, она упала. «Скорая» определила, что тётя Аня умерла мгновенно от остановки сердца. Она похоронена на Ольшанском русском кладбище недалеко от церкви. Екатерина Ивановна пережила старшую сестру на тридцать один год и умерла дома ранним утром двадцать восьмого мая 1998 года. В ночь её ухода под окнами её квартиры расцвели посаженные ею ирисы. Вместе с сёстрами словно бы ушли две России: дореволюционная империя, в которой выросла тётя Аня, её «потерянный рай», и советская Россия, свидетелем рождения, расцвета и заката которой была моя бабушка.

Что же касается Юли и Максима, сестры и брата с современной фотографии, то у них своя, нынешняя Россия, и, что самое главное, у них теперь есть воссоединённая история, единая историческая память и право помнить всё.

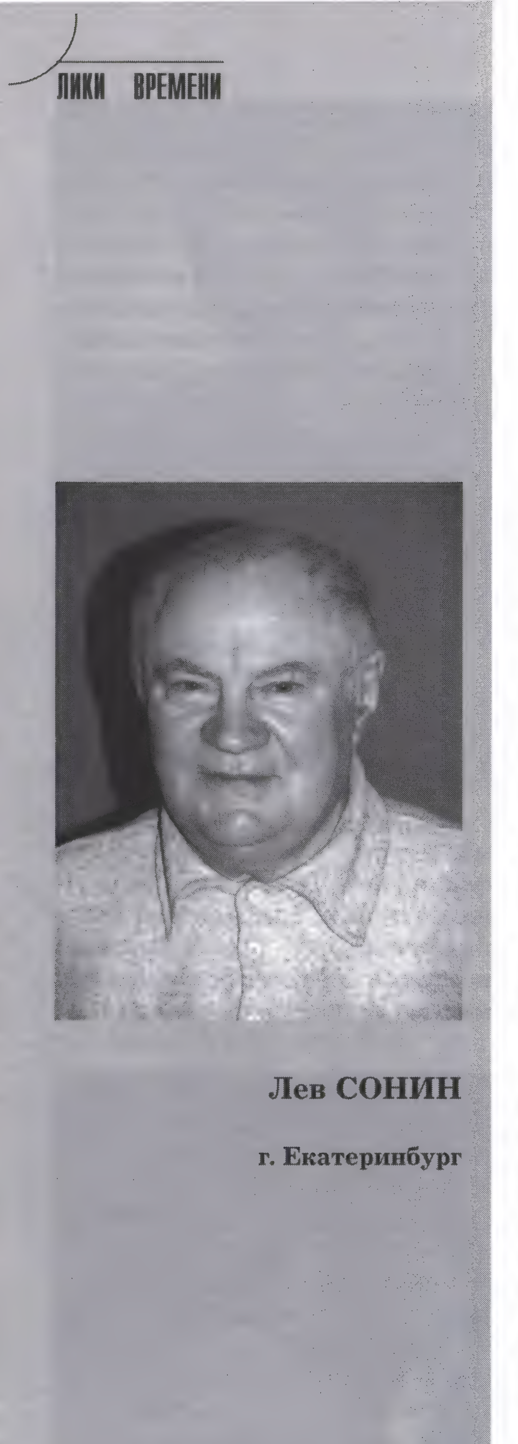

Сёстры Анна Ивановна и Екатерина Ивановна.
1961 г. Прага.

РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

От начала XVII до середины XIX века

К заседанию Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в Екатеринбурге.

Лев СОНИН

г. Екатеринбург

Русские люди давно прослышали о китайском царстве, сказочных его богатствах, пытались разведать пути к ним. Вспомним хотя бы дерзкий вояж в 1466–1472 годах купца Афанасия Никитина. В 1608 году Индией озаботились власти. По указу царя Василия Шуйского отряд томских казаков отправился во владения монголов на поиски «Алтын-царя мугальского», а заодно китайского государства. Встретив отпор недружественных ойратских* племён, казаки повернули обратно. В донесении царю (март 1609 года) томский воевода Волынский сообщал о том, что узнали казаки о Китае. Что до него от Алтына-царя три месяца ходу, что живёт китайской государь в каменном городе, где дворы похожи на русские, а палаты на дворах каменные. Что китайский царь и побогаче монгольского, и люди его сильнее. Какая вера у Китая, не знают, крестов на их храмах нет, но храмы прекрасны. Сообщил Волынский и то, что со многими землями Китай торг ведёт...

Но тут в России случилась великая смута, её властям стало не до далёких рубежей. Только казаки, появившиеся в Сибири после Ермака, продолжали торить дорогу в ту сторону. Они энергично продвигались от Урала к Тихому океану, по пути основывали города и активно осваивали (и присваивали) окружающие земли. Старшина Поярков из Якутска в поисках серебряных руд первым по Амуру дошёл до океана около 1644 года. Ранее казаки из Якутска решили прогуляться за пушниной. Переправились через Байкал, поднялись по Селенге, очутились на Шилке и Аргуни, потом и на Амуре. Здесь им и довелось встретиться с маньчжурами. Встреча была далеко не мирной. Так появилась необходимость установить лад с Китаем.

В мае 1618 г. из Томска выехал отряд казаков во главе с Иваном Петлиным, имевшим от томского воеводы предписание добраться до китайских земель и установить связи с тамошним правителем. Петлин в «Росписи» о своей поездке в Китай подробно описывает увиденное там. Первым из русских упоминает о Великой Китайской стене: «Стена ведена кирпишная, и мы сочли по рубежной стене башен со 100, а всего башням, сказывают, числа нет... А сквозь ту стену рубежа пятеры ворота, ниски и уски, на коне наклоняся проедешь...». О первом же встретившемся им городе Сюаньфу Петлин сообщает: «Город каменной, высок и велик: кругом, сказывают, езду день. А башен на нем 12, а на башнях по окнам пушки и по воротям, и мелково оружия по воротам много. А ворота широки и высоки, а затворы у ворот железные, часто гвоздием убито, и пушки в воротях стоят, и ядер пушешных каменных много...». В Пекине Иван Петлин и его люди пробыли только четыре дня, а потом их отправили восвояси, снабдив грамотой от императора, разрешавшей русским людям впредь приходить в Китай с посольством и для торговли.

Интерес к Китаю усилился по прибытии в Москву бухарских купцов, привезших на торги множество привлекательных товаров из этой страны. Бухарцы рассказывали про огромную пустыню на

---

* Ойраты – монголы, говорящие на одном из западных диалектов монгольского языка.

западных границах китайского государства, где «люди не ездят, занеже в оной пустыне множество змей, которые многих людей и скотов заедают до смерти».

Началом близкого соседства русских с Китаем считается середина XVII века. В это время в Китае шли объединительные войны, в итоге в стране воцарилась маньчжурская династия Цин. Тогда же началось и освоение русскими приграничной с Китаем зоны. В 1647 году Ерофей Марков из Великого Устюга высадился с отрядом из 150 человек на Амуре, построил на его берегах несколько острогов. О том отправил царю Алексею Михайловичу донесение. К нему он приложил 140 соболей и множество лисиц. Государь в ответ подарил Ерофею Павловичу 300 золотых медалей и послал для обороны захваченного тем края 3000 стрельцов во главе с князем Лобановым и Зиновьевым.

С этого времени ведётся отсчет и приграничным стычкам русских и китайцев. В 1649–1651 годах казаки Хабарова, продвигаясь по Амуру, подчиняли местные племена, основывали новые города, в их числе Албазин. Правители маньчжурского государства не могли стерпеть появления русских в землях, жители которых издавна платили маньчжурам дань. Маньчжурские войска попытались выбить русских казаков из амурских острогов, но успеха не добились. Острогов с казаками только добавлялось. В 1653 году был, к примеру, заложен Нерчинский.

Однако в планы русского правительства не входило осложнение отношений с Китаем. В связи с этим Московское правительство попыталось урегулировать отношения с дальним соседом. В 1653 году царь отрядил в Бейпин посольство с грамотой богдыхану. В ней, в частности, русский царь предлагал завести с Китаем беспошлинную торговлю. Кроме официального послания, Байков получил в Москве и предписание строго блюсти свое российское достоинство, а также выяснить, какие пути ведут в Китай, какие растут там растения и плоды, как поставлено там военное дело и нет ли там какой-нибудь междоусобной войны. Посольство 25 июня 1654 года выступило из Тобольска с отрядом сопровождения. Почти год понадобился им, чтобы добраться до Китая. Ещё несколько месяцев прошло в ожидании согласия китайских властей принять посольство. Наконец, Байков и его люди вошли в Бейпин. Там их разместили на посольском подворье, запретив самовольно покидать его. Осторожность китайцев была основана на неопределённости миссии Байкова. За год до его приезда здесь побывал другой посланник из России, Ярышкин, посланный тобольским воеводой. Того отправили без каких-либо официальных верительных грамот. Ярышкин совершил обряд поклонения императору, который, по китайскому придворному ритуалу, исполнял «иностранный данник» богдыхана. А когда Ярышкин покидал Бейпин, ему вручили грамоту русскому царю, в которой маньчжурский владыка (тогда в Китае власть захватила маньчжурская династия Цин) требовал от царя Алексея Михайловича «навечно быть преданным и послушным в благодарность за милость и любовь, выказанную вам». Китайские власти допытывались у Байкова, нет ли связи между его посольством и действиями русских казаков в Приамурье. Стычки на границе продолжались. В то время казачьи гарнизоны, хотя ещё не было постоянных пограничных постов, располагались в острогах по всей линии спорных приамурских территорий. Численность их гарнизонов колебалась от 1055 до 1200 человек. Казаки захватывали новые земли, маньчжуры в ответ усиливали войска на северной границе своей страны.

Сложности во взаимоотношениях двух держав возникли ещё и из-за взаимного непонимания. Ярышкин, прибывший от Нерчинского воеводы, повёл себя данником китайского владыки. В 1670 году нерчинский же казачий десятник Игнатий Милованов, тоже посланный с посольской миссией, предлагал богдыхану протекторат русского царя. Мол, в этом случае русский царь «учнёт богдохана жаловать и держать в своём царьском милостивом призрение и от недругов ево в оборони и в защищении...». Вряд ли китайский император понял, что хочет он него далёкий северный владыка. Но он принял русских посланцев доброжелательно, и вернулись они из Китая с грамотой, в которой русскому царю предлагалось установить мир в пограничных областях, чтобы казаки «впредь бы наших украинных земель людей не воевали и худа б никакого не чинили. А что на этом слове положено, станем жить в миру и в радосте». Но и в Москве долго толком не понимали, чего от них ждут китайские власти. Что было сказано в китайской грамоте, врученной в Китае Петлину, не было в столице известно вплоть до 1675 года, когда в Пекин из Москвы был отправлен послом переводчик Спафарий. Ему при отъезде для перевода на латинский язык была вручена грамота, привезённая Петлиным вместе с другой непереведённой грамотой из Китая, датированной 1649 годом. Спафарий, кроме установления регулярных дипломатических и торговых отношений с Циньской империей, должен был определиться с поиском наиболее удобных путей в Китай для посольств и торговых караванов. Весной 1676 года русское посольство прибыло в Бейпин. Императором Китая был тогда Кан Си из Циньской династии (1654–1722), мужественный воин и тонкий дипломат. Время для посольства было выбрано не слишком удачно. Кан Си ранее решил изгнать русских с левого берега Амура. Его войска в 1683 г. осаждали и разрушали крепость Албазин. Спафарию пришлось выдержать угрозы китайцев «собирати войско, сколько мочно великое и итить под Нерчинской и под Албазинской остроги и их до основания разорить». На что Спафарий отвечал: «...Мы войною не хвалимся, а и бою не боимся же..., как будет надобно, есть у великого государя великое множество рати, что в год мочно наполнитца всему Амуру». Переговоры длились почти 5 месяцев. На все предложения русских об установлении нормаль-

ных политических и торговых связей циньское правительство ответило отказом.

Ситуация с осадой русских острогов повторилась и в 1689 году. Нерчинск был блокирован маньчжурской армией и флотилией общей численностью 17 тысяч человек, оснащённых артиллерией. У русских насчитывалось всего лишь 1,5 тысячи казаков без достаточного количества боеприпасов и продовольствия. В осаде вновь находился и Албазин, тогда главный опорный пункт русских в Приамурье. Над гарнизонами русских острогов нависла реальная угроза уничтожения. Но правительству царевны Софьи не нужна была тогда война с Китаем. Россия уже воевала в Причерноморье и под Азовом, и сил для войны на два фронта у нее не было. В Китай отправилось русское посольство во главе с Головиным. Переговоры состоялись 12–29 августа 1689 года у стен Нерчинского острога в очень неблагоприятных для русских обстоятельствах. Посольство, как и гарнизон, были на краю гибели. В результате послом Головиным в 1689 г. был подписан не очень выгодный для России Нерчинский договор. Кстати, первый договор Китая с европейской державой. Стороны договорились о границе между их государствами. Она устанавливалась по реке Аргуни, далее по реке Горбице, от её верховьев – по Становому хребту и далее по Амуру. Русское правительство пошло на большие уступки, оставило обширную территорию Албазинского воеводства на правом берегу Амура. Албазин подлежал сносу, его жители переселились в Нерчинск. Аргунский острог весной 1690 года был перенесён на северо-западный берег Аргуни, на 2 версты ниже старого места. В ответ китайцы дали устное «клятвенное обязательство» не заселять «албазинские земли». Хотя статьи Нерчинского договора были составлены слишком общо, не очень чётко регулировали пограничные отношения государств, договор вообще был невыгоден для России, тем не менее, в продолжение 70 лет он являлся основой довольно тесных дипломатических и весьма интенсивных торговых связей России с Китаем. Они положили начало регулярному обмену письмами между нерчинскими воеводами и циньскими властями, способствовали созданию благоприятных условий для торговли. В 1690 году, а затем в 1693-м в Китай направлялись дипломатические миссии Лоншакова и Идеса. Однако следует отметить, что тогда русские дипломатические и торговые поездки в Китай носили односторонний характер. Они не вызывали ответных визитов китайцев в Москву.

(Отметим в скобках. В Китае при Кан Си существенную роль играли христианские миссионеры. Они использовались на китайской государственной службе переводчиками, политическими и военными советниками, врачами, учёными, механиками и тому подобное. Во время русско-китайских переговоров в Нерчинске важную роль советников и переводчиков сыграли иезуиты Жербильон и Перейра. Миссионеры Адам Шаль и Вербист помогли вооружить китайскую армию новыми пушками... Французским миссионерам, вылечившим императора от малярии хинином, впервые в истории Китая было разрешено выстроить свой храм в пределах «запретного города»...)

Важную роль в последующих связях России с Китаем сыграл тот факт, что после захвата и разорения Албазина китайские войска, покидая эту землю, увели с собой остаток гарнизона – 45 русских казаков. С ними ушёл и гарнизонный священник, отец Димитрий. Русские солдаты стали гвардией богдыхана, а отец Димитрий – их пастырем... С годами священник одряхлел, и Кан Си по просьбе его прихожан разрешил произвести смену православного пастыря. Об этом шли переговоры богдыхана и Петра Первого. Кан Си поставил условием смены прибытие доктора по наружным болезням, а по настоянию Петра I в Бэйпине в 1715 г. были построены православный храм и подворье, учреждена русская духовная миссия. Сначала было определено, что миссия будет сменяться каждые 20 лет, потом – через 10 (теперь – по мере необходимости).

В 1720 г. Пётр I направил в Бэйпин для заключения договора посольство Измайлова. Посол был милостиво принят самим императором Кан Си, который просил Измайлова передать своему государю, «чтобы он берёг себя и не слишком доверялся морю, и что нет причин для какого-либо неудовольствия между Китаем и Россией». Но торговый договор заключён не был, в частности потому, что русские предоставляли убежище монголам антикитайской ориентации, бежавшим из страны, приняли в России джунгарского князя, с которым Китай вёл войну, и медлили с размежеванием русско-китайских земель.

При прощальной аудиенции богдыхан сказал Измайлову: «Дружбы нашей ничто не может поколебать. Да и за что нам ссориться. Российское царство и дальнее, и холодное. Если бы я послал туда своё войско, оно всё бы замёрзло. Если российский государь отправит свою армию в Китай, то по непривычке к жаркому климату люди могут понапрасну погибнуть. А хотя бы и удалось чем-либо друг от друга поживиться, то какая может быть от того польза при таком множестве земель в обоих государствах». Отправленный позднее Екатериной Первой послом в Китай граф Владиславич-Рагузинский добился от преемника Кан Си постройки в Бейпине православной церкви (на китайские деньги) и определил состав притча русской духовной миссии – 4 священника и 6 послушников...

Настоящее потепление русско-китайских отношений наступило с заключением Буринского договора 20 августа 1727 года, в районе реки Буры, в 20 верстах от Кяхты, после долгих переговоров царского посланника графа Владиславича-Рагузинского с китайской стороной. По условиям договора граница между Россией и Китаем проводилась по принципу «северная сторона Российскому империю да будет. А полуденная сторона Срединному империю да будет». Буринским договором впервые предус-

матривалось описание прохождения линии границы между Россией и Китаем. Вдоль всей пограничной линии было установлено 87 маяков – земляных или каменных насыпей конической формы, причем 63 маяка разместились восточнее Кяхты. Протяженность забайкальской границы составляла 2000 верст. Граф Владиславич-Рагузинский летом 1727 г. в торжественной обстановке, в присутствии представителей обеих сторон положил первый камень при закладке торговой слободы Кяхты. Недалеко от неё по ту сторону границы маньчжуры, монголы и китайцы основали свою торговую слободу, которая впоследствии стала называться Маймачен. Уже в августе следующего года в Кяхте открылась торговля. Кяхта с этого времени стала одним из самых крупных центров русско-китайско-монгольской торговли в XVIII–XIX веках, продолжившем устоявшиеся за долгие годы традиции приграничной мелкой розничной торговли русского забайкальского населения с монголами, китайцами и бурятами. Китайцы привозили на торг ткани (даба, китайка, шёлк), полушелковицу, буду, рис, табак, леденец (жёлтый сахар), пряники, стеклянные бусы, кольца, ганзы (медные курительные трубки), кирпичный чай и другие товары. Русские казаки из соседних караулов привозили свои товары: платки, русские материи, кожи, овчины, мерлушки, серебряные деньги. Мелкая розничная торговля на забайкальской границе официально была разрешена. Понимая её необходимость, граф Владиславич-Рагузинский подчёркивал, что сибирские пограничные жители живут за счёт этой торговли, поэтому её нельзя ограничивать. Но русское кяхтинское начальство, поддаваясь влиянию местных купцов, опасавшихся конкуренции мелких торговцев, то и дело её ограничивало, чинило разного рода препоны. Поэтому и с русской стороны, и с китайской активно действовали контрабандисты, сновавшие по обе стороны границы. Нелегальная торговля здесь процветала, только за счёт её жители Забайкалья, особенно близ Кяхты, удовлетворяли свои потребности в чае и хлопчатобумажных изделиях. Разгул приграничной нелегальной торговли явился одной из причин начавшегося в середине XIX века застоя кяхтинской официальной торговли. С другой стороны, к этому привела и мощная конкуренция российской торговле со стороны Англии и США. Известный путешественник и публицист Неболсин предупреждал, что Англии, «располагающей миллионными капиталами и неистощимыми механическими силами, не трудно будет вытеснить наши бумажные изделия из Китая... Кроме Великобритании, в новейшее время Соединённые Штаты значительно умножили сбыт своих бумажных изделий в Кантоне. Таким образом, нельзя не опасаться, что со временем отпуск наших бумажных товаров через Кяхту может потерпеть ощутительный ущерб».

На рубеже XVIII и XIX веков, после закрытия маньчжурским правительством северо-западных границ Китая для русских купцов сократились и ранее оживлённые торговые связи России с Западным Китаем (провинцией Синьцзян). Теперь товары из России могли проникать туда лишь при посредничестве среднеазиатских торговцев.

Русское правительство долгое время безуспешно пыталось вновь открыть границу для нормального товарообмена между двумя державами, в частности отправив в Китай в 1805 году посланника Головкина, а в 1811 году командировав переводчика Путинцева на пограничную реку Или...

Но вскоре русско-китайские отношения резко изменились. Первая половина XIX века ознаменовалась активным стремлением Англии, а вслед за ней и других держав шире использовать Китай в качестве рынка сбыта для своих товаров. В 1834 году лорд Нэпир заявил: «Купцы Великобритании желают торговать со всем Китаем. Они не успокоятся до тех пор, пока не добьются своей цели». И действительно, английская торговля промышленными товарами, и особенно её контрабандная торговля опиумом в Китае (ввоз опиума возрос с 2 тыс. ящиков в 1800 г. до 39 тыс. ящиков в 1837-м), быстро росла, приводя к катастрофическому отливу серебра из Китая. Китай пытался противодействовать торговой экспансии Англии. Он неоднократно подтверждал запрещение ввозить опиум, ограничивал иностранную торговлю одним лишь Кантоном. 18 марта 1839 года специальный китайский «опиумный комиссар» принудил всех иностранных купцов в Кантоне сдать наличный опиум (20 283 ящика) и полностью уничтожил его.

Англию категорически не устраивало любое стеснение в её торговых делах, и её правительство использовало этот инцидент как повод к войне. В 1839 году англичане начали блокаду и бомбардировку Кантона. Военные действия, известные впоследствии как первая англо-китайская опиумная война, с некоторыми перерывами длились почти три года. В августе 1842 года английская эскадра прибыла к Нанкину, где в результате непродолжительных переговоров был подписан Нанкинский договор. По этому договору Китай теперь обязался открыть для английской торговли уже пять портов: Амой, Фучжоу, Нинбо, Шанхай и Кантон (статья 2), в которых англичане получали право учредить свои консульства. Кроме того, Китай передавал Великобритании в вечное владение остров Гонконг, вдобавок обязался уплатить Англии 21 миллион долларов в качестве возмещения её военных расходов и за сожжённый опиум.

После открытия нескольких китайских портов европейцам и русское правительство решило добиваться расширения русской торговли с Китаем. По многим свидетельствам, правительство Николая Первого всеми способами помогало торговым предприятиям нашего купечества, всячески поддерживало стремление русских негоциантов к завоеванию новых рынков. Потому не могло не воспользоваться удобным случаем. Ослабевшая в борьбе с Англией «Небесная империя» вынуждена была пойти на

уступки и разрешить России открыть на сухопутной границе новые пункты для взаимной торговли. Вопрос, где и как это сделать удобнее, определился быстро. Ведь подобные места взаимной торговли давно уже существуют на границе Китая с русскими владениями в Средней Азии, в Чугучаке и Кульдже.

Несколько заседаний по возобновлению русской торговли с Китаем провели в Министерстве финансов и в Министерстве иностранных дел. Постепенно улучшались условия проезда русских купцов в Синьцзян. Для уточнения ситуации на месте в 1845 году северную часть Синьцзяна, Кульджинский край, посетил под видом купца сотрудник Министерства иностранных дел Любимов. Он убедился не только в целесообразности, но и большой экономической и политической выгоде развития торговых отношений с Синьцзяном.

Русское правительство отправило на границу с Синьцзяном, в Кульджу полковника Егора Петровича Ковалевского с поручением провести переговоры о заключении торгового соглашения. При этом добиться пересмотра бывших ранее торговых пошлин, неравноправных по отношению к русским товарам.

В 1851 г. Ковалевским, с одной стороны, и китайскими сановниками И Шанем и Бу Яньтаем – с другой, был подписан Кульджинский трактат. Этот договор предусматривал открытие в городах Синьцзяна – Или (Кульджа) и Тарбагатае (Чугучак) русских консульств и факторий и охрану их казаками. Под консульства отводились даром удобные места. Другими статьями договора через эти фактории вводилась беспошлинная меновая торговля, устанавливалась непосредственная связь между Россией и Китаем через губернаторство Западной Сибири и Илийское главное управление.

Русское правительство предоставило льготы русским и восточным купцам, торговавшим с Синьцзяном. В частности, им гарантировалась восьмимесячная отсрочка в выплате пошлин при перевозке товаров через границы России. Согласно Кульджинскому трактату, в города Синьцзяна были направлены русские консулы Захаров и Татаринов, владевшие китайским языком.

«Правила для торговли с Западным Китаем», подписанные министром иностранных дел Нессельроде и утверждённые 5 февраля 1852 года царём, воспрещали вывоз в Синьцзян золота, серебра и кредитных билетов, огнестрельного оружия и пороха. Специальная статья налагала категорический запрет на ввоз в Китай опиума. Последнее обстоятельство следует особо подчеркнуть, ибо именно в эти годы Англия и Франция развязали против китайского народа вторую «опиумную» войну.

Русское правительство же в этот период добивалось своих целей без применения силы. Первая статья трактата подчёркивала стремление обоих государств к дальнейшему развитию «взаимной дружбы двух держав». Показательна в этом отношении «Инструкция» Министерства иностранных дел России своему консулу в Синьцзяне, утверждённая 19 февраля 1852 года. Она обязывала его и всех русских консулов «делать приезжающим в Западный Китай для торговли русским подданным постоянное внушение, чтобы они, находясь в чужой земле, вели себя сколько возможно благоприличнее»...

Кульджинский трактат способствовал оживлению и расширению экономических связей между Россией и Синьцзяном. После заключения этого договора резко возрос вывоз русских товаров в Синьцзян. Товарооборот вырос с 39 тысяч рублей в 1850 году до 241 тысячи в 1854-м. Экспортировались главным образом хлопчатобумажные и шерстяные ткани, листовая медь, железо, металлические и кожевенные изделия. Из Синьцзяна в Россию вывозились различные сорта чая, даба.

Эта книга написана историком, внимательным исследователем деятельности уральских горщиков, гранильщиков, горных инженеров, промышленников, занятых освоением самоцветного богатства Урала. В ней читатель найдёт не отстранённое изложение фактов, не хладнокровный анализ документов, хотя это, на первый взгляд, и составляет главную ее ценность. Автор, а вместе с ним и читатель, становятся соучастниками давних и недавних событий, вместе совершают путешествие длиной в три века, в том числе посещают Урал в период славы и расцвета, когда красота уральских самоцветов покоряла Старый и Новый свет.

Книга написана столь живо и выразительно, что занимает ум, и волнует сердце читателя. Заинтересованность автора не исключает объективности. Необыкновенная лёгкость и своеобразие авторского стиля изложения сочетается с глубиной проникновения в исторический, социально-экономический контексты.

Автор последовательно и содержательно восстанавливает трехвековую историю самоцветного дела на Урале с начала XVIII столетия до наших дней.

Книга А.В.Дмитриева необходима специалистам – геологу, горному инженеру, экономисту, историку, полезна студенту, понятна учителю, впрочем, интересна всем, кто связан с Каменным поясом мыслью и сердцем.

Э.Ф.Емлин, профессор,
Ю.А.Поленов, профессор.

СИМВОЛЫ И ЭМБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕРВОУРАЛЬСКА

Нина АКИФЬЕВА

к.и.н., доцент УГТУ-УПИ, г. Первоуральск

Иллюстрации – на 4 странице обложки

Принято считать, что первые «правильные» гербы в России появились при царе Алексее Михайловиче. Тогда же был опубликован и первый русский гербовник – «Титулярник». В нём значился полный государев титул в сопровождении 33 миниатюр в виде гербов царств, княжеств и земель. Основой для их создания стали старинные территориальные эмблемы, перекочевавшие на гербы с печатей, монет и знамён, существовавших на Руси ещё с «домонгольских» времён. Однако официально первый русский городской герб появился немного позднее – в 1692 году. Это был герб Ярославля, изображавший медведя с протазаном на плече.

При Петре I создание городских гербов становится делом государственной важности. А раз так, то и поручено оно было известному тогда в Европе специалисту по гербам графу Франциску Санти. В результате было создано 137 «провинциальных» городских гербов. При составлении гербов для городов, не имевших постоянных символов, учитывали три начала. Во-первых, историческое (какое событие ознаменовало возникновение города и т.д.). Во-вторых, географическое (что город производит, чем знаменит и богат). И, в-третьих, соответствие герба названию города («говорящие» гербы).

Грандиозная работа по созданию городских гербов, задуманная Петром Великим и воплотившаяся в реальные городские гербы, прервалась после смерти императора. «Второе дыхание» городское герботворчество получило при Екатерине II. С этого времени пожалование российским городам герба как официального отличительного знака становится массовым явлением, а составление гербов – модой.

С середины XIX века городской герб постепенно превращается в элемент официальной идеологии. С одной стороны, по монаршему благословению город имел самостоятельность, но, с другой, – административно государственное устройство регулировалось сверху. Поэтому и форма герба делилась на две части: вверху щита – герб губернский, внизу – городской. Позднее форма ещё более усовершенствовалась. При помощи таких элементов, как короны разного вида и обрамления гербового щита, можно было судить о значении города в государстве, о количестве населения и о характере экономического развития.

Унификация, регламентирование и видоизменение городских гербов продолжалось вплоть до событий 1917 года, после которых, по понятным причинам, наступил новый этап как в истории городского герба, так и всей страны. Первым советским территориальным гербом стал герб Москвы, утверждённый Президиумом Московского Совета 22 сентября 1924 года. В его основу была положена особая революционная (пролетарская) символика: памятник Свободы на фоне пятиконечной звезды. По бокам звезды – пучки колосьев, а внизу – предметы труда: наковальня, ткацкий челнок и электромотор,

перевитые лентой. Над колосьями и звездой видна часть шестерни, на дуге которой помещены буквы Р.С.Ф.С.Р.

Следующий этап в развитии советского геральдического творчества пришёлся на середину 60-х годов XX века. Пришёлся, надо сказать, весьма кстати. Первоуральск, получивший городской статус 20 июня 1933 года, также пожелал иметь свой отличительный знак. Инициатором его создания выступил местный Совет, рассматривавший городской герб как своеобразное наглядное пособие для патриотического воспитания граждан.

15 марта 1966 года отдел главного архитектора провёл конкурс на разработку городского герба. Лучшим был признан проект новотрубника, начальника группы промышленной эстетики отдела НОТиУП Б.Г.Жеребцова. 7 февраля 1967 года проект был одобрен и утверждён исполкомом Первоуральского городского Совета (решение № 26) со следующим описанием: «Герб выполнен в форме щита французской формы с серебристым полем. Красная наклонная полоса делит поле щита на две части. В верхней части изображены красный серп и молот. На красной полосе – труба стального цвета, рождающаяся из золотого пламени, указывает на основной вид производства в городе. В нижней части изображены силуэты гор, ели, географического обелиска. Здесь же чёрным цветом название города. Географический обелиск подчёркивает, что город Первоуральск находится на границе между Европой и Азией. Силуэты горы и ели символизируют принадлежность города к Уралу».

Печать Билимбаевского завода Строгановых. *1734 г.*

Кроме официальной версии герба, известно множество его вариантов. В большинстве из них отсутствуют пролетарские символы – серп и молот, а на их месте находится дата – 1732, указывающая на год основания поселения. Так же хорошо известны версии, выпущенные в виде значков с красной и зелёной окраской поля с золотым кантом. В первом случае лента, несущая на себе трубу, белая, во втором – красная. Однако в самой известной своей модификации, размещавшейся в былые годы на здании горисполкома, герб был «серебряным».

Герб, разработанный по проекту Жеребцова, был официальным символом города 35 лет и за эти годы сумел завоевать симпатии горожан. Возможно, будучи дорог жителям города, он продолжит свою жизнь на логотипах некоторых фирм и предприятий Первоуральска. Но в таком случае по нормам герольдии необходимо только лишить данную эмблему статуса и признаков герба: в самом общем случае – отказаться от гербового щита.

Работа над современными гербом и флагом Первоуральска началась в июле 2000 года. Причиной стала необходимость обязательной регистрации городского символа в Государственном Геральдическом регистре, а старый герб в своём оригинальном виде шансов для регистрации, увы, не имел.

Часть вариантов нового герба строилась на платформе эмблемы Жеребцова, другие же – на основе проекта Уральской Геральдической Ассоциации (УрГА), «парной» ревдинскому гербу. Эти города, по мнению разработчиков, имеют много общего как территориально, так и по особенностям исторического и промышленного развития. Единственным отличием гербов должны были стать «профессиональные» символы, характеризующие города. Для Ревды – это кольцо с наконечником стрелы как один из алхимических знаков железа, так как, по одной из версий, название «Ревда» восходит к финно-угорскому – «железная река». Для Первоуральска – это срез трубы с исходящими из неё «пламенами».

Попытки как-то адаптировать герб Первоуральска советского периода к новым требованиям закончились неудачей. Проект УрГА в ходе работы также претерпел значительные трансформации как в части окраски поля, так и по ассортименту фигур. Однако эти изменения не коснулись главной идеи – создание «парных» проектов как для Первоуральска, так и для Ревды. Новое композиционное решение, предполагающее введение медведя и соболя, поддерживающих главную фигуру, было принято за основу только в Ревдинском муниципалитете, а в Первоуральске медведь вообще был выведен из числа гербовых фигур, гора же заменена соболем. По некоторым сведениям, появление на гербе Первоуральска этого золотоплюшевого животного – есть результат компромисса меж-

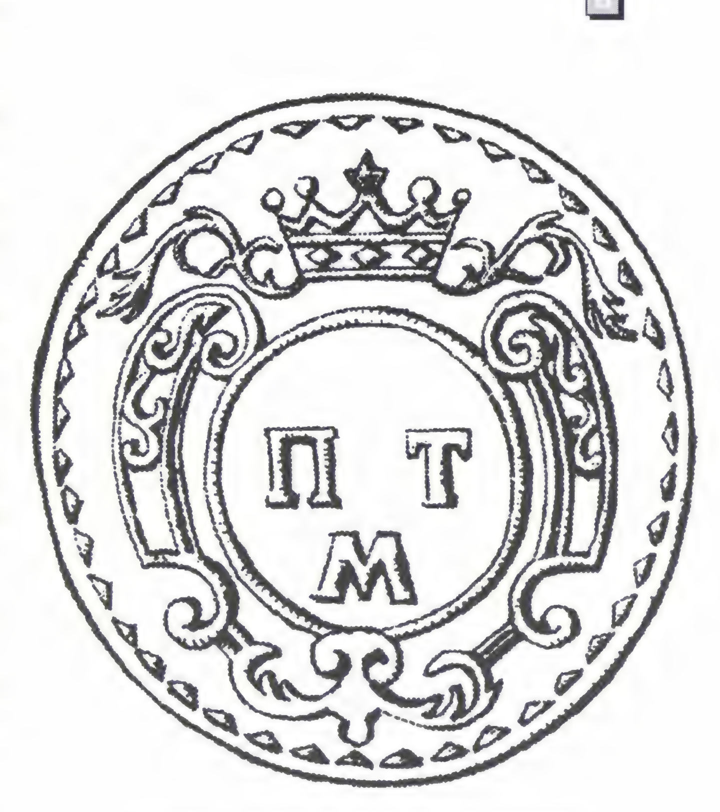
ду исполнителями и заказчиками. Оттого и герб получился по эталону (геральдическому описанию) правильным, а по виду каким-то новорусским. Хотя претензии к обилию золота на гербе – это не более чем вопрос вкуса (о котором, как известно, не спорят). Но как бы там ни было, а администрация города и управление главного архитектора приложили все старания, чтобы герб существовал именно в такой комплектации и именно в таком графическом исполнении.

Кроме чисто внешних претензий, новый герб, на наш взгляд, лишён самого главного, а именно – исторической преемственности. Дело в том, что история современного Первоуральска начинается не с 1933 года и не с трубного производства. Корни города уходят в глубину XVIII века, когда были основаны чугуноплавильные и железоделательные заводы – Шайтанский, Билимбаевский и Уткинский (Новоуткинск). И здесь громадное поле для поисков уникальных символов (заводские печати, элементы с гербов Демидовых, Строгановых, Яковлевых...). Историческая память, причастность к деяниям предков, к исконным корням своим воскрешается в этих символах.

К большому сожалению, на новом гербе никак не отражено и уникальное географическое положение Первоуральска. Во-первых, река Чусовая, которая протекает через город. И пусть, по словам пермского писателя Алексея Иванова, город «к реке повёрнут задницей», но всё равно это единственный город в Свердловской области, через который протекает легендарная Чусовая – река, без которой немыслим весь горнозаводской Урал. Во-вторых, незримая граница двух частей света, проходящая практически через город и увековеченная самым старинным уральским обелиском. Мне могут возразить, что границу Европы и Азии символизируют две цветовые части щита: зелёная и красная. Возможно, с точки зрения символики, это и правильно, хотя у разработчиков герба была другая концепция. «Деление щита зелёным и красным цветами (планетарные соответствия Венеры и Марса) олицетворяет медь и железо, добыча и обработка которых послужили на благо и развитие территории. Заполнение же внутреннего пространства кольца лазурью и червленью – своеобразный ребус, указывающий на Васильево-Шайтанский завод, а также условное обозначение нефти и газа, транспортируемых по трубам».

Но, как бы там ни было, 24 января 2002 г. проект нового герба был принят городским Советом (решением № 193). В документе приведено следующее описание герба: «В рассечённом зелёном и червлёном поле золотой с червлёным языком бегущий соболь, несущий на спине золотое кольцо, охваченное вверху тройным пламенем того же металла и заполненное справа – лазурью, слева – чёрным цветом». 16 апреля 2002 г. герб Первоуральска был внесён в Геральдический регистр Российской Федерации под № 928 (протокол № 10). Горожанам же новый символ впервые был представлен 21 июля 2002 г., в день празднования 270-летия Первоуральска. Тогда же на здании администрации города появился и не совсем легитимный на тот момент флаг (внесён в Геральдический регистр Российской Федерации 16 мая 2003 г., № 1085, протокол № 16д). Флаг города представляет собой полотнище с соотношением сторон 2:3, составленное из двух равных по площади вертикальных полос зелёного и красного цветов. В его центре помещается композиция фигур из городского герба, занимающая 5/6 от высоты полотнища и изображённая жёлтым, синим и чёрным цветами.

Сегодня многие первоуральцы (особенно молодое поколение) уже не мыслят город без этого атрибута. Новый герб, нравится это кому-то или нет, прочно вошёл в жизнь горожан. «Стерпится – слюбится», так, кажется, говорит народная мудрость. Тем более что геральдическая история знает множество гербов, возникновение которых было случайным, символика – надуманной или навязанной. Однако со временем такие гербы нередко приживались и становились объектом любви, гордости и признания, поскольку на них переносилась репутация, доброе имя городов и территорий, а если нет доброго имени, не поможет и самый пышный герб.

Печать одного из первых приказчиков Шайтанского завода Терентия Мосолова.

НИНА МЕНОВЩИКОВА

К юбилею знаменитой балерины

Людмила ЧЕКМЕНЁВА

искусствовед, г. Екатеринбург

Всё происходившее на сцене казалось чудом. Каждое движение мелодии рождало новые цветосветовые переливы. «Встающее солнце пронизывало чудные ледяные узоры окна. И эти искрящиеся узоры вызывали овацию зрителей. На глазах они таяли, и сквозь этот протаявший супер-занавес начиналась зимняя сказка», – вспоминал художник-постановщик, Народный художник России Н.В.Ситников о балете П.И.Чайковского «Щелкунчик».

Зритель оказывался то на чудесном новогоднем празднике, то вместе с Машей в сказочном зимнем лесу, то в волшебном «золотом сне» в стремлении к счастью и в радостном пробуждении, когда солнце постепенно заполняло мир. Всё создавало праздник души. Но подлинным открытием стали талант и одухотворённость юной балерины Нины Меновщиковой, исполнившей партию Маши. Не успел закрыться занавес, как зрители поднялись с мест и несколько минут горячо аплодировали...

На «Щелкунчика» с участием Нины Меновщиковой невозможно было попасть. Она стала любимицей свердловчан.

Нина Ивановна Меновщикова – гордость екатеринбургского балета. Она единственная, кто за всю историю оперного театра удостоилась высшего звания – Народная артистка СССР.

Главная её черта – беспредельный фанатизм в творчестве. Она сжигала себя. Всю артистическую жизнь продолжала с огромным упорством совершенствоваться. Искусство Н.Меновщиковой раздвинуло привычные границы амплуа – настолько был широк её артистический диапазон и её виртуозное эмоциональное мастерство.

Блистательная классическая балерина, Н.Меновщикова никогда не делила сценические площадки на престижные и непрестижные. Всегда и везде танцевала с максимальной отдачей. Поэтому её искусство всегда вызывало восхищение и было незабываемо.

Она свердловчанка. Мечта стать балериной была с детства. И мама привела Нину в балетный кружок Дворца пионеров к замечательному педагогу О.Ф.Щадных, которая обратила внимание на исключительные данные своей ученицы.

А дальше было Пермское хореографическое училище. Нина поступила в класс выдающегося педагога Екатерины Николаевны Гейденрейх, которой принадлежит заслуга создания в 1945 году Пермского хореографического училища. Как отмечала критика, Е.Н.Гейденрейх «заложила здесь подлинный академизм преподавания классического танца, школа под её руководством обрела своё первое и, быть может, самое главное дыхание». Она прививала высокую культуру петербургских традиций. Заниматься в классе Екатерины Николаевны было огромным счастьем.

Воспитанная на академическом танце, Гейденрейх была предана высокому искусству. Она доказывала, что путь к образной выразительности лежит через чистоту рисунка танца. Его линии должны быть осмысленными, чёткими, выразительными. Особое внимание Е.Н.Гейденрейх обращала на руки. Движения рук должны гармонически сочетаться с па, помогать преодолению технических трудностей. Педагог добивалась мягко очерченных рук, передающих оттенки эмоций. Она развивала «музыку тела».

И Нина Меновщикова стала воплощением этой школы. Она была словно создана для балетной классики.

После окончания в 1953 году Пермского хореографического училища два сезона работает в Пермском оперном театре, а затем поступает в Свердловский оперный театр. Ее педагогом стал Вячеслав Наумкин, которого благодарно вспоминает и сейчас. Он помог раскрытию индивидуальности балерины и её творческому росту.

Нина Меновщикова от природы наделена музыкально-пластическим слухом. Как отмечает критик, «всеми гранями изысканного таланта она блеснула сначала в «Щелкунчике», затем в «Спящей красавице».

Критики восторженно отмечали, что Нина Меновщикова рождена для партии Маши. Балет «Щелкунчик» – это не только мир сказки, ожидания и мечты о счастье. Это симфоническая тема борьбы светлых и мрачных начал. Путь к счастью не прост, ему мешают злоба и коварство. Балет очень труден для хореографического воплощения. Радостные, праздничные картины детства переходят в философские раздумья о бренности бытия в трагически-прекрасном па-де-де.

Вдохновенное исполнение балерины покорило не только свердловчан, но и москвичей во время успешных гастролей оперного театра в Москве. Талант Нины Меновщиковой был оценен по достоинству: ей присуждается звание Заслуженной артистки РСФСР.

Исполнение этой партии было окрашено и глубоко личным чувством. С первого её появления в театре с неё не сводил влюблённого взгляда молодой талантливый певец Николай Голышев[1].

Это была любовь с первого взгляда. Любовь, которую они ожидали и которую пронесли через всю жизнь. И сейчас Нина Ивановна – его Муза.

Её восхождение на балетный Олимп было стремительным и ярким. За партией Маши появляется героиня другой сказки – Аврора из «Спящей красавицы», считающаяся одной из сложнейших партий в мировой хореографии. Весь облик балерины, утончённость линий рук, ног, хрупкость, лёгкость танца создавали образ юной принцессы из сказки Шарля Перро.

Как отмечала критика: «Партия Авроры – одно из самых совершенных созданий в творчестве балерины. Все оттенки перевоплощений были переданы с высочайшим мастерством».

Балет для Нины Меновщиковой стал её жизнью. Ведь те качества, которые необходимы балерине – трудолюбие и беспощадность к себе были ей присущи от природы. Тщательно отрабатывалось каждое движение. Отточенный рисунок танца ещё во время учёбы у Е.Н.Гейденрейх придавал её исполнению законченность и благородство. Нина на всю жизнь запомнила напутствие своего педагога: «Артист двадцать лет танцует и двадцать лет совершенствуется». Это стало её кредо.

С каждым новым спектаклем раскрывались возможности балерины. По строю души ей ближе лирические партии. И, конечно же, Одетта в «Лебедином озере».

Балет «Лебединое озеро» – это романтическая мечта о счастье, идеальной любви. Звучащая в музыке Чайковского тема рока повествует, что только пройдя испытания, можно обрести идеал. И Одетта Меновщиковой была воплощением этого идеала.

Балерина удивительно музыкальна. О ней писали, что её пластика «поёт», отзываясь на все музыкальные оттенки. У Нины Меновщиковой удивительно «певучие» руки. Они то выражают девичью робость, то это уже руки-крылья. Взмах – и она может исчезнуть.

Балерина великолепно справилась и с партией Одиллии. Здесь не было грубого контраста. Её Одиллия была маняще-прекрасна, но улыбка была холодна, глаза смотрели пристально, как бы изучая принца. Она завораживала и увлекала его за собой. И в блестящем фуэте было выражено всё её победное ликование. Это исполнение всегда сопровождалось овацией зала.

Однажды, во время гастролей балерины в Англии, на репетиции дирижёр, видимо, решил узнать возможности тогда ещё не известной ему молодой балерины Нины Меновщиковой. Исполнялось па-де-де из «Лебединого озера». После виртуозного исполнения фуэте дирижёр обратился к Нине: «А вы могли бы повторить фуэте?». Она вопросительно смотрит на своего партнёра Веанира Круглова, стоявшего за кулисами. Тот делает отчаянные отрицательные жесты. Но Нина всё же повторила фуэте с таким блеском, что артисты оркестра в восхищении стоя приветствовали её.

В пластике Нины Меновщиковой отражалась вся партитура чувств её героинь. Она вкладывала в исполнение всю душу, поэтому встреча с её героинями так волновала зрителей.

Событием стала постановка балета А.Адана «Жизель». Это любимый образ актрисы. Партия рождалась в страданиях, больших душевных муках и раздумьях. Балерина поразительно точно передала романтическое содержание балета. Нужно было обладать безукоризненной музыкальностью и техничностью, чтобы выразить это.

Её героиня «не от мира сего». Она живёт мечтами в своём идеальном мире. Жизель мечтает о любви и радостно идёт ей навстречу, не подозревая, что есть зло и обман. И тем трагичней, когда она сталкивается с ним. Происходящее кажется ей сном. Её прекрасный мир вдруг рухнул. Потрясённая, Жизель не может в это поверить. Она всматривается в Альберта – ведь он был её идеалом. Альберт отворачивал свой взгляд от её огромных, в пол-лица глаз, которые могли быть отражением его совести. Почувствовав дыхание смерти, она бежит к матери, ища спасения. В последний момент бросается к Альберту и падает бездыханной.

Но любовь Жизели, покинув земную оболочку, продолжает жить в духе. И даже в этом акте призраков балерина раскрыла глубокий психологизм своей героини.

Нина Меновщикова наделила свою героиню высшей мудростью пусть там, уже в ином мире. Она раскрыла перед зрителем величие любви и прощения. Балерина постигла эту евангельскую мысль ещё в 60-е годы.

Если бы только зрители знали, чего это стоило балерине, в каких муках рождалась эта партия! Сколько передумано, перечувствовано! Это было слияние души героини с душой самой актрисы.

Как рассказала сама Нина Ивановна, в день спектакля она полностью уходила в себя, в дорогой образ и даже не могла говорить с домашними. Муж – Николай Николаевич и дочь Лена относились с трепетным пониманием.

Да, это была работа души. Подобное отношение было только у великих драматических актрис. И когда видишь Нину Меновщикову на сце-

---

[1] Николай Николаевич Голышев – Народный артист России, замечательный певец-художник, профессор Уральской государственной консерватории им.М.П.Мусоргского, гордость российской вокальной школы. Его ученики стали украшением самых престижных сцен мировой оперы и не порывают связи со своим учителем. Галина Павловна Вишневская называет себя его поклонницей, Николай Николаевич преподает в её Центре оперного искусства.

«Баядерка».

«Дон Кихот».
Китри – Н.Меновщикова,
Базиль – К.Бруднов. 1963.

«Спартак». *Эгина – Н.Меновщикова.*

не, понимаешь всю глубину её творений.

Её танец можно назвать «балетным бельканто». Виртуозная техничность, владение быстрым темпом, стабильное вращение, причём в обе стороны – редчайшее явление на балетной сцене. Поистине – уникальная одарённость. Но, пожалуй, самое главное – это «искра Божья», озаряющая душу зрителей.

Как признавалась мне преподаватель античного искусства из университета Мария Андреевна Аникина, «Жизель» Н.Меновщиковой её потрясала, а Сольвейг («Пер Гюнт») трогала до слёз.

Образ Сольвейг близок к образу Жизели. Здесь тоже любовь и прощение.

А вот другой женский образ. Каким острым драматизмом и даже трагизмом наполнила балерина партию Никии («Баядерка»). «Сложность и красота танца сочеталась с тончайшей психологической выразительностью каждого жеста. Н.Меновщикова избежала налёта экзотической красивости, эффектности. Балерина раскрыла сильный страстный характер своей героини с её решимостью до конца бороться за свою любовь», – отмечал рецензент.

Ниной Меновщиковой создана уникальная галерея прекрасных женских образов: нежных, лиричных, с драматической судьбой. Среди них и задорная Китри в балете Л.Минкуса «Дон Кихот». Как говорят балетмейстеры, партия Китри требует от балерины размаха, искромётного темперамента, способного зажечь окружающих. И подобное перевоплощение говорит о ярком, уникальном таланте Нины Меновщиковой.

Полётное появление её Китри всегда вызывало бурную реакцию зала.

Зрители старшего поколения и сейчас с восторгом вспоминают изумительный дуэт Нины Меновщиковой и Константина Бруднова в «Дон Кихоте». Они владели совершенной выразительностью танца, передавали все оттенки чувств влюблённых: любви, ревности и наслаждения юностью.

Кульминацией было фуэте – 32 такта музыки, и в каждый такт нужно сделать на одной ноге полный оборот. Нужно великолепно владеть техникой, быть очень сильной, обладать чувством равновесия. Редким явлением становится, когда балерина делает оборотов больше, чередуя одинарные с двойными, когда в течение такта выполняется два оборота. И всё это надо выполнить на одной точке планшета сцены. Н.Меновщикова владела этой техникой блестяще. Дирижёр мог брать темп, «не подыгрывая» балерине, быть уверенным, что танец Меновщиковой будет звучать с музыкой в унисон. И финал фуэте всегда совпадал с финалом оркестра. Балет имел невероятный успех. Театр был всегда переполнен. Билеты покупали за месяц до спектакля.

Она исполнила более 30 партий в классических и советских балетах. В современных балетах балерина постигала новые черты хореографии, стараясь творчески претворить замысел балетмейстера.

«Лебединое озеро». *Народная артистка СССР Н.Меновщикова, Ю.Супрунов.*

Истинный талант всегда многогранен. И в балете А.Хачатуряна «Спартак» он засиял неожиданно новыми гранями. Партия Эгины стала для Нины Меновщиковой испытанием. Казалось, что она противоречит её лирическом характеру.

Её Эгина пресыщена удовольствиями. Все чувственные радости она познала. Это умная, хладнокровная, расчётливая куртизанка. Она соблазняет жертву и, следуя расчёту, бросает её. Эгина презирает своё окружение, потому что знает, как легко в них разжечь страсть.

В её пляске было какое-то вакхическое исступление, вызывающее

волну грубых страстей. На какой-то момент Эгина прерывает пляску. Запрокинув голову, она пьёт вино и вновь продолжает свою чувственную пляску.

Надо сказать, что балерина проводит партию выразительно, темпераментно, но с безупречным чувством меры, не искажая хореографический рисунок.

В работе над образами советской балетной классики: Таня «Первая любовь», Марыся «Янко-музыкант», Барышня «Барышня и хулиган», Ширин «Легенда о любви», Мария «Бахчисарайский фонтан» – проявилась творческая гибкость балерины, её умение постигать и воспроизводить замыслы и почерки балетмейстеров, какими бы различными они ни были. Но всё же главным для Нины Меновщиковой оставалось отечественное и западное наследие с его высоким идеалом красоты. Ведь она прирождённая классическая балерина. Музыка для неё больше, чем просто музыка. Это – откровение (об этом ещё говорил П.И.Чайковский). Вслушиваясь в неё, балерина проникала в глубины души своих героинь, пластически отзываясь на все музыкальные оттенки. И зрители радовались и грустили вместе с её героинями, а порой смахивали слёзы.

Нина Ивановна Меновщикова не просто балерина высокого класса, она – большой художник, волновавшая и потрясавшая зрителей. Все её партии имеют духовную основу в органической связи с хореографией. Образно говоря, балерина танцевала, как просит душа. Многим приходилось жертвовать. Нина Ивановна считает, что недостаточно дала материнского тепла дочери Лене. Репетиции, спектакли и гастроли по всему миру...

Нина Меновщикова имела огромный успех за рубежом. Об этом свидетельствует многочисленная разноязычная восторженная пресса. Её называли балериной мирового класса.

Многочисленные гастроли обогащали творчество балерины. Были не только выступления, она делилась опытом, пропагандировала школу классического танца, одновременно впитывая то, что обогащало её искусство.

Искусству танца посвящена вся жизнь. Нина Меновщикова не пропустила ни одного урока. Даже в день спектакля она с утра была на уроке в балетном классе, хотя могла отдыхать, как это обычно делают другие прима-балерины. Строжайший режим, внутренняя дисциплина являлись для неё первостепенными.

В жизни она сдержанна, в общении нет никакой выспренности. Но в ней есть внутреннее достоинство и какая-то закрытость от вторжения в её жизнь. Порой её коллеги принимали это за высокомерие. Просто Нина Ивановна так много отдавала искусству, что избегала излишней суеты вокруг своего имени. Она спокойно воспринимала восторженные отзывы и с интересом слушала различные высказывания, а может быть, и замечания.

«Корсар». *Медора – Народная артистка РСФСР Н.Меновщикова. 1971.*

В своё время Нина Ивановна неоднократно получала приглашение в Большой театр, но осталась верна родному городу и театру.

Незаметно проходит время. И вот он – рубеж.

«Уход со сцены – жесточайшая неизбежность и тяжелейшая драма для артистов балета. Особенно мучительна она для тех, кто только в танце видел смысл своего существования» (Б.Львов-Анохин). Нина Ивановна Меновщикова из их числа. Но мужество ей не изменило. «Подойдя к рубежу, за которым зияла пугающая творческая пустота» (Б.Львов-Анохин), балерина решила проститься с балетом на гастролях, на чужой сцене...

Но без театра она не мыслила свою жизнь. Её многогранный талант выразился в новой ипостаси.

То, что ей было дано свыше, она стала щедро дарить молодым исполнителям уже в роли педагога-репетитора.

В новой для себя роли педагога, которой балерина посвятила 20 лет, она раскрылась ярко и талантливо – ведь у неё была великолепная школа Е.Н.Гейденрейх.

Весь её день был чередованием исполнительской и репетиторской деятельности. В классе она была требовательная без окриков и раздражения, чем порой грешат иные педагоги. Нина Ивановна терпелива и сдержанна, но очень принципиальна. Вот она занимается с молодой балериной, снова и снова повторяя движение, наполняя его содержанием.

Главным в педагогической деятельности Нины Ивановны Меновщиковой было то, что она учила думать, а не просто отрабатывать движение. Извечное стремление к совершенству – её кредо. Она и сама как ученица каждое утро приходила в класс, занимаясь у станка. Урок, как говорит сама актриса, это подготовка к репетиции. И, занимаясь с балеринами, она училась сама, открывая в себе новые возможности. Это было движение вперёд, без которого нельзя быть в балете.

Как профессионала высокого уровня Нину Ивановну приглашают в Финляндию в качестве педагога-балетмейстера на три года. Её там хорошо знали, ею восхищались во время гастролей. Пригласили как академическую балерину чистого стиля, требовательного и высокопрофессионального педагога, умеющего довести исполнение каждого движения до филигранности.

Молодёжь обожала своего педагога. Нину Ивановну Меновщикову помнят и любят до сих пор её ученики и почитатели её таланта. Среди них – лётчик-космонавт В.И.Севастьянов.

Какие бы времена ни наступали, Нина Ивановна Меновщикова всегда оставалась верна высоким идеалам искусства.

Балерина огромного творческого полёта – ей по праву принадлежит одно из ведущих мест в мировом балете.

АЛЕКСЕЙ БАХТЕРЕВ, СОКОЛЬНИЧИЙ

Анатолий АКИМОВ

г. Екатеринбург

Фото Анатолия Лаптева, а также из архива центра реабилитации хищных птиц Института экологии растений и животных УрО РАН.

Недавно мне довелось побывать в поездке, пожалуй, больше всего запомнившейся мне – за сорок с лишним лет работы в СМИ. Собственно, поездка была не одна, а три-четыре, может, и все пять. Мне удалось погрузиться в мир прямо-таки фантастических ассоциаций, мысленно перемещаясь во времени – от глухого, столь мало нам ведомого Средневековья до наших прагматичных, высокоинтеллектуальных и, увы, окончательно закомпьютеризированных дней, – а также в пространстве от Среднего Урала до равнин Казахстана и пустынь Аравийского полуострова.

Я поочередно становился то отроком из челяди русского князя VII века, то охотником-степняком века недавно минувшего, а то и какой-нибудь важной персоной из нынешних Арабских Эмиратов...

Не верите? Что ж, и я бы не поверил, если бы всё это не произошло со мной. Но – по порядку.

...Мне давно и много рассказывали о «Холзане»* – центре реабилитации хищных птиц, созданном при Институте экологии растений и животных УрО РАН. Сравнительно недавно о нём взахлёб рассказывал и мой коллега Анатолий Лаптев, кстати – один из авторов фотоиллюстраций этих заметок. Но ведь мало услышать, лучше увидеть, причём увидеть не только на фотографии, но и вживую...

Наконец, повезло – удалось посетить поистине удивительное место, находящееся в сосновом лесу возле поселка Кашино, всего-то в полусотне километров от Екатеринбурга.

В расположенных там на открытом воздухе вольерах можно увидеть хищных птиц полутора десятков названий. И хотя не все из этих пернатых представляют уральскую или российскую природную орнитофауну, название «Холзан» не кажется надуманным.

С крылатой и когтистой птичьей братией, сидящей в просторных вольерах, меня познакомил человек уникальной профессии, история которой насчитывает многие века, – сокольничий Алексей Бахтерев. Правда, сам Алексей «по штатному расписанию» центра числится сокольником. Так он называет себя сам, так считают и все его сослуживцы, и директор центра О.А.Светлицкий.

Коллега Бахтерева по «княжеской» должности в давние времена, скорее всего, читать-писать не умел, а в лучшем случае лишь мог разбирать буквы на древнерусской «бумаге» – бересте. Алексей же – сравнительно недавний выпускник биологического факультета УрГУ. Изучать хищных птиц начинал с ястребов.

Кстати, когда мы с ним выбирались на загородное шоссе, пришлось остановиться: по моей неловкости не закрылась дверца, Алексей потянулся посмотреть, что там, и показал мне рукой на группу многоэтажек.

– Вон, смотрите – ястреб-тетеревятник, собственной персоной! Серую ворону преследует ...

Донельзя напуганной ястребом вороне, наконец, удалось избежать когтей и куда-то шмыгнуть... Не удивительно ли – почти в центре мегаполиса орудовал, в общем-то, обычно довольно скрытный крылатый лесной хищник! Причём ястреб между домами лавировал на своих широких крыльях столь же

* Холзан – тюркское название орла-беркута.

непринуждённо, как между изреженными деревьями где-нибудь на опушке леса.

Сейчас на попечении Алексея – соколы-балобаны, исстари известные в России ловчие птицы. С балобанами, как и с их собратьями по славному отряду соколиных – сапсанами и кречетами, охотились ещё во времена, когда было написано гениальное «Слово о полку Игореве». Охотились князья, а охота с кречетами была только царской привилегией.

Соколы-кречеты были атрибутом «государевой охоты» и государевой же ценностью.

А энтузиасты этой древней, редкостно красивой и особо волнующей охоты выезжают на неё и во времена нынешние.

Будучи ещё школьником, автор этих строк видел в степи Восточного Казахстана, неподалеку от Усть-Каменогорска, как казахские охотники-беркутчи напускали на лис и молодых антилоп-сагаков мощных орлов.

Беркут короткие полминуты стелился над степью в бреющем полёте и, догнав зверя, растопыривал над ним пальцы могучих когтистых лап...

Эта картина надолго сохранилась в памяти во всей своей дикой первозданности, и мне казалось, что более впечатляющего зрелища охоты хищной птицы нет и быть не может. В «Холзане» я, однако, воочию убедился, что бывает зрелище ещё более завораживающее – стремительный полёт и головокружительные воздушные виражи сокола.

Сокол охотится не по-орлиному: стремительно набрав большую высоту, набрасывается на добычу сверху, точно и неотвратимо рассчитывая траекторию своего пике на сумасшедшей скорости (у сапсана она достигает 360 километров в час, у балобана – около 300).

Летящая утка, например, куропатка, фазан или другое, достаточно крупное пернатое, пустив по ветру облачко перьев, выдерживают первый его удар, но сокол, в мгновение ока взмыв вверх, столь же мгновенно наносит второй, смертельный удар, и вот уж хищник, спустившись к жертве на землю, рвёт тёплое птичье мясо, то и дело резкими движениями головы стряхивая пух, прилипающий к крючковатому клюву.

От сокола нет спасения ни одной птице, даже таким высоколётным, неутомимым и маневренным летунам, как голуби.

Кстати, знающие люди рассказывали, да и самому читать приходилось, что у сокола главное оружие – отнюдь не клюв, а когти. Точнее, коготь, которым он, ринувшись из поднебесья, буквально рассекает добычу, словно кинжалом.

Балобаны, как и сапсаны, кречеты, давно были внесены в Красную книгу СССР, теперь они – в Красной книге России. Впрочем, соколы и прежде, когда, по выражению ученых-биологов, антропогенный пресс на живую природу давил несравненно меньше, – были немногочисленными, особенно кречеты.

На воле балобаны гнездятся и выводят птенцов в лесостепях и горах Юго-Восточной Европы, Азии и Северо-Западной Африки. Все соколы-балобаны, что живут в вольерах центра, рождены в неволе. История их появления здесь – сколь увлекательна и поучительна, столь и драматична.

Первые несколько птиц были конфискованы таможенниками в аэропорту Кольцово у подпольных торговцев природными редкостями.

Два сокола, для скрытной перевозки накачанные наркотиками, вскоре погибли. Сколькими десятками, а то и сотнями тысяч «зелёных» обернулась соколиная смерть, – судить профессионалам. Лично я считаю, что стоимость ловчего сокола сравнима со стоимостью одной-двух автомобильных иномарок, даже «навороченных» до предела.

С этого конфиската и началась родословная уральских балобанов. В «Холзане» они вывели уже несколько поколений соколят.

Балобан – охотник, и, помимо кормления и необходимого ухода, он нуждается в постоянной разминке крыльев.

– Хэть, хэть... хэть! – звучит в лесу, и сокол по кличке Рамзес взмывает над просекой заснеженного сосняка.

Сначала я подумал было, что это какое-либо специальное слово сокольничих. Что-то язычески-древнее чудилось в нём... Увы, Алексей мои дилетантские предположения безжалостно опроверг.

– Тут главное, чтобы зов был краток и хорошо слышим для птицы, а сочетание звуков – дело второе. Казахи, например, командуют птицам простым сочетанием: «Ас!».

мешает ему быть в числе ведущих сотрудников «Холзана»

Все пернатые хищники попадают в центр «Холзан», увы, угодив до этого в беду: ястреб, налетевший на провода ЛЭП, редкая сова-неясыть, подстреленная из дробовика беспечным и неумным охотником, миниатюрный ястреб-пустельга, сбитый ветровым стеклом бешено мчавшегося автомобиля...

Раз за разом Алексей размахивает вабилом – шнуром с имитацией соколиной добычи, и Рамзес раз за разом взмывает над лесом и опрометью бросается вниз...

Показав несколько захватывающих фигур высшего пилотажа, птица по знаку сокольничего садится к нему на кисть или запястье руки, защищенное специальной перчаткой: когти у балобана весьма впечатляют... Перчатка, кстати, защищает не только от когтей, не случайно азбука сокольничьего: не тренировать сокола, если где-либо на руке окажется свежая ссадина или порез – понимаете, о чём речь?

Налетавшись, прямо на руке сокольничьего Рамзес рвёт и жадно глотает мясо, которое ему протягивает человек.

Тренировка соколов привлекает многих туристов (за день в «Холзан» приезжает несколько тургрупп), звучат восторженные возгласы, то и дело щёлкают затворы фотоаппаратов.

А мы с кандидатом биологических наук Р.М.Салимовым идём вдоль решетчатых вольеров. Руслан Минижанович, вообще-то, – специалист по другим пернатым, а именно – по голубям, и темой его кандидатской диссертации, защищённой в Институте экологии растений и животных УрО РАН, было исследование популяций сизых голубей во многих пунктах среднеуральского, южноуральского, приуральского и сибирского регионов. Впрочем, «голубиная» специализация отнюдь не

В центре реабилитации его сотрудники становятся айболитами крылатых «пациентов». Прежде чем поместить птиц в вольер, их врачуют: лечат раны, правят пострадавшее оперение, иной раз даже швы или гипс накладывают.

Салимов, явив качества не только биолога, но и этолога, рассказал мне о поведении птиц-«краснокнижниц» (в природе многие из них исчезли или насчитываются буквально единицами, а точнее – парами, способными к воспроизводству своих видов), в маленьком кинозале «прокрутил» видеофильм о хищных птицах многих стран планеты.

Полюбовавшись напоследок балобанами, я уехал в Екатеринбург по дороге, вдоль которой слева и справа – уйма всяческой рекламы. Пожалуй, не достаёт одной: хорошей цветной фотографии сокола из центра «Холзан».

Да простят меня гостеприимные хозяева: настаиваю на авторской редакции наименования профессии Бахтерева – может статься, и не самой точной, но зато куда как более романтичной. Ведь первое «пособие» по охоте с соколами – «Урядник сокольничья пути» написал его тезка, великий князь Алексей Михайлович.

БОРТЕВОЕ ПЧЕЛОВОДСТВО НА УРАЛЕ

«Чем выше борть, тем слаще мёд!»
Старинное изречение

Алексей КУЗМИНЫХ

г. Екатеринбург

Урал – это кладовая полезных ископаемых. Урал богат горными речками и прозрачными озёрами, хвойными и лиственными лесами. Но особенно хочется отметить, что Урал – это ещё и пчеловодный край. Луговые цветы и полевые травы насыщают непередаваемым букетом запахов нектар, который пчёлы несут в свои ульи, одаривая тем самым людей.

Весной пчёлы на Урале быстро развиваются благодаря нектару и пыльце, которые дарят им пушистая верба, жёлтая акация, душистая черёмуха, цвет яблонь и жимолость. Летом особо богата душистым мёдом липа с её желтоватым цветом, а лип на Урале очень много, даже есть Липовые горы, сплошь покрытые рощами этого медового дерева. Пчелиный «липовый» и «цветочный» сотовый мёд издавна славился своими вкусовыми и целебными качествами.

Всё это богатство природы предопределило пути и послужило развитию горно-таёжной пчелы, которая завелась на Южном Урале после ледникового периода, постепенно акклиматизировавшись и продвигаясь с юга на север по хребту вдоль горной лесной полосы. Такое перемещение назвали «Пчелиной тропой», вытянутой на сотни километров.

Ценный мёд и воск привлекали к себе людей. Древние кочевники искали диких пчёл в самых глухих таёжных лесах. Гнёзда находили по полёту пчёл. Для этого требовалось исходить много километров по самым труднопроходимым местам. Тогда у человека и зародилась мысль приручить пчёл.

Издавна жители лесных районов занимались охотой и рыбной ловлей. Добывание мёда, очевидно, было также одним из видов охоты. Пчелиный промысел всегда считался одним из тех, которые требуют нравственной и душевной чистоты, праведной жизни.

Дупла с пчёлами назывались бортями, владельцы бортей – бортниками, а участки леса с бортями – бортевыми угожами (ухожьями). Этот пчеловодный промысел был широко развит на Руси в IX–X вв. Бортники составляли отдельное сословие. Люди, приноравливаясь, узнавали, в каких дуплах пчёлы лучше переносят суровый климат. Самым лучшим деревом оказалась могучая красавица-сосна, иногда ель. Эти деревья достигают больших размеров, покрыты толстым слоем коры и содержат большое количество душистой смолы, поэтому мало промерзают и хорошо сохраняют пчёл зимой от мороза, а летом от жары. Выбирались деревья не тоньше одного метра в диаметре, на высоте 7–8 м выдалбливалось гнездо длиной по стволу 80–120 см, с расширением внутри на 35–40 см в зависимости от толщины дерева.

Внутри дупла устраивались «снозы», или кресты, из планок или еловых сучьев (распорки), на которых укреплялись сухие соты для приманки пчёл. Лаз закрывался двумя должеями (колознями) – верхней и нижней. Должеи хорошо проконопачивались и закреплялись в виде клиньев. Вверху оставляли щель для вентиляции. В должеях устраивали внизу леток, иногда леток продалбливался сбоку. Снаружи часто эти места ещё утеплялись толстым берестом или лубком со свежими листьями пихты, у нас на Урале называемые шубой. Для вырубки применялся специальный инструмент: кривой то-

пор, называемый должаном, додалбливали копылом, пешней, пырялкой, а выскабливали скобелкой или кольцеобразным ножом на короткой ручке. Такое дерево с готовым жильём для пчёл называется «бортью». Пчеловод забирался на дерево при помощи киреня (плетень) и двух когтей. При выдалбливании борти и смотра пчёл приходилось значительное время быть на дереве, при этом для упора ног использовалось специальное подножье, которое крепилось верёвкой вокруг ствола борти.

На дереве борти вырезался знак – тамга – печать или инициалы. Зачастую пчеляк давал название (клал знамение) своей борти. Если дерево высокое, то в нём делали два или даже три гнезда. Такая борть называлась двубортной или трибортной. У таких деревьев срубались вершины, чтобы они меньше качались, а при буре не могли сломаться. Борти обычно делались осенью или весной, чтобы к роению они подсохли и были готовы к приёму пчёл (пчёлы роятся, т. е. делятся на семьи, с начала июня до половины июля). Чтобы найти новое жильё, пчёлы посылают разведку, которая называется иской. Она находила сделанные человеком борти, и потом в них прилетал рой на новое местожительство.

Пчеляк в летнее время обходил борти и находил новую пчелосемью. В конце августа у пчеляка наступала пора смотра этих пчёл, добычи мёда или извлечения лишних запасов. При этом необходимая часть для питания пчёл до весны будущего года оставлялась. Если лето было хорошее для медосбора, то от одной семьи извлекалось до 1,5–2 пудов душистого мёда. При этих осмотрах использовались зубель или факел, нож для подрезки мёда, посуда (лукошко или липовка) для складирования мёда и ситце (ситечко для защиты лица). Часто практиковалось, что отбор мёда производился в конце весны следующего года, когда бортевщик убеждался в сохранности данной пчелосемьи.

Мёд и воск всегда имели большое народнохозяйственное значение, ими велась бойкая торговля на внутреннем и внешнем рынках. Хозяевами лесов в основном были князья, бояре и монастыри, позднее – помещики, они и были владельцами бортевых пчёл. Для ухода же за ними эксплуатировали крепостных крестьян и дешёвую наёмную силу. Самые лучшие 200–300-летние сосны и ели хищнически уничтожались, так как деревья, в которых были сделаны борти, часто гибли, потому что в них выдалбливалась большая часть важной для жизни сердцевины.

Иногда бортничеством занимались лесничие или лесники. Они чувствовали себя в лесу маленькими хозяевами. Нелегка была работа пчеляка-бортника (бортевщика). Чтобы найти пригодное дерево для борти, нужно было много исходить без дорог и тропинок по лесным буреломам и зарослям. В то время компаса и карты человек не имел, поэтому мог легко заблудиться. А сколько летом гнуса: комаров, оводов, мошки. Часто встречались хищные звери – медведи, укрывшиеся в малиннике; рыси, затаившиеся на суку деревьев в ожидании добычи; голодные волки, рыскающие по тайге. «Ходить в лесу – видеть смерть на носу», – сказывала старая пословица. Поэтому пчеляком мог быть не каждый. Им был только волевой человек, смелый, выносливый, любящий замечательную уральскую природу с её красивыми лесами, горами и родниковыми речками.

Зимой по особым признакам следов соболя, колонка и куницы (больших любителей мёда) бортники находили гнёзда пчёл. Летом охотники за пчёлами, увидев в лесу на цветке пчелу, сбрызгивали её водой и посыпали мукой. Отяжелевшее насекомое с заметно выделяющейся на фоне зелени спинкой, делая короткие перелёты, приводило охотника к своему жилищу-дуплу. Позднее, заткнув мягкой тканью летковое отверстие или замазав его влажной глиной, осторожно валили дерево, а выпиленную колоду с пчёлами доставляли на пасеку.

У бортевых пчёл было и много врагов: медведь любит полакомиться ароматным мёдом, муравьи большими колониями нападали на пчёл, дятлы своим упругим носом продалбливали колозни и добирались до мёда. Пчеляку приходилось защищать пчёл от всех этих врагов.

В XIV веке начали возникать колодные ульи, их называли «чурками-подвесками» или «дурами». Для изготовления их из дерева вырезался чурбан около 1,5 м длиной, гнездо внутри делалось подобно борти. Готовую подвеску при помощи ворота или блока поднимали на дерево и закрепляли металлическим крюком и петлей. Чурки вешались там, где имелись бортевые или дикие пчёлы. Также располагали ульи-колоды на специальных подмостках (наузники), сооружённых вокруг бортевого дерева. Такие подмостки служили ещё и как защита от медведей. Подмостей же на одном дереве могло быть несколько.

Тяжело было добывать мёд, но и нелегко его было доставлять из лесу. Осенью «чурки» перевозили

на усадьбу к селу, где ставили на расчищенных от леса площадках – вырубах. Вырубать лес – «посекать» – отсюда и берёт начало термин «посека» (пасека). Позднее «колоды» по своему расположению стали разделяться на лежащие – «лежаки», «лежни» и стоящие – «стояки». Сверху от дождя колоды накрывали в виде крыши берестой-«корой» или соломенными колпаками. Отбор мёда в них производился через «должею» специально приспособленными для этого ножами. В большинстве колоды употреблялись в северных лесных местностях России.

Бортничество было особенно развито в старообрядческих семьях и общинах. К нам на Урал староверы, хлынувшие из центральной России «за хребет» ещё в XVI–XVII веках, принесли и своё умение, свою любовь к пчеловодству, которое требует постоянного кропотливого труда, способности наблюдать, видеть, понимать сложнейшую жизнь живой природы.

В XVIII в. появились на Руси пасеки рамочных ульев, что значительно упростило уход за пчёлами. Бортевое пчеловодство в основном продолжалось до Октябрьской революции 1917 г. и частично до начала коллективизации.

Ранее, при царе Фёдоре Алексеевиче был издан «наказ писцам», согласно которому впервые была проведена перепись бортей в казённых лесах и бортевых угодьях. Начавшийся при Петре I массовый вывоз леса за границу обеспечил приток золота в нашу страну, но привёл к изгнанию бортничества из наших лесов. Очень холодные 1800 и 1801 годы также способствовали массовой гибели бортевых пчёл. Война 1812 г. порушила много ульев с пчёлами.

В настоящее время в Башкирии есть заповедник бортевого пчеловодства, который представляет большой интерес для изучения истории развития пчеловодства в нашей стране, особенно истории горно-таёжной уральской пчелы. Она имеет тёмную окраску, поэтому пчеловоды называют её «чёрной» или «тёмной». У этой пчелы большое преимущество перед степной: хоботок её длинней, лучше развиты восковые железы, служащие для выделения воска, она реже болеет, быстро развивается, легче переносит уральский суровый климат и продолжительные зимовки. Полёты этих пчёл начинаются при +6, +8 С.

На Среднем Урале всё ещё встречаются безнадзорные борти в Полевском, Нижне-Сергинском, Лысьвинском, Красноуфимском районах. Они привлекают к себе внимание как памятники прошлого. Лесная пчела – боровка (среднерусская порода пчёл) распространена у нас повсеместно. Она считается одной из наиболее трудолюбивых пчёл. Наша задача – сохранить и приумножить эту породу пчелиного семейства.

Примечания

1. Тамга – клеймо-знак (печать), обозначает владение. Вырезается на дереве борти («клал знамение»).
2. Колозня – отверстие, через которое выдалбливалась колода (колоды употреблялись в северных лесных местностях России).
3. Пята – нижняя часть колоды (16 см).
4. Голова – верхняя часть колоды.
5. Кирень (плетень, лезиво) – плетёный широкий ремень длиной до 4-х м, служит для подъёма на борть и крепления на ней.
6. Подножье («лянга», подножка) – брусок из дерева, сделан полукругом. Он крепится верёвкой вокруг ствола. На подножке стоит человек-пчеловод.
7. Жень, «лежачий коготь» – железная скобка с когтем, «снасть, стремечко». Подвязывалась к ногам бортовщика, когда нужно было лезть на борть.
8. Должан – кривой топор для вырубки борти.
9. Должея – отверстие для вырезки сот.
10. Кирама – ремень для подъёма борти-колоды.
11. Батман – тара из липы для хранения мёда.
12. Боровки – боровые дикие пчёлы.
13. Вешанка – долбленная колода-улей, подвешивается на дереве в лесу.
14. Кабицы – лесные территории, на которые делились бортные угодья (ухожеи), т.е. своеобразные медовые хранилища (в центральных областях).

ПРОЕЗД ССЫЛЬНЫХ ДЕКАБРИСТОВ ЧЕРЕЗ ЕКАТЕРИНБУРГ

К 210-летию со дня рождения А.С.Пушкина

Виктор ЗЕЙФЕРТ

г. Екатеринбург

С декабристами у А.С.Пушкина была давняя и крепкая дружба. С И.И.Пущиным, В.К.Кюхельбекером и В.Д.Вольховским юный Пушкин познакомился ещё в стенах лицея, а с лихими гусарами Н.Раевским и др. подружился в лейб-гвардейском полку, расположенном по соседству в том же Царском Селе. С армейскими офицерами генерал-майором М.Ф.Орловым, его адъютантом майором В.Ф.Раевским и подполковником П.И.Пестелем судьба свела поэта во время его южной ссылки. Также в годы южной ссылки А.С.Пушкин встречался с Марией Николаевной Раевской, будущей женой декабриста С.Г.Волконского. А.Пушкин изобразит её или посвятит ей свои стихи и прозу: «Кавказский пленник» (образ черкешенки), «Бахчисарайский фонтан», «Евгений Онегин» (лирическое отступление: «...как я завидовал волнам...» и прочее).

Находившийся в очередной ссылке в Михайловском опальный поэт в «дни скуки и душевной тоски» часто вспоминал о друзьях, будущих декабристах. Только однажды зимой 1824 года А.Пушкина в его заточении неожиданно посетил лицейский друг Иван Пущин. В конце 1825 года А.Пушкин получил радостное письмо из Москвы от того же И.Пущина с приглашением посетить Петербург для дружеской встречи. Обрадованный этим приглашением, Пушкин мигом собрался в столицу. Но в пути дорогу перед возком неожиданно перебежал заяц, и суеверный поэт со словами «добра не будет» вернулся обратно.

Трагические вести о неудавшемся декабрьском восстании в столице вскоре дошедшие до Михайловского, и начавшиеся после этого допросы следствия и аресты всерьёз взволновали поэта. «Я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков», – вспоминал поэт, беспокоясь за свою судьбу. Хотя формально в число прямых участников он не входил, но опасался, что среди декабристов успешно ходили в рукописях его возмутительные стихи.

Ожидая, что преследование неизбежно коснётся и его лично, А.Пушкин заблаговременно предупредил своего давнего покровителя и заступника известного поэта В.Жуковского на сей раз не брать его на поруки перед Государем, чтобы избежать личных неприятностей и не запятнать свою честь и достоинство.

В начале сентября 1826 года из Москвы в Михайловское среди ночи примчался нарочный жандармский офицер и объявил А.Пушкину повеление срочно собраться в поездку. А.Пушкин был уверен, что его сразу повезут в Сибирь. Но оказалось, что его доставили в Москву.

По свидетельству историка и журналиста М.Погодина, Пушкин по дороге из Михайловского в Москву написал цикл «Пророк» из четырёх стихотворений противоправительственного содержания, из которых три были уничтожены, и что существовала редакция финала с призывом к пророку России:

«Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием вкруг выи
К У. Г. явись».

«У. Г.», по догадке лучшего знатока биографии Пушкина М.А.Цявловского, расшифровывается как «убийце гнусному», то есть к новому царю Николаю I. Со-

гласно одной из версий, возможно легендарной, когда А.Пушкин предстал перед Николаем I, в его кармане лежал листок с этим крамольным четверостишием, который он намеревался дерзко вручить царю в случае конфликта, чтобы поддержать своих друзей-декабристов. Это четверостишие показывало большую скорбь к казнённым декабристам и ненависть к царю-палачу.

В пыльном, грязном дорожном костюме он был представлен императору. На прямой вопрос государя Николая I: «Принял ли бы ты участие в 14 декабря, если бы был в Петербурге?», А.С.Пушкин не боясь, честно ответил: «Непременно государь – все друзья мои были в заговоре, и я не мог не участвовать в нём... Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю Бога».

После восстания на Сенатской площади А.Пушкин не порывал связей с декабристами. Трагическая судьба декабристов, всегда волновавшая поэта, нашла своё отражение в строках романа «Евгений Онегин». Известно, что А.Пушкин хотел даже сделать героя Евгения Онегина декабристом и привести его 14 декабря на Сенатскую площадь столицы. В черновых набросках к «Евгению Онегину» А.Пушкин упоминает о декабристе П.И.Пестеле. Иногда на полях рукописей поэта мелькал печальный рисунок виселицы с пятью повешенными.

***

Царское правительство жестоко расправилось с заговорщиками. Пятеро руководителей восстания были казнены. Более 120 активных участников были приговорены к ссылке в Сибирь на каторжные работы, сотни офицеров были разжалованы в рядовые и посажены в мрачные казематы многочисленных крепостей и фортов или сосланы в далёкие армейские гарнизоны. Большинство солдат мятежного Черниговского полка подверглось избиению и экзекуции «сквозь строй» и отправлено в действующую армию.

Через Екатеринбург, один из крупнейших пересыльных пунктов на Сибирском тракте проследовало более сотни осужденных. В Сибирь следом за ними проследовало также 19 мужественных женщин: жён, матерей, сестёр и невест осужденных. Начиная с августа 1826 года, через город проносились тройки с осуждёнными, закованными в кандалы. Каждую партию сопровождали семь егерей и жандармы. Тройки мчались и днём, ночью, и останавливались на почтовых станциях только для смены лошадей, а через два дня на третий – на ночлег. При такой бешеной гонке тройки попадали в Екатеринбург через 10–15 суток после отправления из столицы.

Первые партии осуждённых, в которую входили Е.П.Оболенский, В.Л.Давыдов, А.И.Якубович и А.З.Муравьев, проследовали через Екатеринбург в начале августа 1826 года. Во вторую партию, прибывшую в Екатеринбург через два дня, входили генерал-майор С.Г.Волконский и полковник С.П.Трубецкой. Третью партию составляли только два человека А.А.Бестужев-Марлинский и М.И.Муравьёв-Апостол. М.И.Муравьёв-Апостол с большой теплотой вспоминал проезд в Сибирь через Екатеринбург; «Фельдъегерь вёз нас через Ярославль, Вятку, Пермь и Екатеринбург. Тут остановились мы у почтмейстера, принявшего нас с особым радушием». В первой половине августа через Екатеринбург проехало большинство из приговорённых к вечной ссылке в Сибирь.

***

С любопытством и настороженностью узнали горожане, что по пути в сибирскую ссылку в город привезли «государственных преступников», поднявших руку на «царский трон». Приезд декабристов привлёк внимание многих екатеринбургских обывателей. Кто же они такие – государственные преступники? При всех строжайших запретах общаться с декабристами горожане не пугались вступать с ними в переговоры.

Почтовая станция в Екатеринбурге находилась во дворе флигеля дома Гилёвых на углу улиц Колобовской и Клубной. Она была хорошо видна из окон знаменитого особняка на Вознесенском проспекте (ныне Дом творчества молодежи), принадлежавшего богатому купцу и заводчику Л.И.Расторгуеву. Его родственник Я.И.Расторгуев встречался с доставленными декабристами. В своём дневнике он отмечал: «...никто из осуждённых не имел не только зверского, но даже сколько-нибудь неприятного вида, напротив все возбуждали к себе сожаление о постигшей их участи».

Среди любопытных и сочувствующих находились дамы городского света и в их числе Наталия Александровна Колтовская, владельца Сысертских горных заводов. В одном из осуждённых она узнала Михаила Пущина, тоже декабриста и первого лицейского друга А.Пушкина. Сыновья Колтовской в Петербурге были хорошо знакомы с Михаилом Пущиным, поэтому Наталия Александровна предложила ему своё гостеприимство, которым он, государственный преступник, разумеется, воспользоваться не смог.

Много других встреч и событий повидала почтовая станция города. А.Муравьёв вспоминал: «...один молодой человек, оттеснив наших сторожей, ворвался в комнату, где мы находились, и сказал: "Господа, мужайтесь, вы совершили самое прекрасное, самое благородное дело. Даже в Сибири вы встретите сочувствие!"»

***

Среди любопытных оказалась и наследница золотопромышленника М.Г.Крюкова, приехавшая с отцом из Сибири в марте 1828 года в гости к дяде. И пока отец, и дядя были увлечены встречей и обсуждением своих хозяйственных проблем, дочка дяди предложила гостье посмотреть на прибывших в город каких-то «государственных преступников». Несмотря на морозный мартовский день, молодые подружки от хозяйского дома на Ломаевской улице быстро пересекли напрямик по льду городской

пруд и подошли к почтовой станции на противоположном берегу.

Отряхнув снег и немного отдышавшись, они вошли в помещение, в котором толкались люди. Осмотревшись, подружки из любопытства робко приоткрыли дверь комнаты, где за столом сидели осуждённые. Увидев девушек, один из них восторженно воскликнул: «О, какие премиленькие барышни». Смутившись, они отошли от двери. Закончив чаепитие, этот осуждённый медленным шагом, чтобы не греметь цепями, вышел из комнаты и подошёл к девушкам. Они с нескрываемым любопытством старались разглядеть человека, дерзнувшего участвовать в заговоре против императора. К их немалому удивлению перед ними стоял стройный молодой человек с привлекательной внешностью, пышными усами и грустными глазами на бледном лице. Он нисколько не был похож на злодея, а скорее походил на благородного рыцаря из старинных рыцарских романов.

«Милые прелестницы», – сказал он улыбнувшись. «Не лишайте же нас последнего удовольствия видеть ещё раз живую красу», – добавил он, тяжело вздохнув. Эти душевные слова, конечно, взволновали барышень и вселили в них ещё большее уважение. «А вы не сожалеете о том, что произошло?» – спросила сочувственно кузина. «Нет, нет. Честь носить оковы для блага Отечества удел завидный», – горделиво воскликнул он. Разговаривая с кузиной, он иногда поглядывал на гостью-сибирячку. И она замерла от этих взоров и ласковых очей.

И девушки, конечно, заинтересовались, кто же этот обаятельный и любезный господин. По прогонной грамоте какой-то Мишель Лунин пояснила хозяйка станции. Действительно это был известный среди декабристов штаб-ротмистр Михаил Сергеевич Лунин. Он был сторонником самых крайних мер, вплоть до истребления царской династии. Вездесущая «Колтычиха» тут же рассказала, что М.Лунин слыл в столичном свете как скандалист, повеса и дуэлянт.

А.С.Пушкин хорошо знал этого храброго человека, активного участника Отечественной войны 1812 года.

«Друг Марса, Вакха и Венеры
Здесь Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры...», –

напомнил поэт в 10 главе романа «Евгений Онегин».

Вскоре жандармы заторопили осуждённых и вывели их во двор станции для посадки. Увидев их, и услышав звон кандалов, все пришедшие поснимали шапки, несмотря на мороз. Женщины плакали и бросали в сани деньги. Михаил Лунин, перед тем как скрыться в возке, отыскал сестру взглядом в толпе и сделал движение, звякнув цепями, словно хотел вернуться. Потом улыбнулся и помахал рукой. Кузина, заметив это, шепнула подруге на ухо: «Да у вас, кажется, объяснение, Поздравляю!» В последствии сибирячка долго спрашивала себя, могла бы ли она связать свою судьбу с этим понравившимся с первого взгляда человеком и ехать с ним в ссылку как невеста осужденного?

К сожаленью, её дальнейшая жизненная судьба неизвестна. Но, безусловно, что, возвратясь домой, в город Минусинск, богатая наследница участливо и благосклонно относилась к страданиям сибирских каторжников, работавших на рудниках и заводах города.

Наконец, тройки, вырвавшись из ворот станции, под дружное гиканье ямщиков, промчались по заснеженным улицам. Вскоре всё скрылось из глаз и ушло невозвратимо и навсегда. У серых гранитных столбов сибирской заставы города с орлами на макушках тройки остановили свой бег. Вышедшие из повозок арестованные неистово молились и беззвучно шептали: «Прощай Россия». Глазами полными слёз, они всматривались в неведомую, неизбежную даль, волнуясь за свою дальнейшую судьбу.

ПЕРЕХОДНИК*

Владлен КОЗИНЕЦ

г. Екатеринбург

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

...Лучше быть предметом зависти, чем сострадания...

Геродот

Худенький оператор с уральского телевидения Шурик (вот кому благодать, в одной футболке, шортах и шлёпанцах на босу ногу) снимал без продыху. Редактор Козыревский велел «убить» метров девяносто именно на эту игру. По укоренившейся журналистской привычке опережать события Вадим уже осмотрел спортивный зал, где с завтрашнего дня состоятся игры турнира, и заключил, что там они ни черта не снимут: и пятисот люкс не наберётся. Значит материал на передачу с игровыми эпизодами надо набирать на натуре. Синхронные интервью можно будет снять на награждении, и всё, передача готова.

Идея этой передачи возникла ещё до переходника. Козыревский обычным порядком подал заявку...

– В августе на юга собрались? Понимаю! – недобро усмехнулся главный редактор. – Значит дополнительный отпуск себе организовываем? Поди, и семья там уже отдыхает?

– С семьёй угадали. Только они на море нежатся, а это на добрую сотню километров в сторону. – Вадим основательно уселся на стул: ясно, что разговор предстоял нелёгкий, не в два слова. Как, впрочем, случалось почти всегда в подобных случаях. Командировку в Арабские Эмираты выбивал чуть не месяц, в Западную Германию почти столько же. Элементарная зависть грызла начальничков, от которой они никак не могли избавиться. Их где-то можно было понять: сидят сиднем в своих кабинетах, кроме подчинённых никого в глаза не видят, разве это жизнь? А тут ещё юга всякие, заграницы...

– Так ведь сто километров для бешеной собаки – не крюк, как говорится.

– Поедем за счёт баскетбольного клуба, для нашей конторы, получается, расходов никаких, – прибегнул к проверенному приёму Козыревский.

– А работать здесь тоже за вас этот... клуб долговязых будет?

– Так ведь это и есть наша работа: освещать, как команда возвращается в высшую лигу. Или, может быть, я что-то путаю, нет?

– Вот вернутся с победой, тогда и сделаете передачу.

– Опять за рыбу деньги, командир?! Мы в очередной раз докажем свою махровую провинциальность. К тому же сразу после турнира команда планирует отдых на море. А когда вернётся, тема уже устареет.

– Ничего, переживём. Одной передачей на Руси меньше. Мне зачем склоки в коллективе, сам подумай. Ты себе хоть на минуточку представь, какую реакцию вызовет эта твоя поездка на целую неделю в бархатный сезон туда, куда люди целый год мечтают попасть в отпуск, за свои кровные.

– Бархатный, как известно, в сентябре наступит. Через месяцок, не раньше.

– Ага! А сейчас там все мёрзнут! Не держи меня за лоха, товарищ спортсмен.

– А что это так сплетни вдруг заботить стали? Ну, позудит кое-кто. Завистников всё раздражает, в том числе и вояжи руководящих деятелей, которые передач-то как раз и не привозят. Из той же Запад-

* Окончание. Начало в № 2, 4, 2009.

ной Чехии, куда наше начальство уже не по разу смоталось. Между прочим, беззастенчиво пользуясь тем, что места в делегациях предоставляются для телевидения, а не персоналиям из высоких кабинетов.

– Побратимские связи – это политика! Посему в подобных случаях всегда следует монаршее волеизъявление. Мне лично совсем не жалко, езжайте. В Чехию я не ездил, в силу возраста отпуск предпочитаю проводить на даче с внуками. А вот зад подставлять из-за тебя совсем не намерен.

– Ну, раз речь зашла о филейной части... Её-то точно беречь нужно. Иначе на чём сидеть прикажете?

– А то о какой же? Бьют-то ведь исключительно по ней. Не тот случай, чтобы по голове досталось. Трезво соизмеряем степень риска.

Соизволение последовало незамедлительно. Один звонок в Серый дом, где персоны были выше мелочности телевизионного начальства, и тут же, будто так и планировалось, появился приказ: в связи с важностью события, в оперативном, стало быть, порядке...

Расходы на себя взял областной спорткомитет, команда успела улететь. И билеты в оба конца организовал всё тот же спортивный орган: попробуй их достать в это время года! Только по броне облисполкома, предназначенной для таких вот экстренных случаев.

– Ты там внимательно посмотри, незамыленным глазом, – напутствовал Козыревского зампред областного спорткомитета, по привычке ероша пятернёй ёжик густых седых волос. – Возрастная у нас команда. Может, приглядят кого со стороны. Высшая лига спросит строго! Надо будет – поучаствуй. Ты же грамотный мужик.

– Если доверят. Наши ДЮСШ плохо смену готовят?

– То-то и оно! Вообще в этом клубе сложилась традиция брать из других команд готовых игроков, за редким исключением свои попадают – как Пьянкова. Ты, поди, не всё знаешь. Громову они нашли в своё время в Воронеже, там нет серьёзной команды, для девки это было счастье. Здесь и замуж вышла. Здесь же и разошлась, и дочку родила. Соловьёва из Горького. С боем отпускали! Пришлось нам активно вмешиваться. Камшацкая из Ташкента родом. Не так-то просто сколотить классный коллектив!

– Я тут снимал сюжет для новостей, – усмехнулся Козыревский, – не по своей теме, коллегу подменял. С заседания областного отдела культуры. Там похожий тарарам поднялся: почему, дескать, режиссёры нашей киностудии актёров всегда берут из Москвы и Ленинграда?

– Ну, и что киношники ответили, интересно?

– Там один мужик из киностудии чётко срезал напористую чиновницу. Он спросил: вы сами-то ходите в наши театры? Гамлет – пятьдесят шестого размера, где я ему под пару Офелию, в оперном искать буду? Там тоже все солистки с пятым номером... повыше пупка.

– Вот и наши так же. Берут, кто нужен для дела. Ну, с богом! Двигайте! И, как говорится, со всем журналистским мастерством...

Из операторов Вадим решил взять именно Шурика, потому что тот как-то признался, что ни разу не был на море. А в том, что они туда вырвутся хоть на денёк, Козыревский совсем не сомневался: смешно быть у воды и не напиться. Они прилетели следом за командой, разместились в той же, что и команда, гостинице «Спорт», перед игрой заскочили в буфет: Вадиму захотелось, как старшему в их маленькой бригаде, произвести впечатление на Шурика. Он заказал бутылку шампанского сорта «Брют». Буфетчица намётанным глазом оценила внушительную фигуру слегка седеющего комментатора и больше для порядка уточнила: «Вам «Брют» с чёрной этикеткой?». Вадим понимающе кивнул.

На игру они успели как раз к началу, благо матч проводился в этот день третьим – как самый значительный. И тут уже узнали, что будут свободны от съёмок буквально со следующего дня.

– Так что, Вадя, дранг нах море! – заключил Концавичус. – Да и что тут снимать, даже если бы у тебя были все условия? Порвём всех, как Тузик грелку. Не для того сезон по кацепетовкам корячились, не под кого здесь ложиться. Наша путёвочка, наша. Одна на всех. За ценой стоять не будем, как ты сам понимаешь.

КОНЦОВКА МАТЧА

...Иллюзии гибнут, факты остаются...
Дмитрий Писарев, русский публицист

– Громова, Соловьёва! На площадку! – Саразиев слегка хлопнул их обеих по спинам, отправляя в завершающую атаку. – Пусть они эти прощальные три минуты на всю жизнь запомнят! Добейте их! – и он сделал выразительный жест римских патрициев большим пальцем вниз. Скорее всего, для публики. На что болелы откликнулись привычным рёвом! Дня оказалось достаточно, чтобы любители этой захватывающей игры наполнились восхищением игрой уральской команды! И девчата оттянулись вволю! Сначала Соловьёва пивотами[1] разметала команду южанок и уже перед самым броском скинула пас Громовой. Ольга, в свою очередь, не просто забросила мяч в корзину: повернувшись в воздухе спиной к щиту, она кистевым броском, не глядя, прошила овал соперниц. Затем они поменялись ролями, проделав то же самое в обратном порядке. Потом Соловьёва, умотав ложными движениями рук защиту хозяев площадки, не глядя, сбросила мяч Пьянковой на угол, и та, вдохновлённая примером старших, прямо с угла уложила чистейший «трёхочковый». Тут и Камшацкой захотелось отметиться напоследок: свои три «трёхочковых» она снайперски положила с центра поля! На момент финального свистка разница в счёте достигла полусотни очков, а цифра уралочек зашкалила за сотню. Полный разгром!

ЗАБРАТЬ ЦЕНТРОВУЮ

...Повторяться каждый раз подругому – не это ли и есть искусство?..
Станислав Ежи Лец,
польский поэт и афорист

В номере у Концавичуса, когда остались без посторонних ушей, Саразиев объявил:

[1] Обманное движение корпусом.

– Начинаем завтра, день на подготовку. Вадим с Шуриком точно уедут? Пресса нам ни к чему.

– Абсолютно! – подтвердил начальник команды. – Я им билеты взял на утреннюю электричку. В порядке шефской помощи. Они сегодня от пуза наснимали, на передачу за глаза хватит. У Вадима жена с ребёнком в пионерском лагере, они так каждый год делают. Она воспитательницей устраивается, пацана в отряд. Вадим физруком в Ялту ездил в прошлом году. При их-то бюджетных зарплатах иначе не проживёшь.

– Вот и мы не должны оплошать. Да, доктор?

Шуликовский был третьим и последним в этой компании. Не считая опустевшей бутылки сухого вина местного разлива и остатков дыни на столе.

– Не впервой нам гангстерский налёт! – подтвердил эскулап. – Справимся.

– Значит так. – Саразиев привык не загибать пальцы, а наоборот, разгибать их, когда требовалось подчеркнуть важность сообщения, в Европе эту привычку подхватил. Вот и сейчас он поочередно выбрасывал из сжатого кулака большой, указательный и все остальные по очереди. – Тебя, Олег, я завтра не вижу: собрать максимум информации, всё до мельчайших деталей. Что за семья, чем и как живут-дышат, какие могут быть подвохи. На полдня даю тебе дока. Ровно через сутки собираемся у меня для анализа. Пойдём в среду, в перерыве турнира: три команды уже заказали обратные билеты после двух поражений, отсюда и незапланированный выходной – чтобы в субботу при местных властях вручить призы.

МОРЕ

...Эпоху можно считать законченной, когда истощились её основополагающие иллюзии...

Артур Миллер,
американский драматург

Море произвело на Шурика совсем обратное впечатление по сравнению с тем, что ожидал Козыревский. Вадим помнил, как заблестели у жены глаза, когда он ей тоже впервые показывал море. Сам он, коренной северянин, эти прелести осязал с детства, да так, что они порой надоедали до икоты: железнодорожный маршрут Воркута – Сочи был обкатан их семьёй не один десяток лет, другой отдых в пятидесятые никто себе и не представлял. Ну разве что, если не Сочи, так Ялта, один чёрт.

В Сочи ездили, как к себе домой, так что даже адрес намертво впечатался в память: Навагинская, три. И в перевалочном пункте под названием Москва тоже был один и тот же Арбат, улица Федотовой, дом девять, полуподвальное помещение друзей его родителей, в прошлом тоже северян. Одна и та же арбатская компания корешей.

Однажды, когда они дружно перемахивали через высокий деревянный забор стадиона «Динамо» (не покупать же билеты на свой любимый «Спартак»), один из парней радостно хлопнул Козыревского по плечу:

– Привет, Вадька! Уже отпустили?

– Откуда?

– Ну дак парни говорили, что после той драки с динамовскими, когда ножи в ход пошли...

– Что-то не припомню...

– Я поспрошал, говорят: Вадим на севере. Я так понял, в колонии...

То есть он всерьёз считал Козыревского москвичом.

Правда, в случае с женой это было не ставшее уже привычным Чёрное море, а Балтика. Они тогда только-только поженились, и Вадим, служивший в армии офицером-двухгодичником, поспешил отвезти её из Калининграда в Светлогорск, на курорт. Тоже была электричка, и так же распахнулось далеко за горизонт море. Здесь оно тоже, что называется, распахнулось, однако совсем не тем местом. Если в Прибалтике прибрежная полоса была ярко очерчена зелёным хвойно-лиственничным лесом, то здесь...

– Это что, так люди всегда отдыхают? – сощурился оператор на бесконечный палаточный кемпинг вдоль берега, где людской муравейник копался в машинах, что-то жарил-парил на керосинках и кострах... Не так представлялось ему в мечтах черноморское побережье! – Денёк побудем, и назад. Ага?

Они устроились удачно. Жена познакомила Козыревского со сторожем на пляже их пионерского лагеря, а тот и рад был: очень уж беспокоила его компания из бывших афганцев, повадившихся по ночам купаться на чистеньком и недоступном днём лагерном пляжике. Оглядев с пониманием накачанного журналиста, сторож, сам из бывших ментов, с нескрываемой радостью поинтересовался:

– Поди, спортом активно занимались?

– Да, мастер спорта по «классике». Был, конечно. Сейчас уже не то...

– Бывших мастеров не бывает. Мне Лизонька о вас рассказывала. Очень душевный человечек, повезло вам с ней. Дети её любят, так хороводом и вьются, и сын у вас хороший, не хулиганистый.

Козыревский с Шуриком расположились на житьё в душевой. Просторно, звёзды сквозь решетчатую крышу светят, дождей не предвидится, так что уж парутройку дней на пляжных топчанах можно пожить. С оплатой по самому низкому тарифу: пара портвешков сторожу. Накупались от пуза за эти три дня, босиком по песочку нагулялись на много лет вперёд. Дважды к Вадиму ночью наведывалась жена, Шурик в это время с удовольствием принимал ночные морские ванны. Красота, конечно, но в пионерлагерь Вадима было уже не заманить. Хватило прошлогоднего ялтинского опыта. Ну и гадюшник образовался из их педагогического коллектива! Ссоры, интриги, бесконечное стукачество начальнице лагеря друг на друга. А уж сама начальница! Видать, не накомандовалась в школе, где много лет проработала директором. Такие понты разводила, куда там начальству Козыревского! Было и ещё одно обстоятельство, на которое Вадиму деликатно указал компьютерный специалист из Москвы, полковник-пенсионер, который уже много лет вёл здесь кружок «Умелые руки».

– Вы, Вадим Сергеевич, невольно нарушили традицию этого пионэрлагеря. Как вы думаете, кем в зимнее время служит здесь наша весьма возрастная старшая вожатая? Сторожем! И долгими крымскими холодными ночами она мечтает о лете, когда в её постели окажется мускулистый физкультурник. А вы здесь с женой, да ещё с такой хорошенькой. И, судя по всему, целлюлитные прелести этой вожатки на вас не произвели никакого впечатления. А они с директрисой подружки уже лет сто! Учтите это при выстраивании линии поведения.

Учитывай, не учитывай, а вскоре началось: то флаг косо висел на линейке, кто за этим должен следить? Не мне же, женщине, карабкаться по шесту? То отчета от вас никак не дождёшься: сколько минут длилась зарядка? И почему это во время тихого часа в футбол играли? Дисциплина обязательна для всех!

Правда, одно доброе дело Вадиму удалось-таки свершить. Лагерь располагался на горке, по всей территории был проложен асфальт. Годился он, пожалуй, разве что для хождения строем. Конечно, в основном отдых проходил на море. Но одним морем сыт не будешь. Однажды приехало начальство: молодой директор завода, на чьём балансе находился лагерь, председатель профкома – в годах, но тоже достаточно спортивный, подтянутый мужик, средних лет начальник ЖЭКа и заместитель председателя парткома; комсомольский секретарь догнал их на «Москвиче». Вадим и предложил: вместе с шофёром у вас как раз набирается волейбольная команда, сыграем? Гости, в преддверии баньки и сытного ужина, легко согласились. Вадим сколотил команду из пионервожатых, и они активно выдрали начальство чуть ли не под ноль!

– Знаете, в чем причина вашего поражения? – спросил Козыревский у директора завода, когда они забрались на верхнюю полку в парной. – Мы уже привыкли приземляться коленями об асфальт.

– Намёк понял! – кивнул головой директор. – Завтра не обещаю, в обкоме с утра буду, а послезавтра ждите машины с речным песком, у нас его в карьере девать некуда. Просеять от камней, раскидать сами сможете? Или работяг тоже придётся присылать?

– Управимся! – заверил Вадим.

Так в пионерлагере появились и сносная футбольная поляна с песочным покрытием, и площадки для волейбола, баскетбола, легкоатлетическое ядро... Какое-то время Козыревский ходил в героях, но мужчин-героев не любят в педагогических коллективах, состоящих практически из женщин. Опять начались придирки, и Вадим для себя решил раз и навсегда: а не пошли бы все куда подальше! Раз жена-инженер легко вписывается в эту среду, обойдётесь без меня. Наученный горьким опытом, Козыревский общался с семьёй полуподпольно: с женой по ночам, с сыном днём, когда начальства не было поблизости...

...Вернулись они к награждению. Вечером в тренерском номере, где собралась вся мужская часть команды, дверь с треском распахнулась, и в комнату вошли два хмурых широкоплечих мужика в вышитых украинских рубашках. Козыревский узнал в них тренера и начальника команды южанок. Незваные гости, не спросясь, сели за стол. Тренер недобро уставился на Саразиева и с трудом, глядя исподлобья, выдавил из себя:

– По живому режешь!

Саразиев молча поднялся, поманил тренера за собой: дескать, не при всех. Оба решительно вышли в коридор. Начальник команды остался. Посидел, набычившись, пару минут, полез в карман широченных брюк, вытащил бутылку «Старки». Молчком открыл, налил себе полный стакан, выпил, не закусывая. Тишина стояла гнетущая.

– Так нельзя, парни! – ни к кому конкретно не обращаясь, угрюмо сказал он. – Так не делается. Не полюдски это!

СОВЕТ

...Пропаганда – это искусство сфотографировать чёрта без копыт и рогов...
Ханс Каспер, немецкий публицист

Пока Козыревский с Шуриком нежились на море, в тренерском номере, как и планировалось, собрался совет трёх.

– Ну, и что мы имеем? – спросил Саразиев.

– Пусть Олег говорит, – предложил Шуликовский. – Мы с ним уже обменялись всем, что смогли нарыть.

– Много получилось?

– Достаточно, чтобы призадуматься! – ответил за обоих Концавичус. – Стоит ли овчинка выделки?

– Мы пойдём всё равно! – с напором подчеркнул Саразиев. – Это-то как раз и не обсуждается. Другое дело – не зная броду... В общем, слушаю вас, асы разведки.

– Получается так, – с облегчением начал докладывать Олег: тренерская уверенность вдохновляла, осталось обсудить пути к победе, а это уже другой коленкор. – Фамилия Гнатив у них идет от бабушки: простая тётка, с нею проблем, мне кажется, не будет. Зовут Оксана Апанасовна, всю жизнь домохозяйка. Правда, её чуть было не обрусили, записали в паспорте Гнатива, но все остальные фамилию сохранили в незалежной неприкосновенности. Хотя и весьма своеобразно, но об этом чуть потом. Живут в собственном просторном доме, жильём их не прельстишь.

– Ты вот что, – перебил Саразиев. – Сначала изложи факты, анализ потом будем делать. Чтобы нить не терять.

– А вот остальные члены семьи – просто гремучая смесь. Муж Оксаны Апанасовны, дед Виргинии, уже почил в бозе, но человечек был, судя по всему, очень даже не простой: профессор местного педа, лингвист. В молодости носил неплохие погончики, отнюдь не общевойсковые – работал и в Италии, и во Франции ввиду безупречного знания языков. Фамилия его была Зюськинд, звали Матвей Израилевич, – и Концавичус мельком взглянул на Шуликовского.

– Давай, давай, продолжай! – снова одёрнул его Саразиев. – Сдался нам тот профессор-разведчик, которого нет.

– Думаю, что сдался! – парировал Олег. – Вернее, он-то бы как раз ни за что не сдался: по всему

получается, из крепких «сталинских соколов» был дядёк. А сейчас есть мамочка нашей Виргинии Жанна Матвеевна, уверяют – вся в папочку покойного. И не только потому, что унаследовала страсть к иноземным языкам и скоро тоже станет профессором. Эту особу характеризуют знающие люди как редкую занозу с языком острее лезвия, под ноль любого обреет. Помоги господь тому, кто попадёт в её враги. Но это ещё полбеды.

– В чем же беда? – азартно поинтересовался Саразиев.

– В здравствующем папочке Виргинии, как мне представляется! – зло отреагировал Олег. – Фигура весьма зловещая для нашего дела! Пусть лучше док о нём доложит, это его сведения.

– Отец Виргинии, – продолжил рассказ Шуликовский, – крымский татарин. Его семью в войну изгнали в Сибирь, потом, по указу от пятьдесят шестого, вернули назад. Он уже большой был, нахлебался вдоволь. Поэтому, когда тут были волнения, студент Мухамадиев, естественно, принял в них активное участие. И его, как и водилось в те года, укатали в места не столь отдалённые. Правда, выпустили через пару лет. Они тогда с матерью Виргинии были уже знакомы, он на матмехе учился, и когда вернулся, тут же поженились, причём взял Исса Ильясович фамилию жены, тоже стал Гнатив. По понятным соображениям.

– Маленько твою историю напоминает, Сёма, ага? – встрял с замечанием Олег. Но Саразиев его оборвал:

– Дальше, дальше. Это всё дела давно минувших дней. Что сегодня он делает, этот татарский выкрест?

– Точно, выкрест! – подхватил Шуликовский. – Сейчас его все зовут Иван Иванович. Виргиния и по документам числится Ивановна. Но тут я вынужден всё же сделать экскурс в прошлое. Вернулся этот Исса, женился, а ходу ему не дают: в институте не восстановили, на работу не хотят брать. А у него характер! Не мог на шее тестя-профессора сидеть. Маленько побатрачил в своей родной деревне, здесь недалеко, да и рванул на север опять, на этот раз добровольно. Пока жена тут рожала наш предмет интереса, её папочка прибился к известной артели «Печора» знаменитого Туманова. Дороги строил. Через год вернулся, сколотил свою артель и с тех пор тоже дороги мостит. Денег, говорят, имеет немеряно! Такого не купишь!

– Всё? – упрямо наклонив лоб, спросил Саразиев.

– Теперь всё! – синхронно ответили собеседники. С минуту хранили молчание. Наконец тренер решительно рубанул рукой воздух.

– Информация интересная. Молодцы, глубоко накопали. Из неё следует, что отступать мы не будем. Давайте проведём контент-анализ. Минусы: богатые – зарплата дочки их интересовать не может, квартира ей тоже не нужна. Образованные: в лоб атака не пройдёт. Теперь плюсы. У девки карьера на излёте, а у нас команда выше классом, это может быть лестным предложением. Не замужем – раз в этом городке не получилось, может, на Урале срастётся. Это уж ей на психику давить надо, с такой мамашей выйдешь, как же! Хотя и та должна быть заинтересована во внуках-внучках. Третий плюс: поездки в дальние страны. Мир интересно посмотреть? Их команду хрен когда куда-нибудь пошлют, у нас это система. Разговор, конечно, будет трудным. Ну так что же, жизнь вообще трагедия со смертельным исходом. Во всяком случае, расстрел нам там не грозит. Есть у нас ещё зацепочки. Мамка, говорите, лингвист? Французский-итальянский? Так вот, Сёма, ты френч свой, надеюсь, не забыл ещё совсем? Плюс, извини, твой шнобель здесь очень будет к месту. Да и моего итальянского должно хватить на один разговор. Зря, что ли, меня девки в Риме звали «дон колонелло»?

– Полковник, стало быть? – облегченно хохотнул Семён: раз Игорь шутит, значит можно расслабиться.

– Вот именно! Не какой-нибудь ванька-взводный! В принципе, по-французски, да и по-английски, я понимаю маленько, только вот связать не могу. Так что буду, в основном, слушать. А переводчиком Сенька будет, если до этого дойдёт. Во всяком случае, спагетти от дольче[1] как-нибудь отличим.

– Или от choucroute, – добавил Семён.

– Это ты о чём? – удивился Концавичус.

– Кислая капуста. По-французски. Это я так – чтобы разговорчик поддержать, – увернулся доктор.

– Ладно, эрудиты хреновы. Завтра трудный день предстоит, – завершил совещание тренер. – Дрыхнуть будем до поросячьего визга, чтобы к вечеру были как огурчики!

ОБЛОМ

...Искренность в небольших дозах опасна, в больших – смертоносна...

Оскар Уайльд

Выходной казался бесконечным. Спать толком не спали – спокойствия не было. Выдвинулись под вечер, когда закат оранжево догорал в лёгких, невесомых южных тучках, а в окнах скучно засинело. Команда дружных, одинаково элегантно принаряженных в клубные костюмы мужчин, привыкших к долгим дорогам, к жизни без ежедневного груза семейных обязанностей, а потому настроенных максимально собранно, по-боевому. Вечерние огни казались сонными, умиротворёнными – точно в диссонанс настроению. Все трое ощущали сухость в горле, предвещающую и завтрашний жаркий день, и острый разговор сегодняшнего вечера. Концавичус удивил в очередной раз: вместо такси, которое и тренер, и доктор невольно выглядывали у подъезда гостиницы, Олег широким жестом пригласил в голубой «Москвич».

– Подарок будущей жене на свадьбу. Тут подержанные тачки дешевле, чем у нас дома. Женька нас и отвезёт, и привезёт.

В другой раз было бы не избежать восторгов по поводу оборотистости начальника команды. Молчком сели, в молчании же и поехали. Евгения, убравшая свою рос-

[1] Сладкое (ит.)

кошную гриву под платочек, чувствовала ответственность момента и с разговорами к мужчинам не лезла. Она уверенно направила машину в частный сектор и вскоре, сделав широкий полукруг, не без лихости подкатила к высоким воротам с коваными вставками по всему периметру. Едва они вышли из автомобиля, как за забором глухо зарычала собака. Саразиев постучал, и тут же, будто их ждали, калитка отворилась, дочерна загорелая седая женщина в домашнем халате и тапочках на босу ногу приветливо улыбнулась:

– Проходите, мужчины. Тише, Тарзан!

Огромный «кавказец» вороновой масти послушно поплёлся прочь.

– Иван Иванович маленько задерживается, просил его обождать, – продолжала на ходу хозяйка. – Вы ведь из Краснокамска, насчет договора? Давайте прямо в беседку, мы там всегда летом ужинаем, как раз вовремя успели.

Она увалистой походкой повела их по каменистой дорожке из белого кирпича в глубь заросшего цветами сада. Чего тут только не росло: тонкого аромата фиалки, буйная южная сирень, одуряющие запахом магнолии, померанец. Сам дом был сплошь покрыт густой лозой дикого винограда, стены изящной беседки полыхали цветами пурпурной вистарии, завезённой сюда явно издалека, откуда-то с предгорий далеких альпийских лугов. Глухо падали, лопаясь, созревшие плоды фейхоа.

Не успели гости рассесться за просторным столом, как уже появились на нём бутыль с густой наливкой сливового цвета, деревянные миски с пшённой кашей, в которой отливало янтарным блеском прозрачное поджаренное свиное сало, а середину столешницы украсила внушительных размеров глиняная крынка жирных украинских щей, крепко пахнущих лавровым листом и красным перцем.

– Мы привыкли ужинать плотно, – споро-весело продолжала накрывать на стол Оксана Апанасовна. – Иван Иванович днём почти не ест по жаре, а уж вечером, по холодку... Скоро все соберутся. Да вы накладывайте, не стесняйтесь. У нас всё запросто.

Осторожно вышла Виргиния в застиранном ситцевом халатике, в кедах сорок четвёртого размера на босу ногу, непричёсанная, слегка бледная, несмотря на загар. Села в плетёное кресло несколько в стороне от стола: глазки в пол, мощные руки на коленях. Следом появилась мать. Почти такая же высокая, как дочь, в мягко облегающем её слегка полноватую фигуру зрелой женщины светло-голубом крепдешиновом платье и в накидке из лёгкого бархата гранатового оттенка, с тщательно уложенной причёской пепельного цвета. Всё в ней дышало врождённым изяществом, помноженным на чувство собственного достоинства.

– Бабушка, – тихо пролепетала Виргиния, – вы зря хлопочете. Они не к папе. Они за мной пришли. Будут в свою команду, на Урал звать. – И тут же выскочила из беседки...

– Надо же! – с глубокой иронией, не спеша, протянула мать. – Какое обилие cafe au lait[1] – и такие низменные цели. Похоже, девочка сказала правду. Ну что ж, будем, как у Бунина, «вкушать мёд земных обольщений». Приступайте, молодые люди, мы вас с интересом слушаем. Особенно приятно будет увидеть, как вы, ничего не добившись, с позором станете ретироваться. Желание не пропало?

– Насчет кофе с молоком – это удивительно тонко! – примирительно ответил Саразиев. – Вы предпочитаете более яркие тона? Мы специально выбрали оттенки, не соответствующие zona di Guerra[2].

– Похвально! – удивленно выгнула бровь Гнатив-средняя. – Люблю итальянский! Вы даже не представляете, как меня удивили. Чувствуется подготовка. Как преподаватель, я кое-что смыслю и в психологии, заметьте себе. Поэтому от меня не укрылось, что настроение ваше как раз соответствует той итальянской фразе, которую вы так старательно выучили, чтобы подкупить эрудицией.

– А я по-французски немного обучен, – чтобы разрядить накаляющуюся обстановку, с простоватой миной на круглой физиономии вступил в разговор Шуликовский. – Так что, если понадобится, это по моей части. Или по латыни. Я врач команды. А промессы, как любят говорить французы...

– То есть – обещания, – подхватила с иронией собеседница.

– Вот именно, – радостно согласился Семён. – Они – за руководством. Дайте нам высказаться, а потом уж гоните. А то так сразу в штыки.

– Я вам помогу, – великодушно предложила Жанна Матвеевна. – Вы, конечно же, с места в карьер пообещаете выдать дочку замуж за огромного уральца, не вы первые. Были варианты – за волжанина, сибиряка, даже грузина нам предлагали. Должен же быть у вас такой заманчивый козырь? Plat du jour[3] любой вербовки подобного рода.

– Это тема начальника команды, знакомьтесь: Олег Юозович, – кивнул Шуликовский в сторону Концавичуса. – Главный у нас, естественно, тренер Игорь Борисович. Вы с ним можете всласть поговорить об Италии. Меня зовут Семён. Просто Семён.

– Тренер, надо полагать, является и arbiter elegantiarum?[4] Я не только, как вы догадались, одежду имею в виду. Тогда, если позволите, не будем терять время. Вы давно из Италии, Игорь Борисович?

– Можно просто Игорь, – спокойно кивнул головой Саразиев. – Мы с вами примерно в одной возрастной категории. Так что, если не возражаете, вполне можем обойтись без лишних церемоний.

– А это уж как разговор пойдёт! – слегка напрягла чувственные ноздри Жанна Матвеевна. – Я вас в гости не приглашала.

– Ну уж, коли мы здесь, – невозмутимо парировал Саразиев, – давайте приступим?

---

[1] кофе с молоком (фр.)
[2] зоне боевых действий (ит.)
[3] дежурное блюдо (фр.)
[4] законодатель мод (лат.)

– Отчего бы и не поболтать? – ехидно согласилась хозяйка. – Особенно об Италии. И что вы там делали?

– Я работал в Риме. Тренером. В женской команде.

– У них что, со своими специалистами дефицит?

– Видимо, сочли нужным пригласить именно меня.

– Интересно! И, конечно же, вы в восхищении от итальянского искусства! Считается, что невозможно жить в Италии и не восхищаться её оперными тенорами и художниками.

– Действительно, теноры у них даже в ресторанах отменные. Хотя «Паяцы» я слушал в Миланской опере. Что же касается художников, мне больше нравится строгость мазка фламандцев, итальянцам скорее присуще легкое изящество. А я человек несколько традиционный.

– Хотя, как мне кажется, вы должны быть женаты secondes noces?[1]

Шуликовский хотел было перевести, но Саразиев жестом его остановил.

– Madame, je suis tout joyeuh[2]. Как вы тонко подметили, именно во втором браке. Воздаю должное вашей проницательности.

– А теперь пришли за моей дочкой.

– Я не собираюсь звать её замуж. У меня совсем другие цели.

– Тогда я спрошу: Виргиния действительно для вас or pur?

– Это вы точно выразились, – решил помочь Шуликовский, почувствовав необходимость перевода. – Именно что золото! Самой высокой пробы! И она нуждается, как любая драгоценность, в высокой огранке и соответствующей оправе, произведённой опытным мастером. Которую только и может сделать наш тренер. Ваши этого достичь не смогли. Хотя у них было достаточно времени.

– Ну, золото не очень нуждается в огранке, это определение скорее подходит для алмаза, – покровительственно улыбнулась Жанна Матвеевна. – Но всё равно приятно. И всё же я хотела бы задавать вопросы именно тренеру. Мы же договорились! Игорь Борисович, скажите, свои бамбини у вас есть?

– Мой единственный бамбино появился после сказочной ночи в экзотическом городке с длинным названием Сан-Дона-ди-Пьяве, на родине Тициана, – ответил Саразиев.

– Замечательно. Ergo – это уже латынь, господа эрудиты...

– В курсе, – в тон ей подхватил Семён, но Гнатив будто не заметила его реакции.

– Означает термин «следовательно». Значит, получается, что вы специально совершили эту une petite promenade...

– Что означает «маленькую прогулку», – перевёл с французского доктор.

– ...чтобы действительно забрать у нас дочь? – уже грозно нахмурила смоляные, с изломом брови Жанна Матвеевна. – И какие же ей условия предлагаются? Прежде чем она взойдет на законное letto matrimoniale?

– «Супружеское ложе», – начал переводить тренер, и тут Концавичус, до сих пор сидевший молча, одним движением вынул из внутреннего кармана пиджака и выложил на середину стола ордер на однокомнатную квартиру.

– Комфорт – главное, что может дать человеку цивилизация, – многозначительно промолвил он. – А кремовые занавески из шёлка, в точности как на окнах в вашем замечательном доме, я повешу ей лично сам.

– Trop de zele[3] вы проявляете, мужчины, – саркастически повела бровями мать Виргинии.

Доктор тут же добавил:

– Это наш вклад в notre petit nid[4] вашей дочери. В середине великой России, между прочим.

– Abbastanza bene![5] – покачала головой Жанна Матвеевна. – С крупных козырей ходите!

– Так, может быть, всё же есть предмет для разговора? – в тон ей подхватил Саразиев.

– А вы страшнее, чем я вначале подумала. Когда человек неискренен, это ужасно, но терпимо. Но когда он вот так, на ваш манер, распахнут совсем уж чересчур, это просто какой-то кошмар!

– Ну не в церковь же нам идти, право слово, – снова вступил в разговор Концавичус. – Помолиться, чтобы и вы, и Виргиния увидели всю очевидную выгодность нашего предложения. Тем более что молитвы, как правило, остаются безответными: господь бог конкретно ничего не слышит. Если бы все запросы наверх хотя бы наполовину выполнялись, это были бы уже не молитвы, а деловые переговоры.

– Какая у вас grande passion[6] к свой работе. Не боитесь сгореть раньше времени?

– La consolation – des arts[7], – примирительно улыбнулся Семён.

– Fin de globe![8]

– Fin de siecle[9], – спокойно поправил Семён. – Мы просто обязаны думать по-современному.

– Я не совсем понял, извините, о чём между вами шла речь, – пожал плечами Концавичус, – но поскольку в арсенале деловых людей господствует принцип биметаллизма, мы применяем на практике всяческие ходы: и в золоте, и в серебре. Как видите, наши предложения обоснованны и вполне серьёзны.

– Действительно, – снова решил взять бразды правления беседой в свои руки Саразиев. – Как говорят англичане, «назовем лопату лопатой».

– Другими словами, подойдём к финалу? – откровенно зло взглянула на него в упор собеседница.

– Именно так, – подтвердил Игорь. – Что вас конкретно не устраивает?

– Да вы тут такой котильон сплясали! Голова кругом!

– Котильон действительно сложный танец, со многими фигурами, – усмехнулся Саразиев. – Но среди множества пар ведущая все-

[1] вторым браком (фр.)
[2] Мадам, я очень счастлив (фр.)
[3] Слишком большое рвение (фр.)
[4] маленькое гнездышко (фр.)
[5] Недурно (ит.)
[6] сильная страсть (фр.)
[7] Утешение – в искусстве (фр.)
[8] Конец света (фр.)
[9] Конец века (фр.)

гда одна. Мы прекрасно понимаем, кто в вашей семье принимает решения. Потому и предложение Виргинии делаем именно через вас. Этот разговор у нас первый: заметьте, девочку мы не смущали в отсутствие родителей.

– Тогда вы бы здесь не сидели! В принципе, вы правильно выстраиваете линию поведения. Но есть одно немалое... Как бы поточнее выразиться. Если я ещё не перегрузила вас французским... la mauvais sujet[1].

Саразиев жестом остановил Шуликовского.

– И что же это может быть? – сопроводил он свой вопрос прямым жёстким взглядом.

– У девочки есть отец! И прежде чем священник начнёт водить мою дочь вокруг аналоя с венцом на голове, а дьякон запоет «Исайя, ликуй», не худо было бы спросить его мнение. Хотя... раз вы так иронично отзываетесь о церкви... Команду можно поменять. Виргинии всё равно скоро пора будет заканчивать со спортом. А тут всё же квартира, перспектива замужества... Волк шкуру и то раз в год сбрасывает. Но есть ещё и духовные категории.

– Она что у вас, верующая? – остро воззрился на собеседницу Саразиев.

– А что вы так удивляетесь? – в глазах матери так и плескалось злое торжество. – Говорить – так уж всё, начистоту. У нас вся семья croyant[2]. И с этим принято у тактичных людей считаться! Что же до более прозаических вопросов... Скажем, того же жилья... Мы придерживаемся, как в Англии, принципа «майората»: всё наследство достаётся старшему. А Виргиния у нас единственная! Это дом поставил ещё её прадед, коллежский советник Богдан Гнатив. Чин коллежского советника, к вашему сведению, соответствовал армейскому полковнику, по тем временам прадед Виргинии большой был человек, значительный. В прямом и переносном смысле. Двух метров одного росту! Ну и... Поскольку разговор наш, судя по всему, подходит к завершению... Сказать честно, мне импонирует ваш напористый стиль. Где-нибудь в другом месте у вас бы всё отлично сложилось. Будь девочка и её родители попроще, они дали бы себя ослепить. В нашем же случае... Вряд ли вы знакомы с украинской литературой. Был у нас такой классик, Остап Вишня, он очень метко выразился о подобных настырных личностях: «Господи, ты ж видел, кого творил!». Как всё пошло, брутально. Если пьеса по замыслу была собой и недурна, то уж публика-то точно подкачала!

– Я так понимаю, вы ставите точку, – задумчиво сказал Саразиев. – Как говорится, хочешь осчастливить бедняка, дай ему денег. Счастье богача – возможность на чём-то сэкономить. Позвольте и мне задать финальный вопрос: гуманно ли экономить на будущем единственной дочери?

– Я вам очень сочувствую, – усмехнулась Жанна Матвеевна. – Вам тяжело поверить, что так крупно не повезло. Но так бывает. Особенно если оппонирует женщина с мозгами, да ещё и с чувством юмора, кашу по своему рецепту сварить практически невозможно.

– Жаль! – ответил за всех Саразиев.

– Не считайте меня монстром. Я вполне нормальная женщина и могу устоять перед чем угодно, кроме соблазна. Только вот в ваших предложениях истинного соблазна так и не прозвучало!

Луна уже скользила сквозь рваное поле туч. Неслышная тень выступила из тьмы, окружающей беседку. Смуглый, в простом сером костюме без галстука, худощавый мужчина с глубоко впалыми чёрными глазами и жёсткой курчавой смоляной бородой выглядел зловеще, его взгляд полыхал острым презрением. Сделав увалистый шаг, он властно опустился в свободное кресло – туда, где ранее сидела дочь, опираясь при этом на тонкую ротанговую трость, придающую аристократический вид его легкой хромоте. С минуту помолчал. Невольно затихли и все остальные.

– Мать! – гортанно, будто даже с вызовом обратился он к жене. – Как по-итальянски будет «до свидания»?

– Арривидерчи, папочка!

– А по-французски?

– Зачем тебе? – уже догадываясь, что за этим последует, спросила жена.

– Вы так мило беседовали, что вся улица слушала. Может, мне по-русски сказать, чтобы они катились вон?!

Екатеринбург, 2009

[1] досадное недоразумение (фр.)

[2] верующие (фр.)

«...И ПОСВЯТИТЬ – ТЕБЕ»

Василя ВАЛИТОВА

г. Екатеринбург

***

Люди в трамвайной борьбе —
Словно селёдки в бочке.
Крепче прижмусь к тебе.
Ты для меня... (многоточие)
Ты — где-то (там). И луна
Светит и днём, и ночью.
Я среди всех одна.
Просто одна. И точка.

***

Перья в крыльях моих — белого цвета. Не слишком удобно, верно, но так привычней. Бывает много вопросов — и ноль ответов. Жизнь без ответов кажется непрактичной. Белые перья мараются моментально. Их оттереть добела практически невозможно. В кои-то веки отбеливатель актуален. В кои-то веки, но... Летать и на грязных можно. Белые перья мои ты не замечаешь, как ни кручусь, как ни подбиваю клинья. Но улыбаешься. Я от улыбки таю. И для тебя взлетаю вдруг на павлиньих.

***

Нитку к кольцу вязать,
Красную — на серебре.
Именем тропку назвать
И посвятить — тебе.
С льдинками водных звёзд
Тёплый молочный путь.
А от счастливых слёз —
До света не заснуть.
Масляно-жёлтый круг
Сырно блестит от крыш.
Имя твоё не вдруг
Прошелестел камыш.
Вереск, черника, лёд,
Тина ночной возни:
«Этой тропинкой... Вот,
Нитка, кольцо... Возьми!».
Нитка — от сердца путь,
Тропка — осенний век.
Вот бы кольцом вернуть
Капель усталый бег...
Нитку сотрут года,
Тропка — болота сыть.
Да серебра кольца
Мне уже не забыть.
Время уйдёт за миг,
Люди уйдут не в май.
Вереск давно поник:
Что же — зима. Прощай.

***

Давай, всё закончится — так вот, сразу.
Можно разбить ради этого вазу.
Можно порвать два платка и тетрадь,
чтоб не на чем было стихи писать
и не во что чтобы сморкаться было —
Слёзы? да что вы. Лишь над могилой.
У нас же весна — хоть год, хоть век!
...в календаре. За окном — снег.

***

Она живёт в своём маленьком доме
С заколоченной дверью, как в коме.
С огромной печью без дров —
Лесник небрит и суров.
Она не выходит из дома наружу.
Ей просто там никто не нужен,
И она никому не нужна.
Холодно. Зима-княжна
Рассыпает щедрой рукою порох
Снега. Чиркни — по всему селу грох-
от. Гром. А впрочем, что там, вот,
За окном — деревня, город?
Она живёт в своём маленьком доме,
Пьёт воду ковшами — своё «боржоми»,
Она его черпает в подвале,
Ей там свой колодец собрали
Когда-то. Кто-то. Она не помнит.
Глотает быстро, пока не заполнит
Себя до края — до горла — водой.
И вслух говорит «Пора домой»,
Идёт и садится на стул к окну,
Зажигает свечу и смотрит в тьму.
В сине-чёрную, непроглядную,
Злую, долгую и всеядную.
Смотрит, смотрит, смотрит и ждёт —
«Зима пройдёт.
Должна пройти, не может же вечно...».
Снаружи солнце играет беспечно
Лучами и видит, как рисует в альбоме
Та, что живёт в своём маленьком доме.

***

Когда деревья были большими,
А книги почти все — толстыми,
Не было в мире просто людей,
Были «как я» — и «взрослые».

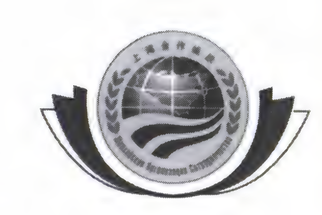
***

Мост сожгу, побью стёкла,
Буду смелой.
Только стукну тебе в дверь
Куском мела,
Только небу платком вытру
Слёзы честно,
Лист кленовый приколочу
Луны вместо.
Я лечу во вчера с завтра,
Зная, веря:
Дождь кленовый сотрёт мел
С твоей двери.

Евгений БИРЮКОВ

фотографист, краевед

ЕВРОПА – АЗИЯ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

К заседанию Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в Екатеринбурге.

«Восток есть Восток, Запад есть Запад...» – постулат XIX века. XX век сделал границы прозрачными и внёс стремление к объединению, а глобализм нивелирует нации. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – блок экономический. Проведение очередного саммита намечено в Екатеринбурге. Город усиленными темпами прихорашивается (чистят-красят дома на центральных улицах). Проведена и Неделя молодёжной моды стран ШОС под эгидой Министерства торговли, питания и услуг Свердловской области. Сие министерство стало спонсором и международного фотофестиваля «От Великой Китайской стены к Каменному поясу», он в течение целого года был представлен в Доме Метенкова выставками работ фотографов Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, России и Китая.

Финальным аккордом стала выставка международного фотоконкурса «Европа и Азия – диалог культур». Около 400 участников (3153 снимка) из 30 стран. Фотография – язык международный, всем понятный,

запечатлевает объективно и образно как специфику стран и народов, так и диалог культур.

Итоговая выставка – 200 работ 43 авторов из 19 стран – и смотр современного мирового фотоискусства. В жюри пригласили экспертов из Москвы, Петербурга, Братиславы... Каждый голос уже гарантировал диплом (их – 17). Список лауреатов открыл екатеринбургский фотожурналист Константин Саламатин (серия «Обочина Шёлкового пути», всего один голос), а закрыл наш же фотодизайнер Ильдар Зиганшин (серия «Корни табора», не хватило... одного голоса для абсолютной победы). Гран-при (и 3000 евро) отправится Халиду Хасану в Бангладеш за фотосерию «Река жизни и смерти».

Решение для многих оказалось неожиданным. Но спонсоры в порядке оправдания сказали, что Бангладеш – страна... очень бедная. Приз зрительских симпатий не предусмотрен, но равнодушных не было. Посмотреть есть что: и жизнь, и слёзы, и любовь. Ничто человечеству не чуждо.

P.S: Лучшее избранное выставок – «Грани веков» представлены в резиденции Губернатора Свердловской области и в киноконцертном театре «Космос».

4 июля 2001 года
2 часа 10 минут Иркутского времени
При заходе на посадку в 20 км от аэропорта г. Иркутска разбился самолет ТУ–154М борт 85845.
Погибли все 136 пассажиров и 9 членов экипажа.

Памяти каждого из них…

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Она возвращалась из сада и впервые везла домой цветы. Вот и у неё наконец-то расцвёл пион, всего три цветка. А сколько радости они ей доставили! Следом за ней в автобус вошла женщина с огромным букетом. И ей стало как-то неудобно и грустно, глядя на свой скромный букетик. Обладательница огромного букета, словно заметив её смущение, протянула ей несколько цветов, словно поделилась чем-то добрым, так необходимым именно в эту минуту.

Она ехала, улыбаясь, казалось, что в душе что-то поёт. «Господи, хорошо-то как, а если ещё не смотреть в зеркало, то – как будто 30, ну, не больше 40-ка – это точно. Сейчас приеду домой, приму ванну, выпью чашечку кофе». Она чувствовала нежный запах цветов и улыбалась. Дома она первым делом поставила цветы в вазу. Букет был хорош!

Звонок в дверь неожиданный и резкий. Её сноха, вся в слезах, зашла с незнакомым молодым человеком. «Мама, самолёт, на котором подлетел Слава, разбился...». В это мгновенье её душа разорвалась на тысячи острых холодных осколков. Исчезли запахи, звуки, цвета, осталась бездонная чёрная тишина, звенящая болью в каждой клеточке.

Говорят, предчувствие. Да не было никакого предчувствия! Да и почему оно должно быть? Почему её так мучает чувство вины за то, что не было у неё никакого предчувствия. Мы всегда чувствуем вину перед теми, кто ушёл. Нам кажется, что мы чего-то не сделали, что от нас могло что-то зависеть. Это чувство настолько острое, пронзительное, что только с годами, когда оно немного отступает, мы начинаем понимать, что ничего от нас в тот момент не зависело, и сделать мы в тот момент ничего не могли.

Приходили и уходили люди. Возвращался звук. Она слышала обрывки фраз: «Человеческий фактор... Погибли все... Спецрейс... Надо лететь в Иркутск... Кто поедет...». Она начала чувствовать запахи. Пахло лекарствами, и хотелось на воздух, нужно выйти на балкон.

А внутри засела древняя старуха, не способная двигаться, говорить и даже мыслить.

Одно огромное поле на 145 человек. Таким оно запомнилось всем тем, кому предстояло ещё пережить моменты отчаяния и полного безразличия к жизни, глубокую душевную тоску и тяжёлое чувство подсознательной вины. Уже через год это поле оденется травой, потом – кустарником, станет похожим на многие другие...

Постепенно к ней стали возвращаться краски. За окном светило пока ещё чужое солнце, бегали и смеялись дети в школьном дворе.

Она знала, что жизнь продолжается. Просто нужно найти в себе силы жить и всё помнить.

В

Герб графов Строгановых.

Герб дворян Демидовых.

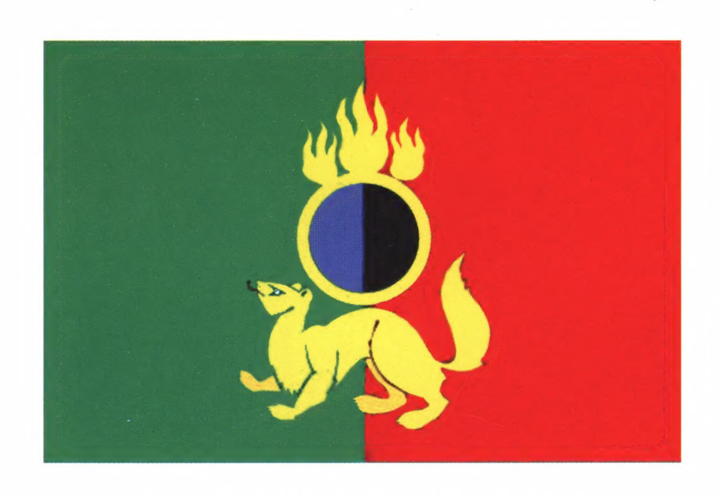

Герб Первоуральска.
Старый.

Символы и эмблемы современного Первоуральска

Герб Первоуральска.
Последняя официальная версия.

Флаг города. *Зарегистрированный вариант.*

Герб Ревды.
Последняя официальная версия.

Герб Первоуральска.
Новый.

Герб Первоуральска.
Авторский вариант.

Герб Первоуральска.
Авторский вариант.

Рабочий вариант герба Первоуральска, парного ревдинскому гербу.